

ISSN 2500-3216 (Print)
ISSN 3034-3755 (Online)

БФУ БАЛТИЙСКИЙ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ИММАНУИЛА КАНТА

IKBFU IMMANUEL KANT
BAL TIC FEDERAL
UNIVERSITY

ВЕСТНИК
БАЛТИЙСКОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. И. КАНТА

Серия
Гуманитарные и общественные
науки

№ 3

Калининград
Издательство Балтийского федерального университета
им. Иммануила Канта
2025

Редакционная коллегия

И. Н. Тарасов, д-р полит. наук, проф., БФУ им. И. Канта (главный редактор);
Г. В. Кретицин, д-р ист. наук, проф., БФУ им. И. Канта (зам. главного редактора);
А. А. Вишневский, д-р юрид. наук, проф., НИУ «Высшая школа экономики»;
Т. С. Волцецкая, д-р юрид. наук, проф., БФУ им. И. Канта; *А. А. Давиденко*,
 канд. ист. наук, доц., БФУ им. И. Канта (ответственный редактор);
А. А. Демичев, д-р юрид. наук, проф., Нижегородская академия МВД РФ;
О. И. Зазнаев, д-р юрид. наук, проф., Казанский (Приволжский) федеральный
 университет; *М. В. Ильин*, д-р полит. наук, проф., НИУ «Высшая школа
 экономики»; *В. Г. Кикнадзе*, д-р ист. наук, советник, Российская академия
 ракетных и артиллерийских наук; *Ю. В. Костяшов*, д-р ист. наук, проф.,
 БФУ им. И. Канта; *А. В. Куликов*, д-р юрид. наук, проф., БФУ им. И. Канта;
Л. Е. Лаптева, д-р юрид. наук, проф., РАНХиГС при Президенте РФ;
И. А. Макаренко, д-р юрид. наук, проф., Башкирский государственный
 университет; *С. М. Маркедонов*, канд. ист. наук, доц., МГИМО;
А. О. Машовец, д-р юрид. наук, проф., Уральский государственный
 юридический университет им. В. Ф. Яковлева; *С. Ф. Милуков*, д-р юрид. наук,
 проф., Российский государственный педагогический университет
 им. А. И. Герцена; *А. В. Поляков*, д-р юрид. наук, проф., Санкт-Петербургский
 государственный университет; *О. В. Попова*, д-р полит. наук, проф.,
 Санкт-Петербургский государственный университет; *Е. Р. Россинская*,
 д-р юрид. наук, проф., Московская государственная юридическая академия
 им. О. Е. Кутафина; *Н. П. Таньшина*, д-р ист. наук, проф., РАНХиГС
 при Президенте РФ; *А. Н. Учаев*, д-р ист. наук, проф.,
 Саратовский государственный технический университет им. Ю. А. Гагарина

Учредитель

Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта

Редакция

236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

Издатель

236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

Типография

236001, Россия, Калининград, ул. Гайдара, 6

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
 информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-65006 от 4 марта 2016 г.

Дата выхода в свет 15.10.2025 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Государство и право

<i>Авдеев В.Н., Панькина И.Ю.</i> Производство проверочных действий до возбуждения уголовного дела: теория и практика	5
<i>Кочкина М.С.</i> Криминологическое исследование распространенности порнографического контента в социальных сетях и мессенджерах (по материалам интернет-опроса пользователей)	18
<i>Александрова Л.А.</i> Следственное действие как совокупность процессуальных мер и элемент системы в структуре института доказывания	32

История. Исторические науки

<i>Гудков И.А.</i> Развитие системы управления морским транспортом СССР в начале 1930-х годов на примере Владивостокского торгового порта	41
<i>Беспалько Г.Н.</i> Вопрос о правомерности советской оккупации Германии (1945 – 1949)	54
<i>Лузянин Н.Г.</i> Организационные формы и управление объектами легкопромышленного производства Калининградской области в 1940–1970-х годах	65

Общество и политика

<i>Махлаюк А.Н.</i> Развитие военно-промышленного комплекса Пакистана в XXI веке как элемента национальной военной стратегии	82
<i>Лаврикова А.А., Тетерук Д.С.</i> Особенности политического медиадискурса как фактор формирования репутационного капитала глав субъектов РФ (на примере регионов Центрального федерального округа)	96
<i>Кольба А.И., Лалетина А.Д.</i> Политический дискурс в интернет-коммуникациях локальных сообществ: теоретические основы исследования	109

CONTENTS

State and law

<i>Avdeev V.N., Pankina I.Yu.</i> Performing verification actions before initiating a criminal case: theory and practice	5
<i>Kochkina M.S.</i> Criminological study of the prevalence of pornographic content in social networks and messengers (based on an online user survey)	18
<i>Alexandrova L.A.</i> An investigative action as a set of procedural measures and an element of the system in the structure of the institution of evidence	32

History. Historical sciences

<i>Gudkov I.A.</i> The development of the USSR maritime transport management system in the early 1930s using the example of the Vladivostok commercial seaport	41
<i>Bespalko G.N.</i> The question of the legitimacy of the Soviet occupation of Germany (1945 – 1949)	54
<i>Luzyanin N.G.</i> Organisational forms and management of light industrial enterprises in the Kaliningrad region in the 1940s – 1970s	65

Society and politics

<i>Makhlaiuk A.N.</i> Development of the military-industrial complex of Pakistan in the 21st century as an element of the national military strategy	82
<i>Lavrikova A.A., Teteruk D.S.</i> Peculiarities of the political media discourse as a factor in forming reputational capital of the heads of subjects of the Russian Federation (by the example of the Central Federal District regions)	96
<i>Kolba A.I., Laletina A.D.</i> Political discourse in Internet communications of local communities: theoretical background	109

УДК 343.132

В. Н. Авдеев¹, И. Ю. Панькина²

**ПРОИЗВОДСТВО ПРОВЕРОЧНЫХ ДЕЙСТВИЙ
ДО ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА**

¹ Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России, Калининград, Россия

² Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 08.05.2025 г.

Принята к публикации 15.07.2025 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-3-1

5

Для цитирования: Авдеев В. Н., Панькина И. Ю. Производство проверочных действий до возбуждения уголовного дела: теория и практика // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2025. №3. С. 5 – 17. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-3-1.

Расследование любого факта нарушения закона начинается с определенных действий субъектов правоохранительных органов, которые должны отвечать требованиям назначения уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ). На стадии возбуждения уголовного дела такие проверочные действия подразделяются на оперативно-розыскные мероприятия, иные процессуальные действия и следственные действия. В теории и практике уголовного процесса продолжает иметь место ряд вопросов относительно системы проверочных действий, критериев их проведения, обеспечения прав участвующих в них лиц, возможности проведения на рассматриваемом этапе опроса как оперативно-розыскного мероприятия и обыска и выемки как следственных действий. В качестве философской основы применяется метод диалектического материализма, предполагающий изучение всех явлений в совокупности и системной связи. В работе использованы методы синтеза и анализа, индукции и дедукции, а также специальные методы исследований в сфере юридической науки. Выделены главные проблемы, касающиеся проверочных действий: а) определение их правовой природы; б) выяснение того, является ли приведенный в уголовно-процессуальном законе перечень проверочных действий исчерпывающим; в) установление доказательственного значения проверочных действий. Проанализированы позиции ученых по указанным проблемам. Внесены предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: обеспечение прав личности, оперативно-розыскное действие, опрос, проверочные действия, следственные действия, критерии производства, обыск, выемка, осмотр места происшествия

Основу стадии возбуждения уголовного дела составляет специализированная деятельность органов дознания и предварительного следствия по проверке сообщения о преступлении. Так, согласно ч. 1 ст. 144

УПК РФ должностные лица органов уголовного преследования обязаны не только принять сообщение о преступлении, но и провести его проверку в соответствии с требованиями всесторонности, полноты и объективности, чтобы затем прийти к законному и обоснованному решению.

Нарушение следователем и дознавателем указанных требований в ходе проверки может повлечь за собой как необоснованное возбуждение уголовного дела и, соответственно, дальнейшее незаконное уголовное преследование лица, так и незаконный отказ в возбуждении уголовного дела, что в судебной практике признается ограничением права на доступ к правосудию. При этом принятие указанных выше решений, с одной стороны, подрывает авторитет государства в лице его правоохранительных органов, а с другой — может создать уверенность в безнаказанности, что способствует продолжению преступной деятельности.

6

Поэтому следует вести речь о невозможности полноценного достижения назначения уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ) без проведения качественной и всесторонней проверки сообщения о преступлении посредством предоставленных законодателем средств.

Проведенные рядом авторов исследования показывают, что истоки зарождения предпосылок формирования института проверочных действий были в определенной мере заложены в томе 15 Свода законов Российской империи 1832 г., где в качестве первого этапа производства было определено предварительное следствие, предназначенное для уяснения обстоятельств совершенного [1, с. 16].

В определенной мере можно говорить о закреплении данного института в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. [2]. Так, в частности, в ст. 297 дано указание на поводы «начала следственного производства».

Таким образом, первой была стадия предварительного следствия, а о таком этапе, как возбуждение уголовного дела, и, соответственно, о проверке сообщения о преступлении не велось речи. При этом одновременно имела место так называемая модель «полицейского дознания», нацеленного на установление подозреваемого, его задержание и собрание доказательств.

Первые советские кодексы (УПК РСФСР 1922 г. [3] и 1923 г. [4]) также содержали в себе многие черты ранее действовавшего Устава уголовного судопроизводства 1864 г., поэтому в них не были закреплены конкретные положения относительно проверки сообщения о преступлении самостоятельного этапа производства досудебного производства. По данным закона начало и дознания, и предварительного следствия связано с поступлением сообщения о преступлении.

Однако на практике все же ставился вопрос об объеме проверочных действий по сообщению о преступлении. Так, в 1928 г. директивным письмом Народного комиссариата юстиции и Верховного суда РСФСР предписывалось до начала расследования «использовать все прочие возможности для уяснения дела — запросы, затребования объяснений и т.д.» [5, с. 17–18].

Затем на этапе подготовки в 1950-х гг. нового уголовно-процессуального закона такая позиция претерпела кардинальные изменения. В принятом в 1960 г. УПК РСФСР [6] появилась самостоятельная стадия возбуждения уголовного дела (ст. 109–116), в рамках которой была определена необходимость проверки сообщения о преступлении. При этом в качестве проверочных действий были закреплены лишь истребование необходимых материалов и получение объяснений (ч. 2 ст. 109 УПК РСФСР).

В 1963 г. в качестве проверочного в случае, не терпящем отлагательства, было допущено единственное следственное действие — осмотр места происшествия (ч. 2 ст. 178 УПК РСФСР).

Вступивший в силу 1 июля 2002 г. УПК РФ в первоначальной редакции предусматривал в ходе доследственной проверки возможность производства документальных проверок, ревизий (ч. 1 ст. 144), проведения осмотра места происшествия, освидетельствования, а также назначения судебной экспертизы (ч. 4 ст. 146). При этом отсутствовало упоминание о возможности получения объяснения.

С учетом изменений, внесенных в УПК РФ Федеральным законом от 04.03.2023 № 23-ФЗ, в число проверочных следственных действий законодатель однозначно включил осмотры места происшествия, предметов, документов и трупа, освидетельствование, назначение и производство судебной экспертизы, а также получение образцов для сравнительного исследования (ч. 1 ст. 144, ч. 2 ст. 176, ч. 4 ст. 178, ч. 1 ст. 179, ч. 4 ст. 195, ч. 1 ст. 202 УПК РФ).

В то же время в силу указания в ч. 1 ст. 144 УПК РФ на возможность изъятия документов и предметов в порядке, установленном данным законом, в теории и практике уголовного процесса постоянно дискутируется вопрос относительно возможности производства в качестве проверочных следственных действий обыска и выемки. В данном случае ряд авторов придерживается позиции о возможности производства на рассматриваемом этапе обыска и выемки [7; 8]. Надо заметить, что допускается возможность производства таковых, в том числе без выполнения требований ч. 2 ст. 29 УПК РФ — без судебного решения, только лишь в порядке ч. 5 ст. 165 данного закона [9].

Существует другая точка зрения, которая разъясняет эти положения как возможность проведения в качестве проверочного действия лишь выемки, в том числе в случаях как требующих судебного решения, так и не терпящих отлагательства [10].

Можно найти такие разъяснения в некоторых официальных документах. Так, например, в п. 2 разд. III Методических рекомендаций по применению органами дознания Федеральной службы судебных приставов дознания в сокращенной форме, утвержденных ФССП России 26.04.2013 № 04-7 (ред. от 20.02.2014), указывается на право дознавателя произвести в ходе доследственной проверки выемку предметов и документов в порядке ст. 183 УПК РФ.

Положения о законности производства выемки в качестве проверочного действия на рассматриваемом этапе также имеют место в от-

дельных решениях Верховного суда РФ [11] и судов общей юрисдикции [12]. Это, на наш взгляд, не соответствует требованиям закона. Обыск и выемка не включены в систему следственных действий на данном этапе. Кроме того, в ст. 144 УПК отсутствует указание на порядок проведения изъятия предметов и документов. Безусловно, вряд ли возможно говорить о применении аналогии закона в данном случае и в целом в уголовном процессе. Если рассматривать ст. 182 и 183 УПК, то в данных статьях нет характеристики этих действий как проверочных до вынесения решения о возбуждении уголовного дела.

Позиция о том, что изъятие в ходе доследственной проверки возможно лишь в рамках следственных действий, прямо указанных в ч. 1 ст. 144 УПК РФ, где выемка и обыск не фигурируют, четко определена и в Информационном письме Генеральной прокуратуры РФ от 20 августа 2014 г. № 36-11-2014 «О недопустимости изъятия предметов и документов вне рамок следственных действий, предусмотренных до возбуждения уголовного дела».

Следовательно, до возбуждения уголовного дела изъятие предметов и документов возможно лишь в рамках осмотра места происшествия, получения образцов для сравнительного исследования и освидетельствования. В то же время вполне обоснованным является внесение изменений в ч. 1 ст. 144 и 183 УПК РФ относительно указания на возможность выемки в случаях, не терпящих отлагательства, до возбуждения уголовного дела.

В качестве иных проверочных процессуальных действий законодателем определены получение объяснений, истребование документов и предметов, производство документальных проверок и ревизий, исследование документов, предметов, трупов с привлечением специалистов, предъявление требований, поручений, запросов, в том числе поручений о проведении оперативно-розыскных мероприятий, принятие представленных пострадавшим, его представителем и другими лицами предметов и документов (ч. 2 и ч. 3 ст. 86, ч. 1 ст. 144 УПК РФ). Но при этом в теории и практике уголовного процесса не имеется единства мнений относительно отдельных процессуальных действий, в том числе объяснений.

Остановимся на этом более подробно. Так, на этапе проверки сообщения о преступлении получение объяснений продолжает оставаться весьма распространенным действием, направленным на установление фактов, имеющих значение для уяснения обстоятельств проверяемого события. При этом объяснения оцениваются наряду с иными материалами проверки и учитываются при принятии решений о возбуждении и об отказе в возбуждении уголовного дела, а в конечном итоге согласно ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ могут быть использованы в качестве доказательств при условии соблюдения положений ст. 75 УПК РФ.

Кроме того, в ходе сокращенной формы дознания сведения, содержащиеся в объяснениях, полученных на доследственной проверке, заменяют показания лиц, полученные при допросах после возбуждения

уголовного дела. Следует это из предписаний п. 2 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ о том, что в ходе такого дознания дознаватель вправе не допрашивать лиц, от которых получены объяснения до возбуждения дела, за исключением отдельных случаев. В этой связи рядом авторов объяснения признаются доказательствами, подпадающими под признаки иных документов как вида доказательств, указанного в ч. 2 ст. 74 УПК РФ [13; 14].

Указанная позиция нашла свое отражение в определении Конституционного суда Российской Федерации от 28.05.2013 №723-О, где говорится об объяснениях как о доказательстве, относящемся к иным документам при соблюдении положений в части собирания, проверки и оценки доказательств [15].

Разъяснения о допустимости использования объяснений, полученных в рамках доследственной проверки, в качестве доказательств, в частности при обеспечении права на участие адвоката, представлены также в п. 17 Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 31.10.1995 №8 [16]. В дальнейшем данная позиция нашла свое отражение в отдельных решениях указанного суда по конкретным уголовным делам [17].

Решения относительно признания объяснений надлежащими доказательствами в качестве иных документов со ссылкой на правовую позицию, высказанную в указанном выше определении Конституционного суда РФ, имеют место в целом ряде случаев в судах общей юрисдикции [18; 19].

При этом, например, Второй кассационный суд общей юрисдикции в определении от 12.01.2022 №77-148/2022, признавая объяснение доказательством, отметил, что опрашиваемому в порядке ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ были разъяснены его процессуальные права, в том числе право на присутствие адвоката при даче объяснений; замечаний и дополнений от него не поступило [20].

С другой стороны, отсутствие непосредственно объяснений в перечне доказательств, представленном в ч. 2 ст. 74 УПК РФ, регламентации процессуальной формы их получения, а также уголовной ответственности за отказ от дачи объяснений и за дачу заведомо ложных объяснений привело к формированию среди ученых и практических работников позиции о недопустимости использования в качестве доказательств объяснений лиц, полученных в ходе доследственной проверки [21].

Данная позиция нашла свою поддержку и в судебной практике судов кассационной инстанции. Так, в ряде определений кассационных судов общей юрисдикции отмечается, что в соответствии с положениями ст. 74 УПК РФ объяснения отсутствуют в перечне доказательств [22 – 24].

В других случаях кассационная инстанция отказывается признавать объяснения доказательствами, поскольку они получены без предупреждения лица об уголовной ответственности по ст. 307, 308 УК РФ [25].

На наш взгляд, с учетом анализа предписаний уголовно-процессуального права, правовой позиции Конституционного суда РФ и разъяснений Пленума Верховного суда РФ следует говорить о том, что объяснения, полученные в ходе проверки сообщения о преступлении, являются доказательством в уголовном процессе, которые в соответствии со ст. 74 УПК РФ попадают под категорию «иные документы».

Для снятия возникающих спорных моментов относительно доказательственного значения объяснений необходимо:

– дополнить второе предложение ч. 2 ст. 86 УПК РФ после слов «настоящего Кодекса» словами «а также объяснения, полученные при проверке сообщения о преступлении»;

– в отдельной статье УПК РФ регламентировать процессуальную форму получения объяснений.

Большое значение имеет разграничение объяснений, полученных по процессуальным правилам в порядке УПК РФ, и опроса, проведенного в ходе оперативно-розыскной деятельности. В последнем случае полученные результаты – это не доказательства, это сведения об источниках, которые могут стать доказательствами лишь путем их закрепления в уголовно-процессуальном порядке.

С позиции Конституционного суда РФ [26], опрос является мерой проверочного характера, заключающейся в сборе информации о лицах, фактах, обстоятельствах, имеющих значение для решения задач оперативно-розыскной деятельности. При этом законодатель не устанавливает каких-либо условий и ограничений для проведения опроса, но оперативные сотрудники обязаны при осуществлении данного ОРМ руководствоваться принципом уважения и соблюдения прав человека и обеспечивать гарантированное ст. 21 Конституции РФ право на достоинство личности и категорический запрет на применение пыток, насилия, другого унижающего человеческое достоинство обращения [27, с. 84].

В научной литературе существует несколько подходов к понятию оперативно-розыскного мероприятия «опрос». К примеру, Е.С. Дубоносов приводит следующее определение: «Опрос – это специальная беседа, проводимая с гражданами, которым могут быть известны сведения, необходимые для решения конкретной задачи оперативно-розыскной деятельности (о преступлениях, лицах его совершивших, следах преступной деятельности и т.д.)» [28, с. 97]. В данном определении отмечается неполнота понятия в силу отсутствия указания на субъект проведения данного ОРМ.

А.Ю. Шумилов приводит такое определение: «Опрос (сыскной) – это сбор фактической информации, имеющей значение для решения конкретной задачи ОРД (как правило, локальной), со слов опрашиваемого человека, который реально или вероятно обладает ею, субъектом (оперативник и др.), уполномоченным на то оперативно-розыскным законодательством» [29]. Данное определение представляется более полным, чем предыдущее.

Обратимся также к мнению А.Е. Четина, который считает, что опрос – это ОРМ, основанное на проведении специальной беседы с лицами, которым могут быть известны сведения, необходимые для решения тактических задач ОРД [30].

ОРМ «опрос» – одна из форм сбора информации, проводимой в рамках ОРД, регулируемой соответствующим законодательством [31], которое устанавливает исчерпывающий перечень ОРМ. Возглавляет данный перечень именно ОРМ «опрос». В контексте раскрытия преступлений опрос используется как первоначальный, нередко единственно возможный инструмент для получения сведений о совершении преступления. Отметим, что опрошенным может быть любое лицо, как иностранный гражданин, так и лицо без гражданства. Согласно ст. 8 Закона об ОРД не является препятствием для проведения в отношении лиц оперативно-розыскных мероприятий гражданство, национальность, принадлежность к общественным объединениям, место жительства, отношение к религии и политические убеждения.

А.Е. Четин называет опрос самым распространенным ОРМ, которое используется при раскрытии всех преступлений, с чем нельзя не согласиться. Опрос является самым простым ОРМ в приготовлении к проведению, не требует санкционирования ни ведомственного, ни судебного, также принимается во внимание универсальность проведения – объектами опроса могут быть абсолютно любые лица, независимо от возраста, пола, которые располагают необходимой информацией [32].

Также А.Е. Четин считает необходимым изменение понятия «опрос» на понятие «оперативный опрос». Само по себе понятие «опрос» может восприниматься многогранно, о чем свидетельствует его использование в социологии, журналистике и иных сферах деятельности человека. Путем введения термина «оперативный опрос» будет исключена подмена понятий в Российском уголовно-процессуальном законодательстве, рассматривающем цель опроса как получение объяснений в рамках доследственной проверки, проводимой при рассмотрении сообщения о преступлении для принятия дальнейшего процессуального решения. При этом опрос автоматически принимает значение оперативного опроса, который осуществляется с целью решения задач оперативного характера уполномоченными субъектами в соответствии с Законом об ОРД.

Рассматривая этап доследственной проверки информации о преступлении субъектами правоохранительных органов, мы считаем, что разница в понятиях «опрос» и «оперативный опрос» связана лишь с субъектом его проведения: субъект оперативно-розыскной деятельности или субъект предварительного следствия.

Данную позицию разделяет и А.Е. Четин: введение понятия «оперативный опрос» в контексте Закона об ОРД исключит полемику, возникающую при использовании термина «опрос», который уже будет подразумеваться как относящийся к иной деятельности, не оперативной [33, с. 84].

В случае когда сведений, полученных в рамках ОРД, достаточно для принятия решения о возбуждении уголовного дела, ОРМ проводятся на основании поручения следователя о производстве отдельных следственных действий (оперативно-розыскных, розыскных мероприятий).

Результаты ОРД могут быть использованы в процессе доказывания по уголовным делам в соответствии с требованиями УПК РФ, предъявляемыми к доказательствам. На стадии предварительного расследования решается вопрос о переводе результатов, полученных в ходе проведения ОРМ, в надлежащее доказательство по уголовному делу, отвечающее требованиям, предъявляемым к доказательствам УПК РФ.

В правоприменительной практике и науке уголовно-процессуального права нередко возникает вопрос, каким образом могут сведения, полученные в ходе проведения ОРМ, в частности ОРМ «опрос», быть использованы в качестве доказательства. ОРМ «опрос» может проводиться как до возбуждения уголовного дела, так и после, но вне рамок процессуальных действий. Это объясняется тем, что в рамках опроса не обеспечиваются гарантии, присущие такому процессуальному действию, как допрос: отсутствует предупреждение об ответственности за дачу ложных показаний, не ведется протокол в установленной процессуальной форме и т. д.

Тем не менее результаты опроса сами по себе не обладают доказательственным статусом в силу прямого указания ч. 1 ст. 75 УПК РФ, согласно которой не допускается использование в качестве доказательств информации, полученной с нарушением закона, а именно требований УПК РФ. Так, в двух определениях Верховного суда РФ (апелляционном [34] и кассационном [35]) было указано об исключении из приговора суда негласной видеозаписи опроса как недопустимого доказательства, а также о том, что результаты ОРМ не относятся к числу доказательств, предусмотренных ст. 74 УПК РФ.

Результаты ОРД могут быть использованы в процессе доказывания по уголовным делам в соответствии с требованиями УПК РФ, предъявляемыми к доказательствам. На стадии предварительного расследования решается вопрос о переводе результатов, полученных в ходе проведения ОРМ, в надлежащее доказательство по уголовному делу, отвечающее требованиям, предъявляемым к доказательствам УПК РФ.

На практике важную роль в придании информации, полученной в рамках ОРМ «опрос», доказательственного значения играет не только допрос, но и реакция субъекта, выполняющего контрольно-надзорные функции в рамках уголовного процесса, а точнее прокурора. Информация, полученная в ходе опроса, как правило, фиксируется в рапорте или справке о проведении ОРМ. Такая информация может лечь в основу постановления о возбуждении уголовного дела (ст. 146 УПК РФ), если содержит признаки преступления. В таком случае быстрая реакция контрольно-надзорной функции прокурора и его согласие с материалами ОРМ фактически запускают механизм придания информации доказательственного статуса. Сведения, изложенные в опросе, могут

быть использованы как основание для допроса лица, проверки показаний на месте и иных процессуальных действий, в результате которых будут зафиксированы допустимые доказательства.

Так как ОРМ «опрос» не является самым распространенным и сложным ОРМ, требующим тщательной подготовки, при анализе судебной практики по преступлениям коррупционной направленности выявлено, что, как правило, результаты ОРМ «опрос» в комплексе с результатами других ОРМ составляют часть доказательственной базы, которая исследуется судом. Так, в деле по обвинению Зименкова А. А., начальника следственного отделения ОМВД России по ГО «Смирновский», в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 290 УК РФ, ч. 1 ст. 30 – ч. 3 ст. 290 УК РФ, судом исследованы все доказательства по делу, в числе которых имелось множество результатов ОРМ, а именно «опроса», «оперативного эксперимента», «наблюдения», в результате чего все доказательства оценены судом, из числа доказательств никакие исключены не были [36].

Цели использования результатов ОРМ «опрос» у сотрудников оперативных подразделений разные. В первую очередь это необходимость получения сведений, которые послужат поводом и основанием для возбуждения уголовного дела, использования в рамках уголовного процесса. Также данные, полученные в рамках этого ОРМ, могут использоваться для получения сведений, которые необходимы для проведения иных ОРМ, то есть преследуются оперативные цели [37, с. 110].

В то же время УПК РФ не содержит четко прописанного механизма трансформации результатов ОРМ в доказательства. Статья 89 УПК РФ лишь указывает, что сведения, полученные в рамках ОРД, могут использоваться при условии соответствия требованиям относимости, допустимости, достоверности и достаточности. Вопрос, как именно обеспечить это соответствие, остается во многом на усмотрение правоприменителя и активно обсуждается в науке уголовного-процессуального права. Однако это уже проблематика отдельного научного исследования.

Список литературы

1. Варнавский Д. А. Проверка сообщения о преступлении: генезис и перспективы : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017.
2. Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 года. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137> (дата обращения: 17.03.2025).
3. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 25 мая 1922 года. URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/upk22 (дата обращения: 17.03.2025).
4. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 15 февраля 1923 года. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3551#suwE22TCuEJkVKvK1> (дата обращения: 17.03.2025).
5. Жогин Н. В., Фаткуллин Ф. Н. Возбуждение уголовного дела. М., 1961. URL: <https://law.sfu-kras.ru/data/method/e-library-kup/Mono/%D0%9A%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B8%20%D0%B4%D0%BB%D1%8F%20%D1%87%D1%82%D0%>

B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F/%D0%B2%D0%BE%D0%B7%D0%B1%D1%83%D0%B6%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20%D1%83%D0%B3%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%BE%20%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D0%B0.pdf (дата обращения: 19.03.2025).

6. *Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР*: утвержден Верховным Советом РСФСР 27 октября 1960 г. (утратил силу). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. *Каретников А.С., Коретников С.А.* Следственные действия как способы проверки сообщения о преступлении // *Законность*. 2014. №7 (957). С. 37–42.

8. *Лукинов А.С.* Законность обыска и выемки до возбуждения уголовного дела // *Законность*. 2020. №7. С. 50.

9. *Прокурор* разъясняет. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_48/activity/legal-education/explain?item=52017906 (дата обращения: 16.03.2025).

10. *Артемова В.В.* Проблемные аспекты реализации истребования и изъятия предметов и документов на этапе возбуждения уголовного дела // *Российский следователь*. 2014. №3. С. 3–5.

11. *Постановление Верховного Суда Российской Федерации* от 25.08.2017 №16-УД17-16. URL: <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-verkhovnogo-suda-rtfot-25082017-n-16-ud17-16/> (дата обращения: 17.03.2025).

12. *Апелляционное постановление Суда Еврейской автономной области* от 12 июля 2018 г. №22-301/2018. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/5es90px6mwoZ/> (дата обращения: 18.03.2025).

13. *Виноградов А.С.* Получение объяснений в уголовном судопроизводстве: проблемы доказательственного значения // *Журнал правовых и экономических исследований*. 2019. №2. С. 52–56.

14. *Герасенков В.М.* Объяснения как источник доказательств в уголовном процессе // *Экономика. Социология. Право*. 2023. №3 (31). С. 92–100.

15. *Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Жудина Сергея Семеновича на нарушение его конституционных прав пунктом 6 части 2 статьи 74, пунктом 1 части третьей статьи 413 и положениями главы 40 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации* : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28.05.2013 г. №723-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

16. *О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия* : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 №8 (ред. от 03.03.2015). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

17. *Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации* от 15.10.2019 по делу №14-АПУ19-7СП. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

18. *Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции* от 13.05.2020 №77-461/2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

19. *Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции* от 29.09.2021 №77-4200/2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

20. *Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции* от 12.01.2022 №77-148/202. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

21. *Использование в доказывании объяснений и иных сведений, полученных в ходе доследственной проверки. Практика кассационных судов*. URL: <https://>

pravo163.ru/ispolzovanie-v-dokazyvanii-obyasnenij-i-inyx-svedenij-poluchennyx-v-xode-dosledstvennoj-proverki-praktika-kassacionnyx-sudov/ (дата обращения: 19.03.2025).

22. *Определения* Первого кассационного суда общей юрисдикции от 20.05.2021 №77-1650/202, от 08.02.2022 г. №77-472/2022. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

23. *Определение* Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 21.09.2021 №77-3733/2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

24. *Кассационное постановление* Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 16.10.2024 №77-3304/2024. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

25. *Определение* Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 01.11.2021 №77-4196/2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

26. *По жалобе* гражданина Чукова Анзаура Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями пунктов 1 и 3 части первой статьи 6 и подпункта 1 пункта 2 части первой статьи 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: определение Конституционного Суда РФ от 09.06.2005 №327-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

27. *Научно-практический комментарий* к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» / под ред. проф. А. Е. Четчина. Барнаул, 2022.

28. *Дубоносов Е. В.* Оперативно-розыскная деятельность: учебник для вузов. 8-е изд., перераб. и доп. М., 2025.

29. *Комментарий* к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». С постатейным приложением нормативных правовых актов и документов / авт. проф. А. Ю. Шумилов. 6-е изд., доп. и перераб. М., 2004.

30. *Федеральный закон* «Об оперативно-розыскной деятельности»: научно-практический комментарий / под ред. проф. А. Е. Четчина. 12-е изд., перераб. и доп. Барнаул, 2007.

31. *Об оперативно-розыскной деятельности*: федеральный закон от 12.08.1995 №144-ФЗ (ред. от 28.02.2025). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

32. *Четчин А. Е., Луговик В. Ф.* Психологические особенности опроса заподозренных в совершении преступлений: лекция. Барнаул, 2003.

33. *Четчин А. Е.* Актуальные проблемы теории оперативно-розыскных мероприятий: монография. М., 2023.

34. *Апелляционное определение* Верховного Суда РФ от 21 января 2016 г. №13-АПУ15-12сп. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

35. *Кассационное определение* Верховного Суда РФ от 7 февраля 2018 г. №73-О18-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

36. *Приговор* Смирныховского районного суда Сахалинской области от 12.05.2014 по делу №1-6/2014. URL: https://smirnihovskiy_sah.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=10813093 (дата обращения: 19.03.2025).

37. *Добренко М. А.* Возможности использования результатов оперативно-розыскного мероприятия «опрос» в уголовном процессе // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. №3. С. 108–110.

Об авторах

Виктор Николаевич Авдеев — канд. юрид. наук, доц., доц. кафедры уголовного процесса, Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России, Калининград, Россия.

E-mail: viktor.avdeev.1969@mail.ru

Инга Юрьевна Панькина — канд. юрид. наук, доц., доц. Института управления и территориального развития, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: iupanjkina@yandex.ru

V. N. Avdeev¹, I. Yu. Pankina²

PERFORMING VERIFICATION ACTIONS BEFORE INITIATING
A CRIMINAL CASE: THEORY AND PRACTICE

¹ Kaliningrad Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Kaliningrad, Russia

² Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 08 May 2025

Accepted 15 July 2025

doi: 10.5922/sikbfu-2025-3-1

To cite this article: Avdeev V. N., Pankina I. Yu., 2025, Performing verification actions before initiating a criminal case: theory and practice, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №3. P. 5–17. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-3-1.

The investigation of any violation of the law begins with certain actions of law enforcement authorities, which must comply with the purposes of criminal proceedings (Article 6 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation). At the stage of initiating a criminal case, such verification actions are divided into operational-search measures, other procedural actions, and investigative actions. In the theory and practice of criminal procedure, a number of issues remain regarding the system of verification actions, the criteria for their implementation, the protection of the rights of the persons involved, the possibility at this stage of conducting questioning as an operational-search measure, and search and seizure as investigative actions. The philosophical foundation is dialectical materialism, which presupposes the study of all phenomena in their totality and systemic interconnection. The study employs methods of synthesis and analysis, induction and deduction, as well as special methods of research in the field of legal science. The main problems concerning verification actions are examined, including the determination of their legal nature, the clarification of whether the list of verification actions in the criminal procedure law is exhaustive, and the establishment of their evidentiary significance. The positions of scholars on these issues are analyzed, and proposals are made for improving criminal procedure legislation.

Keywords: ensuring the rights of an individual, operational-search action, survey, verification actions, investigative actions, production criteria, search, seizure, inspection of the scene

The authors

Dr Viktor N. Avdeev, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure, Kaliningrad Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Kaliningrad, Russia.

E-mail: viktor.avdeev.1969@mail.ru

Dr Inga Yu. Pankina, Associate Professor, Associate Professor at the Institute of Management and Territorial Development, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: iupanjkina@yandex.ru

М. С. Кочкина

**КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
РАСПРОСТРАНЕННОСТИ ПОРНОГРАФИЧЕСКОГО КОНТЕНТА
В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ И МЕССЕНДЖЕРАХ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ИНТЕРНЕТ-ОПРОСА ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ)**

Воронежский институт МВД России, Воронеж, Россия

Поступила в редакцию 18.05.2025 г.

Принята к публикации 15.07.2025 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-3-2

18

Для цитирования: Кочкина М.С. Криминологическое исследование распространённости порнографического контента в социальных сетях и мессенджерах (по материалам интернет-опроса пользователей) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2025. №3. С. 18 – 31. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-3-2.

Проблема распространённости порнографии в социальных сетях и мессенджерах является острой, так как их наиболее активными пользователями, проводящими большинство свободного времени, является молодежь, в том числе несовершеннолетние. Порнографический контент – серьёзная угроза для их нравственного развития. В статье представлены результаты криминологического исследования, посвящённого изучению распространённости порнографического контента в социальных сетях и мессенджерах. Исследование проведено методом анонимного интернет-опроса пользователей. Анализируются данные о частоте столкновения пользователей с порнографическим контентом, способах его распространения, возрастных и гендерных особенностях потребления, а также об отношении респондентов к этому явлению. Кроме того, в работе используются иные общенаучные и частнонаучные методы. Выявляются основные риски, связанные с распространением порнографии в социальных сетях и мессенджерах, и предлагаются меры по их минимизации. Автор предлагает специальные криминологические меры по борьбе с порнографическим контентом в социальных сетях и мессенджерах: усиление контроля над контентом, разработку и внедрение фильтров контента, проведение информационных кампаний, совершенствование законодательного регулирования в области незаконного оборота порнографии и разработку эффективных профилактических программ.

Ключевые слова: порнография, социальные сети, мессенджеры, нравственность, интернет-опрос, распространённость порнографии, профилактика преступлений

Введение

Современное общество характеризуется стремительным развитием информационных технологий. Наиболее популярны среди подавляющего большинства пользователей Интернета такие информационные продукты, как социальные сети и мессенджеры. Эти платформы стали

неотъемлемой частью жизни миллионов людей, предоставляя возможности для общения, обмена информацией, развлечений, работы, творческого выражения. Однако вместе с этим они стали площадкой для распространения не только полезного и интересного контента, но и материалов, представляющих угрозу общественной нравственности и безопасности, в том числе порнографических [1, с. 448; 2, с. 43]. Проблема распространения порнографии в социальных сетях и мессенджерах приобретает особую остроту в связи с высокой доступностью данных платформ для несовершеннолетних, что создает риски для их психического и морального развития [3, с. 149]. Трудно поспорить с тем, что на сегодняшний день сеть Интернет является центральной площадкой для порнобизнеса [4, с. 32; 5, с. 107; 6, с. 113]. Социальный опрос ВЦИОМ показал, что большую часть времени пользователи сети Интернет тратят на посещение социальных сетей и мессенджеров¹. В связи с этим проведение криминологического исследования, направленного на изучение распространенности порнографического контента в социальных сетях и мессенджерах, а также выявление связанных с этим рисков представляется актуальным и необходимым для разработки эффективных мер профилактики и противодействия данному явлению. Наиболее активные пользователи сети Интернет – молодежь. Возрастные границы молодежи в России определены от 14 до 35 лет, что закреплено в ФЗ «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений»². Однако тема интернет-опроса имела достаточно интимный характер, поэтому возрастной ценз опрашиваемых был поднят с 14 до 16 лет с учетом возраста сексуального согласия и среднего возраста первого сексуального дебюта³. Цель опроса заключалась в выявлении распространенности преступлений, предусмотренных ст. 242–242.2 УК РФ, которые совершаются в сети Интернет, а также причин и условий, способствующих их совершению.

Методы

В процессе исследования автор применял общенаучные и частнонаучные методы: системно-структурный анализ, контент-анализ, обобщение, сравнение, дедукцию, индукцию, аналитический метод и др. В рамках исследования был проведен анонимный интернет-опрос пользователей социальных сетей и мессенджеров.

¹ Социальные сети и мессенджеры: вовлеченность и предпочтения // ВЦИОМ Новости. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnye-seti-i-messendzhery-vovlechennost-i-predpochtenija> (дата обращения: 06.03.2025).

² О внесении изменений в статьи 4 и 13 Федерального закона «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений»: федер. закон от 30.12.2020 №507-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/66934.html> (дата обращения: 06.03.2025).

³ Эксперт: возраст сексуального дебюта 16–18 лет // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/6767317> (дата обращения: 06.03.2025).

Результаты и обсуждение

Опрос проводился в период с октября 2024 по май 2025 г. с использованием онлайн-платформы Google Forms (Гугл Формы). В нем приняли участие 860 респондентов в возрасте от 16 до 35 лет, проживающих на территории Российской Федерации. Анкета опроса включала 18 вопросов, разделенных на две группы: связанных с общими данными (пол, место жительства, возраст, образование, активность использование социальных сетей и мессенджеров, наличие места работы и др.) и касающихся распространенности порнографического контента в социальных сетях и мессенджерах.

20

Выбор респондентов осуществлялся через социальную сеть «ВКонтакте». Одной из задач был анализ содержания личной страницы потенциального респондента. Требовалось установить активность страницы, наличие фотографий, «свежих» записей на «стене», иных признаков активности пользователя в социальной сети. При приглашении пользователя к участию в опросе уточнялся его возраст, так как часто эта информация в профиле не отражалась или же могла быть ложной. Только при соответствии этим критериям пользователь получал приглашение к участию в опросе.

В начале исследования всем участникам опроса было разъяснено понятие порнографического контента, под которым мы понимаем изображение или описание с акцентуацией на мужских и (или) женских гениталиях, а равно на предметах, схожих с ними по внешнему виду, либо демонстрация полового сношения или его имитации, цель которой направлена исключительно на возбуждение сексуального желания.

В результате полученных данных была получена следующая информация. В интернет-опросе приняло участие 56 % лиц женского пола и 44 % лиц мужского пола. Были опрошены интернет-пользователи пяти возрастных групп: от 16 до 17 лет (14,8 %), от 18 до 23 лет (35,3), от 24 до 27 лет (19,1 %), от 28 до 30 лет (16 %) и от 31 года до 35 лет (14,8 %).

Респондентов также выбирали в зависимости от места жительства. Так, нами были опрошены представители практически из всех федеральных округов Российской Федерации: 15,6 % – Воронеж, 13,8 % – Москва, 11,1 % – Липецк, 9,7 % – Санкт-Петербург, 8,3 % – Саратов, 5,9 % – Нижний Новгород, 4,3 % – Хабаровск, 3,8 % – Курган, 2 % – Уфа, 25,5 % – иные города и населенные пункты, в числе которых Владивосток, Екатеринбург, Казань, Махачкала, Новосибирск, Омск, Самара, Челябинск и др.

В ходе опроса респондентам было предложено выбрать социальные сети и мессенджеры, в которых они имеют личный аккаунт. Так как выборка респондентов осуществлялась через социальную сеть «ВКонтакте», то количество зарегистрированных в ней пользователей из числа опрашиваемых составило 100 %. Далее результаты распределились

таким образом, что наиболее популярными социальными сетями среди опрошенных стали Telegram (89,4 %), Instagram* (83,7 %), TikTok (53,6 %), YouTube (43,6 %), X** (38,2 %), Pinterest (17,9 %), Facebook*** (14,6 %), Одноклассники (12,9 %), Дзен (7,4 %), Живой Журнал (2,8 %), Rutube (1,6 %).

Что касается использования мессенджеров, то 94 % опрошенных имеют аккаунт в WhatsApp****, 52,6 % — в Viber*****, 42,8 % — в Skype, 12,9 % — в WeChat, 10,5 % — в Discord*****.

В данном исследовании под социальными сетями понимаются интернет-платформы, в которых пользователь может вести блог и публично общаться со своей аудиторией, в то время как мессенджеры представляют собой интернет-платформы, где возможен обмен сообщениями только между конкретными пользователями или их группами [7, с. 496].

Доля опрошиваемых, которые ежедневно используют социальные сети и мессенджеры менее 1 часа в день составила 9,2 %, от 2 до 4 часов — 54,4 %, 5–6 часов — 10,6 %, более 8 часов — 25,3 %. Оставшиеся 0,7 % заявили, что не используют социальные сети и мессенджеры на ежедневной основе. Наибольшее количество времени в социальных сетях согласно результатам опроса проводят респонденты в возрасте от 16 до 17 лет и от 18 до 23 лет, что объясняется меньшей занятостью в связи с отсутствием работы, семьи и т. д.

На вопрос «На какую социальную сеть вы затрачиваете наибольшее количество времени?» были получены следующие ответы: Telegram (50,9 %), Instagram* (34,6 %), TikTok (6,2 %), YouTube (6 %), Одноклассники (2,3 %). На аналогичный вопрос, который касался использования мессенджеров, были получены следующие данные: WhatsApp**** (84,1 %), Viber***** (10,3 %), Discord***** (5,6 %).

Среди респондентов высшее образование имеют 39,4 %, неоконченное высшее — 11,9 %, среднее профессиональное — 18,9 %, среднее общее — 4 %, неоконченное среднее общее — 11,9 %.

Из числа опрошенных 48,6 % официально трудоустроены, 36 % — обучающиеся, 15,5 % — временно безработные. Из числа официально трудоустроенных (418 человек) профессиональная деятельность связана с социальными сетями у 15 % респондентов (ведут в социальных сетях рабочие чаты, СММ-менеджеры, таргетологи и др.).

Результаты ответов на вопросы первой группы служат в качестве средних значений для сопоставления характеристик респондентов, ко-

* Instagram принадлежит компании Meta, признанной экстремистской и запрещенной на территории России.

** X заблокирована на территории России по требованию Генпрокуратуры.

*** Facebook принадлежит компании Meta, признанной экстремистской и запрещенной на территории России.

**** WhatsApp принадлежит компании Meta, признанной экстремистской и запрещенной на территории России.

***** Viber принадлежит компании Meta, признанной экстремистской и запрещенной на территории России.

***** Discord заблокирован Роскомнадзором на территории Российской Федерации.

торые определенным образом ответили на вопросы второй группы. Вторая группа вопросов была направлена на выяснение отдельных аспектов распространенности порнографического контента в социальных сетях и мессенджерах.

На вопрос «Встречался ли вам когда-либо в социальных сетях или мессенджерах контент порнографического содержания? (без целенаправленного поиска)» положительный ответ дали 73 %, отрицательный — 27 %, причем положительный ответ был у 89 % респондентов из возрастной группы от 16 до 17 лет. С порнографическим контентом встречались респонденты из Екатеринбурга, Москвы, Санкт-Петербурга и Саратова. В большинстве с порнографическим контентом встречались респонденты мужского пола — 89 % и 60,3 % — респонденты женского пола.

Респондентам, давшим положительный ответ на вопрос, было предложено ответить на дальнейшие вопросы; для респондентов, которые дали отрицательный ответ, интернет-опрос был завершен.

Один из вопросов исследования был нацелен на выяснение периодичности встречи такого контента. Порнографический контент в социальных сетях и мессенджерах редко встречался у 18,5 % респондентов, иногда — у 55,3 %, часто — у 26,2 %. Отметим, что более 45 % несовершеннолетних респондентов дали ответ «часто». Наиболее редко такая информация попадалась респондентам в возрасте от 30 до 35 лет — более 70 %, часто порнографический контент встречался респондентам, которые затрачивают на социальные сети и мессенджеры более 4 часов в день.

На вопрос «В каких социальных сетях и мессенджерах порнография встречалась вам чаще всего?» респонденты дали следующие ответы: ВКонтакте (80 %), Telegram (37,4 %), X** (33,2 %), Одноклассники (27 %), Discord***** (15 %). Остальные социальные сети и мессенджеры набрали менее 5 % от числа зарегистрированных в них респондентов (на вопрос разрешалось давать более одного варианта ответа).

Следующий вопрос был посвящен форме представления порнографической информации. Так, с видео встречались 94,4 %, с фото — 90 %, с текстовой информацией — 17,9 %, с видеоиграми — 13,9 %, с онлайн-трансляциями — 8 %, около 5 % — с рекламой порнографии.

С детской порнографией встречались 32 % респондентов, практически все участники, давшие положительный ответ на этот вопрос, являются мужчинами. Такой контент встречался в форме видео- и фотоизображений в социальных сетях X** и Одноклассники.

Порнографический контент от незнакомых лиц в социальных сетях и мессенджерах получали 24,5 % опрошиваемых. Из них 89 % — девушки и 11 % — мужчины, более 40 % — несовершеннолетние. Такие сообщения чаще приходили жителям Санкт-Петербурга, Москвы и Краснодар.

С попытками вовлечения в порнобизнес столкнулись 12 % опрошиваемых, 100 % из них — девушки. Вовлечение проходило под предлогом приглашения в модельное агентство (95 %), также поступали прямые предложения путем отправления в личные сообщения условий работы

(5 %). Все предложения респонденты получали через ВКонтакте и Telegram. Предложения такого рода поступали проживающим в Москве, Санкт-Петербурге, Воронеже, Екатеринбурге и Нижнем Новгороде. Попытки вовлечения в порнобизнес через социальные сети затронули все возрастные категории, участвующие в опросе.

Респондентам предлагалось ответить на вопрос о том, как они относятся к свободной циркуляции порнографии в социальных сетях и мессенджерах. Негативное отношению к явлению высказали 74 % респондентов, безразличное – 14 %, позитивное – 4 %, 8 % затруднились с ответом.

Из всех респондентов, которым встречался порнографический контент, жалобу на него подавали лишь 8,2 %. Наиболее безразличными в данном вопросе оказались респонденты женского пола в возрасте от 30 до 35 лет. Остальные опрашиваемые, отвечая на вопрос о том, почему не подавали жалобу, чаще всего называли следующие причины: не знают куда подать жалобу (36,8 %) и не видят в этом смысла, так как удаление одного файла из огромного массива в сети Интернет не может искоренить распространенность порнографии (63,2 %).

Считают, что порнографический контент должен быть запрещен к распространению в социальных сетях и мессенджерах и содержаться лишь на специально созданных для этого ресурсах, 65,7 % опрашиваемых, оставшиеся 34,3 % не видят ничего негативного в распространении порнографии на рассматриваемых ресурсах. За запрет в большинстве выступают женщины в возрасте от 16 до 35 лет, а также мужчины с высшим образованием. Инициатива была наиболее поддержана в основном жителями Москвы, Воронежа и Санкт-Петербурга.

После анализа проведенного анонимного интернет-опроса пользователей социальных сетей и мессенджеров можно сделать следующие выводы: большинство опрошенных интернет-пользователей, как взрослых, так и несовершеннолетних, встречается с порнографическим контентом в социальных сетях и мессенджерах (более 70 %). Чаще такая информация попадает представителям мужского пола. Реже она встречается пользователям в возрасте от 30 до 35 лет. Из несовершеннолетних, участвовавших в опросе, 45 % считают, что часто встречаются с порнографией во время использования интернет-платформ для общения. На то, что порнографический контент наиболее распространен в форме видео, указали 94,4 %, фото – 90 %, текстовой информации – 17,9 %, видеоигр – 13,9 %, онлайн-трансляций – 8 %. Респонденты, которые затрачивают более 4 часов в день на социальные сети и мессенджеры, встречаются с порнографией чаще, чем те, кто проводит в них меньше времени.

Циркуляция порнографии наиболее распространена во ВКонтакте, Telegram, X**, Одноклассниках, Discord*****. Стоит отметить, что две из перечисленных социальных сетей являются российскими (ВКонтакте, Одноклассники), а две (X**, Discord*****) заблокированы на территории Российской Федерации за нарушение российского законодательства (за незаконное распространение порнографических материалов с изображением несовершеннолетних). Проблема видится в недостаточ-

ном мониторинге социальных сетей и мессенджеров со стороны управляющих компаний. Треть респондентов встречалась с детской порнографией в социальных сетях и мессенджерах. Около четверти опрошиваемых получали нежелательные рассылки порнографического характера от незнакомых лиц, в большинстве случаев они приходили девушкам, в том числе несовершеннолетним. О случаях склонения к участию в создании или распространении порнографического контента заявляли 12 % респондентов, все они — женщины. Наиболее популярными площадками для вовлечения в порнобизнес являются ВКонтакте и Telegram.

24

Как правило, порнографический контент размещается чаще в социальных сетях, чем в мессенджерах. В основном в порнографический бизнес хотят завербовать жителей Москвы и Санкт-Петербурга. Негативно относятся к порнографии и считают, что она должна быть запрещена в социальных сетях и мессенджерах, 65,7 % респондентов, 34,3 % опрошенных имеют нейтральное отношение и считают, что каждый человек имеет право самостоятельно решать, смотреть порнографию или нет. Наиболее лояльное отношение к порнографии демонстрируют опрошиваемые мужского пола. Менее 10 % респондентов подавали жалобу на порнографический контент, когда встречались с ним недобровольно, остальная доля опрошиваемых либо не знала механизм подачи жалобы, либо не видела смысла из-за ее единичного характера. Чаще всего жалобы подавали женщины в возрасте от 30 до 35 лет, что можно объяснить тем, что в таком возрасте многие имеют детей и могут относиться к проблеме прагматично, «примеряя» ее на своего ребенка. Во многих социальных сетях предусмотрен механизм регистрации с 13 лет, а фактический процесс идентификации пользователя по документам, утверждающим личность, отсутствует, то есть зарегистрироваться может любой ребенок, который умеет пользоваться техническим средством, что повышает риск встречи несовершеннолетнего с порнографическим контентом.

Результаты исследования свидетельствуют о высокой распространенности порнографического контента в социальных сетях и мессенджерах. Данный факт вызывает серьезную обеспокоенность с учетом высокой доступности этих платформ для несовершеннолетних и потенциальное негативное воздействие порнографии на их психическое и моральное развитие.

Анализ способов распространения порнографии и попыток вовлечения в порнобизнес показывает, что наибольшую угрозу представляют личные сообщения, где контроль контента затруднен. Высокая частота столкновения с порнографией среди молодежи требует разработки специальных профилактических программ, направленных на повышение осведомленности подростков о рисках, связанных с потреблением порнографического контента, и формирование у них навыков безопасного поведения в интернете.

Полученные данные также указывают на необходимость совершенствования законодательного регулирования распространения порнографии в сети Интернет в целом, и в социальных сетях и мессенджерах

в частности. Важно разработать эффективные механизмы выявления и блокировки порнографических материалов, а также привлечения к ответственности лиц, виновных в их распространении.

Выводы

На основании результатов проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

1. Распространенность порнографического контента в социальных сетях и мессенджерах представляет серьезную угрозу для общественной нравственности и безопасности. Высокий процент респондентов, сталкивающихся с порнографическим контентом без целенаправленного поиска в социальных сетях и мессенджерах, таких как ВКонтакте, Telegram, X**, Одноклассники и др., свидетельствует о широкой распространенности этого явления. Данный факт создает потенциальные риски для формирования деструктивных взглядов на сексуальность, отношения и гендерные роли, а также может способствовать развитию зависимостей и поведенческих расстройств. Легкость доступа к такому контенту в популярных онлайн-сервисах представляет угрозу для общественной нравственности, особенно для молодого поколения, и подрывает усилия по формированию здоровой и ответственной гражданской позиции.

2. Несовершеннолетние являются наиболее уязвимой категорией пользователей, подверженных негативному воздействию порнографии. Значительный процент респондентов в возрастной группе от 16 до 17 лет, сталкивающихся с порнографическим контентом, показывает повышенную уязвимость несовершеннолетних к его негативному воздействию. Молодые люди, находящиеся на стадии формирования личности и мировоззрения, особенно восприимчивы к контенту, который может исказить их представления о сексуальности, отношениях, гендерных ролях и нормах поведения. Ранний контакт с порнографией может привести к развитию нереалистичных ожиданий, сексуальной дисфункции, проблемам в межличностных отношениях и другим негативным последствиям. Особую тревогу вызывает факт столкновения респондентов с детской порнографией.

3. Существующие механизмы контроля над распространением порнографического контента в социальных сетях и мессенджерах являются недостаточно эффективными. Низкая активность подачи жалоб на порнографический контент указывает на проблемы с эффективностью механизмов модерации контента и реакции на нарушения правил пользования в социальных сетях и мессенджерах. Это может быть связано с недостаточной информированностью пользователей о способах подачи жалоб, сложностью процедуры или низкой уверенностью в том, что жалоба приведет к удалению контента. Кроме того, результаты исследования показывают, что значительная часть респондентов не знает, куда подать жалобу, а большинство не видит в этом смысла, что свидетельствует о необходимости повышения осведомленности и укрепления доверия к существующим механизмам контроля.

4. Для эффективной борьбы с распространением порнографического контента и защиты молодежи необходимо совершенствование законодательной базы, регулирующей деятельность социальных сетей и мессенджеров. Законодательство должно предусматривать четкие требования к модерации контента, оперативной реакции на жалобы пользователей и принятию мер по предотвращению распространения порнографии, особенно детской. Помимо законодательных мер необходима разработка и реализация комплексных профилактических программ, направленных на повышение осведомленности молодежи о рисках и последствиях порнографии. Важно привлекать к реализации этих программ образовательные учреждения, общественные организации, родительские комитеты и другие заинтересованные стороны.

На основании результатов проведенного исследования и выявленных проблем, связанных с распространением порнографического контента в социальных сетях и мессенджерах, а также в целях защиты общественной нравственности и безопасности предлагаются следующие рекомендации, направленные на комплексное решение данной проблемы.

1. Усиление контроля контента. Социальным сетям и мессенджерам следует усилить контроль контента, размещаемого пользователями, и оперативно удалять порнографические материалы. Необходимо внедрить более эффективные алгоритмы автоматической модерации контента, которые будут способны выявлять и блокировать порнографические материалы на основе анализа изображений, видео и текстового содержания. Важно также обеспечить оперативное реагирование на жалобы пользователей, создав удобные и доступные механизмы для подачи жалоб и назначив ответственных сотрудников за их обработку. Социальные сети и мессенджеры в лице их владельцев и сотрудников должны нести ответственность за соблюдение правил пользования и законодательства, а также за последствия, связанные с распространением незаконного контента.

Нами была предпринята попытка подать жалобу на видеозапись порнографического характера, размещенную во ВКонтакте, через портал Роскомнадзора, в результате мы были перенаправлены на сайт мвд.рф, так как меры реагирования Роскомнадзором могут быть приняты только в отношении сайтов с противоправной информацией, которые зарегистрированы в качестве СМИ. Отметим, что портал Роскомнадзора подразумевает две различные жалобы: на сайты, содержащие детскую порнографию, ЛГБТ* (педофилию, смену пола) и др., а также на сайты, которые содержат обычную порнографию. Подача обращения на мвд.рф в разделе «Управление по организации борьбы с противоправным использованием информационно-телекоммуникационных технологий» возможна лишь при условии обнаружения интернет-ресурса, связанного с изготовлением и распространением порнографических материалов с участием несовершеннолетних, а при обнаружении взрослой порнографии не предусмотрена. Возникает вопрос:

* Деятельность международного общественного движения ЛГБТ признана экстремистской и запрещена в Российской Федерации.

это является технической неисправностью сайта или законодатель намеренно не включил возможность подачи обращения при обнаружении «взрослой» порнографии, так как считает, что данный факт не представляет общественной опасности? Считаем необходимым добавить возможность подачи жалобы и на ресурсы, на которых размещается обычная («взрослая») порнография, если она может быть доступна несовершеннолетним.

2. Разработка и внедрение фильтров контента. Необходимо разработать и внедрить эффективные фильтры контента, ограничивающие доступ несовершеннолетних к порнографическим материалам. Фильтры контента должны быть настраиваемыми и позволять родителям или законным представителям устанавливать ограничения на доступ к определенным категориям контента, включая порнографию. Важно, чтобы фильтры были эффективными и не позволяли обходить установленные ограничения, а также чтобы они регулярно обновлялись для учета новых видов контента и способов обхода блокировки. Социальные сети и мессенджеры должны предлагать пользователям возможность активировать фильтры контента по умолчанию, а также предоставлять информацию о том, как их настроить и использовать. Следует учитывать возможность сотрудничества с разработчиками программного обеспечения для родительского контроля с целью интеграции фильтров контента в их продукты.

Ранее предлагалось введение «дорожной карты» проверки возраста для ограничения доступа к онлайн-порнографии, которая уже имеется в других государствах мира (Великобритания, Австралия и другие). Рассматриваются различные варианты проверки возраста пользователей: проверка возраста с помощью документов, удостоверяющих личность; по данным дебетовых или кредитных карт, использование данных от интернет-провайдеров или операторов мобильной связи, с которыми заключен договор на оказание интернет-услуг. Для этого необходимо чтобы порнографические сайты, социальные сети и мессенджеры начали требовать удостоверения личности у пользователей перед просмотром порноконтента, чтобы убедиться, что они не распространяют порнографию среди несовершеннолетних [8, с. 137].

Автор предлагал разработать механизм цифровой сертификации двойной анонимности, который будет обязывать все интернет-платформы эффективно контролировать возраст пользователей. Люди, которые захотят посетить сайты с «взрослым» контентом или открыть такую запись в социальной сети или мессенджере, должны будут предварительно зарегистрировать официальный документ (удостоверение личности на выбор: паспорт, водительское удостоверение, ИНН) на отдельной и независимой платформе и установить на свои мобильные телефоны приложение для получения государственной цифровой сертификации. Сайты, которые не будут соответствовать требованиям безопасности, должны блокироваться автоматически и заноситься в вышеуказанный реестр.

Принцип двойной анонимности в Интернете основан на контроле третьей стороны, которая будет выступать посредником между пользо-

вателем Интернета и порносайтами. Так, при подключении интернет-пользователя к соответствующему сайту с возрастными ограничениями при помощи механизма цифровой сертификации двойной анонимности он будет подтверждать свой возраст, не раскрывая личности [9].

Поскольку несовершеннолетние являются наиболее уязвимой категорией, которая может пострадать от порнографии, следует также проводить профилактические мероприятия, направленные на формирование у них нравственных идеалов и ценностей для предупреждения возникновения нездорового интереса к порнографии, цифровому сексу и др. Предлагается:

1. Проведение информационных кампаний. Следует проводить информационные кампании, направленные на повышение осведомленности пользователей о рисках, связанных с потреблением порнографии, и формирование навыков безопасного поведения в Интернете. Информационные кампании должны использовать разнообразные форматы и каналы распространения информации, включая социальные сети, телевидение, радио, интернет-сайты и печатные материалы. Важно, чтобы информация была достоверной, понятной и доступной для целевой аудитории. Кампании должны рассказывать о негативных последствиях порнографии для психического и физического здоровья, о рисках сексуальной эксплуатации и насилия, о способах защиты от нежелательного контента и о том, как получить помощь в случае необходимости. Важно привлекать к участию в кампаниях известных блогеров, экспертов и лидеров общественного мнения, пользующихся доверием у молодежи.

2. Поддержка образовательных программ. Необходимо поддерживать образовательные программы, направленные на формирование у подростков критического мышления, половой культуры и нравственных ценностей. Образовательные программы должны включать в себя занятия, лекции, семинары и другие мероприятия, направленные на формирование у подростков осознанного и ответственного отношения к своей сексуальности [10, с. 26], умения критически оценивать информацию, получаемую из Интернета, и навыки безопасного поведения в онлайн-среде [11, с. 77; 12, с. 154]. Важно, чтобы программы охватывали темы полового воспитания, профилактики сексуальной эксплуатации и насилия, развития критического мышления и формирования нравственных ценностей [13, с. 89]. Необходимо сотрудничество образовательных учреждений с медицинскими работниками, психологами и другими специалистами, которые могут предоставить квалифицированную помощь и поддержку подросткам, столкнувшимся с проблемами, связанными с незаконным оборотом порнографии [14, с. 102–103; 15, с. 115].

Проведенное криминологическое исследование распространенности порнографического контента в социальных сетях и мессенджерах позволило выявить ряд значимых тенденций и проблем, требующих дальнейшего внимания со стороны научного сообщества, законодательных органов и правоохранительных структур.

Полученные данные подтверждают широкую распространенность порнографического контента в онлайн-среде, особенно в социальных сетях и мессенджерах, которые являются одними из наиболее популярных платформ для молодежи. Установлено, что несовершеннолетние пользователи особенно уязвимы к негативному воздействию этого контента, что вызывает серьезную обеспокоенность в связи с возможными последствиями для их психического и физического здоровья, а также для формирования нравственных ориентиров.

Анализ существующей практики контроля над распространением порнографического контента выявил недостаточность и неэффективность применяемых мер. Низкая активность пользователей в подаче жалоб, ограниченность функционала модерации контента и отсутствие единообразных стандартов регулирования создают благоприятную среду для распространения незаконного и деструктивного контента.

Предложенные в рамках исследования рекомендации направлены на совершенствование механизмов контроля над контентом, разработку и внедрение эффективных фильтров, проведение информационных кампаний и поддержку образовательных программ. Реализация этих мер требует комплексного подхода, включающего усиление ответственности социальных сетей и мессенджеров, совершенствование законодательства, активное участие государственных органов и гражданского общества.

В заключение следует подчеркнуть, что борьба с распространением порнографического контента является важной задачей, требующей объединения усилий всех заинтересованных сторон. Ведь только совместными действиями возможно создать более безопасную и здоровую информационную среду для молодежи и защитить общественную нравственность.

Список литературы

1. Шмыков Д. В. Порнография среди несовершеннолетних // Актуальные теоретические и практические вопросы развития юридической науки: общегосударственный и региональный аспекты. 2014. № 1. С. 447 – 455.

2. Захаров Н. Д. Современное состояние преступности, посягающей на половую неприкосновенность несовершеннолетних с использованием сети Интернет // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2021. № 2 (57). С. 41 – 51. doi: 10.25724/VAMVD.TXYZ.

3. Пинкевич Т. В. Виктимизация несовершеннолетних от насильственных преступлений сексуального характера в условиях цифровизации: детерминация и предупреждение // Всероссийский криминологический журнал. 2024. Т. 18, № 2. С. 149 – 159. doi: 10.17150/2500-4255.2024.18(2).149-159.

4. Бурлаков В. Н. Интернет на «службе» преступлений против здоровья населения и общественной нравственности // Криминалист. 2024. № 2 (47). С. 26 – 33.

5. Курсаев А. В. Частные вопросы криминализации и квалификации распространения порнографических материалов с использованием информационно-телекоммуникационных сетей // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 3. С. 106 – 112. doi: 10.24412/2073-0454-2024-3-106-112.

6. Антонян Ю. М. Преступная секс-индустрия: проституция, порнография, преступность. М., 2024.

7. Начарова Л.И. Мессенджеры: новые медиа или эволюционный этап развития социальных сетей? // Мир науки, культуры, образования. 2024. №2 (105). С. 496 – 499. doi: 10.24412/1991-5497-2024-2105-496-499.

8. Антонян Ю.М. Предупреждение преступности, связанной с проституцией и порнографией // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2023. №4 (68). С. 133 – 140.

9. Кочкина М.С. О необходимости возрастной идентификации в сети Интернет как меры предупреждения доступа несовершеннолетних к порнографическому контенту // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. №2 (76). С. 16 – 21.

10. Романовский Г.Б. О праве на половое воспитание // Гражданин и право. 2016. №2. С. 25 – 39.

11. Гармаев Ю.П. Мультимедийные межотраслевые средства предупреждения преступности: перспективы разработки и внедрения // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. №3. С. 71 – 80.

12. Зорина Н.С. Информационная безопасность подростков в Интернете как средство предупреждения преступности среди несовершеннолетних // Закон и право. 2022. №2. С. 152 – 155. doi: 10.24412/2073-3313-2022-2-152-155.

13. Преображенская Я.Б. Духовно-нравственные аспекты формирования представлений о половой неприкосновенности несовершеннолетних // Правда и закон. 2024. №2 (28). С. 83 – 89.

14. Бадмаева Н.Ц. О психологической помощи детям – жертвам сексуального насилия // Вестник Бурятского государственного университета. 2017. №4. С. 99 – 104. doi: 10.18101/1994-0866-2017-4-99-104.

15. Шустикова М.В. Сексуальное насилие в отношении несовершеннолетних // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. №5 (8). С. 111 – 116.

Об авторе

Мария Сергеевна Кочкина – адъюнкт, Воронежский институт МВД России, Воронеж, Россия.

E-mail: mari.koshkina.98@bk.ru

M. S. Kochkina

CRIMINOLOGICAL STUDY OF THE PREVALENCE OF PORNOGRAPHIC CONTENT IN SOCIAL NETWORK AND MESSENGERS (BASED ON AN ONLINE USER SURVEY)

Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Voronezh, Russia

Received 18 May 2025

Accepted 15 July 2025

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-3-2

To cite this article: Kochkina M.S., 2025, Criminological study of the prevalence of pornographic content in social networks and messengers (based on an online user survey), *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №3. P. 18 – 31. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-3-2.

The problem of the prevalence of pornography in social networks and messengers is acute, since their most active users, who spend most of their free time online, are young people, including minors. Pornographic content poses a serious threat to their moral development. The article presents the results of a criminological study devoted to examining the spread of pornographic content in social networks and messengers. The study was conducted through an anonymous online survey of users. The data analyzed include the frequency of users' exposure to pornographic content, the methods of its distribution, age and gender characteristics of consumption, as well as respondents' attitudes toward this phenomenon. In addition, other general scientific and specific scientific methods are employed. The main risks associated with the spread of pornography in social networks and messengers are identified, and measures for their minimization are proposed. The author suggests special criminological measures to combat pornographic content in social networks and messengers, including strengthening content control, developing and implementing content filters, conducting informational campaigns, improving legislative regulation in the field of illegal pornography circulation, and creating effective prevention programs.

Keywords: pornography, social networks, instant messengers, morality, online survey, prevalence of pornography, crime prevention

The author

Maria S. Kochkina, postgraduate student, Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Voronezh, Russia.

E-mail: mari.koshkina.98@bk.ru

Л. А. Александрова

**СЛЕДСТВЕННОЕ ДЕЙСТВИЕ КАК СОВОКУПНОСТЬ
ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ МЕР И ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ
В СТРУКТУРЕ ИНСТИТУТА ДОКАЗЫВАНИЯ**

Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева,
Екатеринбург, Россия

Поступила в редакцию 03.07.2025 г.

Принята к публикации 14.07.2025 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-3-3

32

Для цитирования: Александрова Л. А. Следственное действие как совокупность процессуальных мер и элемент системы в структуре института доказывания // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2025. №3. С. 32–40. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-3-3.

Уголовно-процессуальным законом дан исчерпывающий перечень следственных действий, определен порядок и особенности производства каждого из них. В то же время в правоприменении довольно часто возникают трудности, которые приводят либо к признанию доказательств недопустимыми, либо к нарушению прав участников производства по уголовному делу. В некоторых случаях практика идет дальше теоретических разъяснений и конструкций, появляются некоторые шаблоны действий следователей, дознавателей, подходов судов к рассмотрению и разрешению соответствующих жалоб, которые не всегда соответствуют требованиям закона. Эти противоречия обуславливают злободневность заявленной темы, а также свидетельствуют о необходимости поиска новых граней, позволяющих несколько по-иному рассмотреть следственное действие как правовой феномен, что предопределило цель статьи. Для ее достижения наряду с общенаучными методами (логическим, сравнительного анализа, синтезом) использовались и частнонаучные (толкования правовых норм и формально-юридический). Эмпирический метод лег в основу обращения к правоприменительной практике. Это позволило определить место системы следственных действий в структуре института доказывания. Учитывая сложность производства следственного действия, множество охватываемых им мероприятий, удалось разрешить вопрос о соответствии его общим признакам судебной экспертизы, рабочая часть которой производится лицом, обладающим специальными знаниями; выделить группу структурно подобных. В качестве вывода предлагается структурно-системный подход к определению следственного действия через дефиницию их системы.

Ключевые слова: следственные действия, система, структура, порядок производства, доказательства

Введение

Следственным действиям посвящено множество работ разного уровня — от небольших статей-очерков до исследований в форме докторских диссертаций. Но отдельное их изучение побуждает не только ис-

кать взаимосвязи между видами следственных действий, но и рассматривать их как отдельную систему средств доказывания, определять место этой системы в структуре институтов уголовно-процессуального права. При наличии логичных и выверенных дефиниций следственных действий в теории предлагаются различные подходы для их классификации, но прежде необходимо дать определение их системы как совокупности взаимодействующих элементов, а также обратиться к их внутренней структуре, обусловленной их целесообразностью.

Определение следственных действий как отдельной системы по цели

33

Следственные действия законодатель определяет как способ собирания доказательств (ст. 86 УПК РФ). Уместно также утверждать, что следственное действие — основной способ доказывания в целом, поскольку без него не обходятся проверка и оценка доказательств, тем более что такой подход признан доминирующим ко времени вступления в силу УПК РФ 2001 г. Целью доказывания обособляются эти процессуальные действия А.А. Давлетовым [1, с. 42], В.В. Кальницким и Е.Г. Лариным [2, с. 13], В.А. Семенцовым [3, с. 20], другими авторами [4, с. 372]. З.Л. Шагапсов, соглашаясь с С.А. Шейфером [5, с. 15], называет их «познавательными процессуальными действиями» [6, с. 188]. Некоторые исследователи считают такой подход узким [3, с. 11], однако оценка содержания этого правового явления раскрывает всю его глубину.

Бесспорно, следственные действия, являясь способом доказывания, существуют в рамках соответствующего института и как его часть отражают правовую природу целого: процесс собирания, проверки и оценки доказательств (ст. 85 УПК РФ). При этом целое имеет и объем — пределы доказывания, и единицу измерения — предмет доказывания. Собирание, проверка и оценка как неразделимое смысловое содержание процесса доказывания представлены каждым следственным действием. Импонирует позиция П.В. Фомичёва [7, с. 20], А.В. Победкина и В.Н. Яшина [8, с. 35], согласно которой цель следственного действия — формирование доказательств. В.С. Балакшин отмечает, что готовых доказательств в природе с точки зрения уголовного процесса не существует, правоприменитель «фильтрует информацию», закрепляя в уголовном деле только те сведения, которые обладают свойствами доказательства [9, с. 27–28]. Таким образом, результат этих детально упорядоченных действий — оформленные сведения, соответствующие установленным в ч. 2 ст. 74 УПК РФ видам доказательств, позволяющих установить обстоятельства преступления в соответствии с предметом доказывания (ст. 73 УПК РФ) и его пределами. Следственные действия в их совокупности можно определить как систему средств, входящую в структуру института доказывания наряду с другими его системами.

Многие авторы традиционно стремились включить в определение следственных действий как можно больше их признаков, перечисляя упорядоченность процессуальным законом [10, с. 186], производство

надлежащим правоприменителем, строгие требования к оформлению и обеспечение государственным принуждением [11, с. 26; 12, с. 21; 13, с. 5]. Тем не менее это общие критерии всех действий, если исходить из того, что они процессуальные. Думается, в определении достаточно указать специфику следственных действий по отношению ко всем процессуальным — познавательный характер, предназначение как способа доказывания, то есть внешние собственные признаки их системы.

Формулируя понятие следственных действий, необходимо учесть их системообразующую особенность — целесообразность, как главный признак. Определение при этом должно быть выражено простой, но емкой формулой, каждая составляющая часть которой имеет свой смысл, разворачивающийся самостоятельно. Также важно вспомнить правило Оккама, согласно которому самое простое объяснение из всех верных более всего соответствует истине [14, с. 98], поскольку может применяться как матрица и допускает разносторонние подходы к его разбору, подробно рассмотрению, оставляя неизменной его суть.

Следственные действия — это группа процессуальных средств доказывания, систематизированных с целью установления обстоятельств преступления. Думается, данное определение оптимально, каждое слово — емкое понятие, несущее самостоятельный смысл, позволяющее полно и всесторонне охарактеризовать следственные действия как правовые явления, дающие результат только во взаимосвязи, поскольку обеспечивают динамику процесса доказывания — неразрывность собирания, проверки и оценки доказательств. Единственное, что вызывает вопрос — слово «действие», которое, как представляется, слишком однозначно для определения исследуемого явления. Согласно толковому словарю Ожегова, это проявление воли, энергии, событие, поступок [15, с. 341], но каждое следственное действие — это совокупность необходимых процессуальных мер со своей конкретной задачей.

Структура следственного действия, определяющая его как сложное мероприятие

Нелишним было бы сравнить данную дефиницию с понятием оперативно-розыскной деятельности, обусловленной схожей целью — установление обстоятельств преступления и часто предшествующей, носящей сопровождающий и информационно-обеспечительный характер. Тем не менее согласно действующему законодательству оперативно-розыскная деятельность состоит из мероприятий [16].

Следственные действия, не менее сложные в производстве, так же по сути являются мероприятиями. Более того, их производство усложнено организационными и формальными требованиями, обеспечивающими осуществление прав участников производства по уголовному делу. Каждое из них можно разделить на подготовительные действия, обеспечивающие законный порядок производства; непосредственное проведение — система действий для достижения поставленной цели;

заключительную часть — закрепление результата, ознакомление с ним участников, что также обеспечивает их права и влияет на допустимость полученных доказательств. Ранее это отмечал С. Б. Россинский, выделяя три части: подготовительную, рабочую и фиксационную, которые нельзя представить без определенных мер, опосредованных «общими и частными правилами» [17, с. 166]. Данная схема — универсальна, применима к любому, даже к самому «простому» следственному действию, которое в своем роде является совокупностью принятых мер. Эта мысль подтверждается позицией Пленума Верховного Суда РФ, закрепленной в постановлении №51 от 19 декабря 2017 г. В пункте 13 перечисляются случаи, влекущие признание доказательства недопустимым, среди которых производство действий, не предусмотренных уголовно-процессуальным законом, как и само его нарушение [18].

Судебную экспертизу можно назвать одним из самых структурно сложных следственных действий, по этой причине в теории уголовного процесса обсуждается вопрос о принадлежности ее к таковым. В частности, поскольку исследование производится экспертом, а не следователем, последний лишь назначает экспертизу и получает ее результат, Т. П. Ишмаева полагает, что экспертиза не вполне соответствует пониманию следственного действия [19, с. 50]. Рабочую часть — само исследование с применением специальных знаний — осуществляет эксперт, однако его выводы должны оцениваться правоприменителем безотрывно от исследовательской части заключения. Нельзя не согласиться с И. В. Виноградовым, Г. И. Кочаровым и Н. А. Селивановым, перечислившими среди причин, по которым следователь может не согласиться с заключением эксперта, сомнения в правильности методов исследования и противоречие его содержания с выводами [20, с. 204]. Пленум Верховного Суда РФ в постановлении также отметил важность «уяснения [судом] смысла и значения терминологии, используемой экспертом, методики исследования, смысла и значения признаков, выявленных при изучении объектов, критериев оценки выявленных признаков» [21]. Во всяком случае результат работы зависит от предоставленных следователем данных. Апелляционным решением Ленинградского областного суда был изменен обвинительный приговор в отношении Ф. по ч. 3 ст. 264 УК РФ путем исключения из описания деяния нарушения п. 10.3 Правил дорожного движения РФ и смягчения наказания. Следователем экспертизу-автотехнику были предоставлены субъективные данные о скорости движения автомобиля, поэтому факт ее превышения остался недоказанным [22].

Приведенный пример свидетельствует о невозможности рассмотрения исследовательской части в отрыве от подготовительного и заключительного этапов следственного действия. Нарушения, допущенные правоприменителем на любом из них, должны влечь признание результата недопустимым доказательством.

В этой связи интересна оценка судьей доводов защитника, ходатайствовавшего о признании недопустимым заключения эксперта, по-

скольку при назначении экспертизы ни он, ни его подзащитный не были ознакомлены с постановлением об этом. Ознакомление произошло только по получении самого заключения. В приговоре судья указал: «Ничто не препятствовало подсудимому и его защитнику после ознакомления с постановлением следователя и результатами экспертизы, а также в ходе ознакомления с материалами уголовного дела в порядке ст. 217 УПК РФ заявлять ходатайства, направленные на реализацию предусмотренных п. 2–5 ч. 1 ст. 198 УПК РФ прав» [23]. Соответственно, в удовлетворении ходатайства было отказано.

С такой позицией сложно согласиться. Назначение судебной экспертизы – комплекс действий, которые следователь должен выполнить и для регулирования которых отведена гл. 27 Уголовно-процессуального кодекса РФ. Более того, законодатель предписывает составлять отдельный протокол ознакомления с постановлением о назначении, что позволяет обозначить отдельную часть следственного действия, имеющую свой порядок и завершающуюся собственным процессуальным документом, что говорит о ее значении.

К сожалению, практика следует по иному пути. Отказ признать заключение эксперта недопустимым доказательством из-за игнорирования следователем требований ст. 195 УПК РФ стал общим местом и даже обрел расхожее обоснование: неознакомление с постановлениями о назначении экспертиз не нарушает прав участников, поскольку они «после ознакомления с их заключениями могли заявить ходатайство о назначении дополнительной, повторной экспертизы и другие ходатайства» [24]. Мнения практиков и теоретиков здесь расходятся. П. Н. Мазуренко критикует подобное отношение к предписанию законодателя, справедливо отмечая необходимость обеспечения прав участников судопроизводства [25, с. 171]. Нельзя не согласиться и с В. А. Масаловым, называющим ознакомление обвиняемого с постановлением о назначении экспертизы перед ее производством процессуальным действием, гарантирующим законность ее результата [26]. Очевидно, что эта точка зрения совпадает с позицией Конституционного суда Российской Федерации, обозначившего ее в одном из своих определений еще в 2004 г. [27].

Кроме производства судебная экспертиза отчетливо делится на составные части, которые можно назвать комплексами процессуальных мер: наложение ареста на почтово-телеграфные отправления (ст. 185 УПК РФ); контроль и запись переговоров (ст. 186 УПК РФ); получение информации о соединениях между абонентами (ст. 186.1 УПК РФ). Их рабочая часть также выполняется не следователем, а разного рода специалистами. В отличие от судебной экспертизы их описание изложено в одноименных статьях, однако подготовительная их часть, которую также можно обозначить назначением, регламентируется отдельной общей ст. 165 УПК РФ и предполагает выход следователя в суд с ходатайством для получения решения, санкционирующего необходимое мероприятие. Более того, этот порядок раскрывается и уточняется

Пленумом Верховного Суда Российской Федерации, а его нарушение ведет к безусловному признанию полученного результата недопустимым доказательством [28]. Названные следственные действия отличаются своей структурностью, отдельные их части могут содержать свой порядок принимаемых мер, собственные сроки и круг участников.

Апелляционным постановлением Верховного суда Кабардино-Балкарской Республики был отменен обвинительный приговор с возвращением уголовного дела прокурору вследствие нарушений ст. 220 УПК РФ в виде наличия «множества неопределенных вопросов с доказательствами, которые подлежат разрешению с соблюдением процессуальных гарантий и обеспечением прав участников досудебного производства» [29]. Оставляя за рамками статьи законность принятого решения, обратим внимание на нарушения уголовно-процессуального законодательства при производстве контроля и записи переговоров (ст. 186 УПК РФ).

Как известно, заключительный этап этого следственного действия включает в себя осмотр по всем его правилам с перечисленными в ч. 7 ст. 186 УПК РФ участниками и предусмотренными законом особенностями протокола. В числе нарушений, отмеченных судом, была его неполнота: не отражен процесс формирования и изготовления стенограммы, не указаны выявленные относящиеся к делу обстоятельства, не определена принадлежность голосов, не названы использованные технические средства. При производстве по уголовному делу не проводилась и экспертиза аудиозаписи. Очевидно, при подобных нарушениях порядка, принимаемых на заключительном этапе мер, результат должен быть признан недопустимым доказательством.

Есть и другой пример, показывающий дробность содержания общего понятия «следственное действие», что на самом деле является сложным событием, которое может состояться только благодаря точному выполнению следователем взаимосвязанных процессуальных действий в его рамках. Во время осмотра места происшествия – квартиры М., осужденного судом первой инстанции по ч. 3 ст. 30 и п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ, понятые были приглашены только после обнаружения оперуполномоченным ноутбука. Допрошенная в судебном заседании понятая пояснила, что она вошла в квартиру и увидела на столе открытый ноутбук с изображением на экране лесного массива с кружочками и стрелочками. Второй понятой этого факта подтвердить не смог. Судом кассационной инстанции это доказательство было признано недопустимым, обвинение было переквалифицировано на ч. 2 ст. 228 УК РФ [30].

Нарушение порядка производства следственного действия является одним из оснований признания его результата недопустимым доказательством. В рассмотренном случае следователь не учел требования ч. 4 ст. 170 УПК РФ и не организовал участие понятых до начала осмотра, что вполне можно отнести к важному первоначальному организацион-

ному действию в его рамках для закрепления его хода и результатов. Осмотр места происшествия может казаться более простым действием, нежели рассмотренные выше, однако любое предусмотренное уголовно-процессуальным законодательством следственное действие предполагает целесообразные организационные и правообеспечительные меры, активную деятельность следователя, что не вписывается в лаконичное понятие «действие».

Думается, сложно будет отказаться от привычного термина «следственное действие», но чтобы полностью отразить его смысл, стоит изменить содержание понятия, определив его следующим образом: следственное действие — это совокупность процессуальных мероприятий, направленных на формирование доказательства по уголовному делу.

Список литературы

1. Давлетов А. А. Уголовное судопроизводство Российской Федерации. Особенная часть : курс лекций. Екатеринбург, 2011.
2. Кальницкий В. В., Ларин Е. Г. Следственные действия : учеб. пособие. Омск, 2015.
3. Семенцов В. А. Следственные действия в досудебном производстве : монография. М., 2017.
4. Уголовный процесс : учебник / под ред. В. С. Балакшина, Ю. В. Козубенко, А. Д. Прошлякова. М., 2016.
5. Шейфер С. А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. Самара, 2004.
6. Шагапсоев З. Л. Понятие, виды и признаки следственных действий // Общество и право. 2013. №3 (45). С. 186—190.
7. Фомичев П. В. Процессуальные основания проведения следственных действий в российском уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2016.
8. Победкин А. В., Яшин В. Н. Следственные действия : монография. М., 2016.
9. Балакшин В. С. Доказательства в теории и практике уголовно-процессуального доказывания (важнейшие проблемы в свете УПК Российской Федерации) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2005.
10. Алексеев Н. С., Даев В. Г., Кокорев Л. Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж, 1980.
11. Семенцов В. А. Следственные действия в досудебном производстве (общие положения теории и практики) : монография. Екатеринбург, 2006.
12. Стельмах В. Ю. Концептуальные основы следственных действий : монография. М., 2017.
13. Ласточкина Р. М., Кулев А. Г., Язева Е. Е. Следственные действия: сущность и процессуальные алгоритмы : учеб. пособие. Ярославль, 2020. С. 4—12.
14. Жмудь В. А. Значение принципа бритвы Оккама для формирования и селекции научных гипотез // Автоматика и программная инженерия. 2013. №2 (4). С. 95—104.
15. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М., 2021.
16. Об оперативно-розыскной деятельности : федер. закон от 12 августа 1995 г. №144-ФЗ // Российская газета. 1995. 18 авг.
17. Россинский С. Б. Досудебное производство по уголовному делу: сущность и способы собирания доказательств : монография. М., 2021.

18. О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства) : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2017 г. №51 г. Москва // Российская газета. 2017. 29 дек.

19. Ишмаева Т.П. Процессуальная сущность судебной экспертизы // Правовопорядок: история, теория, практика. 2017. №3 (14). С. 46–50.

20. Виноградов И.В., Кочаров Г.И., Селиванов Н.А. Экспертизы на предварительном следствии // Вестник университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. №5. С. 197–207.

21. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации о судебной экспертизе по уголовным делам // Российская газета. 2010. 30 дек.

22. Апелляционное постановление Ленинградского областного суда №22-1777/2019 от 17 октября 2019 г. по делу №1-35/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/V91MhVICiv5e/> (дата обращения: 13.07.2025).

23. Приговор №1-210/2024 от 30 июля 2024 г. Кудымкарского городского суда Пермского края // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/7ceJWdpCjcUR/> (дата обращения: 24.03.2025).

24. Апелляционное определение Московского городского суда от 13.07.2023 по делу №10-11225/2023 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-criminal/details/ac37f4e0-f958-11ed-9a8c-e981c6e30f08> (дата обращения: 05.04.2025).

25. Мазуренко П.Н. О нарушениях принципа состязательности при назначении и производстве судебных экспертиз в уголовном процессе // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 5, №2 (10). С. 169–172.

26. Масалов В.А. Ознакомление с постановлением о назначении судебной экспертизы обвиняемого // Вестник экономики, управления и права. 2023. Т. 16, №3. С. 47–53.

27. По жалобе гражданина Корковидова Артура Константиновича на нарушение его конституционных прав статьями 195, 198 и 203 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 18.06.2004 №206-О. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

28. О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ) : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2017 №19 // Российская газета. 2017. 9 июня.

29. Апелляционное постановление №22-247/2018 от 9 июня 2018 г. по делу №22-247/2018. Верховный Суд Кабардино-Балкарской Республики (Кабардино-Балкарская Республика) // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/EvxInDnJQpl6/> (дата обращения: 18.05.2025).

30. Приговор Железнодорожного районного суда г. Екатеринбурга по уголовному делу №1-391/2019 от 21 ноября 2019 года // Архив Железнодорожного районного суда г. Екатеринбурга.

Об авторе

Людмила Анатольевна Александрова — канд. юрид. наук, доц., доц. кафедры судебной деятельности и уголовного процесса им. П.М. Давыдова, Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия.

E-mail: ml1970@yandex.ru

L. A. Alexandrova

AN INVESTIGATIVE ACTION
AS A SET OF PROCEDURAL MEASURES AND AN ELEMENT
OF THE SYSTEM IN THE STRUCTURE OF THE INSTITUTION
OF EVIDENCE

V.F. Yakovlev Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia

Received 3 July 2025

Accepted 14 July 2025

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-3-3

40

To cite this article: Alexandrova L. A., 2025, An investigative action as a set of procedural measures and an element of the system in the structure of the institution of evidence, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №3. P. 32–40. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-3-3.

The Criminal Procedure Law provides an exhaustive list of investigative actions and defines the procedure and specific features of each of them. At the same time, in law enforcement practice, difficulties often arise, leading either to the recognition of evidence as inadmissible or to the violation of the rights of participants in criminal proceedings. In some cases, practice goes beyond theoretical explanations and constructions, forming certain patterns of actions by investigators and inquirers, as well as approaches of courts to the consideration and resolution of relevant complaints, which do not always comply with the requirements of the law. These contradictions determine the relevance of the topic under discussion and demonstrate the need to search for new perspectives that allow a somewhat different consideration of investigative actions as a legal phenomenon, which determined the aim of this article. To achieve this aim, along with general scientific methods (logical, comparative analysis, synthesis), specific legal methods (interpretation of legal norms and formal-legal analysis) were also applied. The empirical method formed the basis for addressing law enforcement practice. This made it possible to determine the place of the system of investigative actions within the structure of the institution of evidence. Taking into account the complexity of conducting investigative actions and the wide range of activities they encompass, it was possible to resolve the issue of their correspondence to the general characteristics of forensic examination, the operational part of which is carried out by a person possessing special knowledge, as well as to identify a group of structurally similar actions. As a conclusion, a structural-systemic approach to defining investigative actions through the definition of their system is proposed.

Keywords: investigative actions, system, structure, procedure, evidence

The author

Dr Lyudmila A. Alexandrova, Associate Professor, Associate Professor of the P.M. Davydov Department of Judicial Activity and Criminal Procedure, V.F. Yakovlev Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia.

E-mail: ml1970@yandex.ru

УДК 94(571.6)

И. А. Гудков

**РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ
МОРСКИМ ТРАНСПОРТОМ СССР В НАЧАЛЕ 1930-х ГОДОВ
НА ПРИМЕРЕ ВЛАДИВОСТОКСКОГО ТОРГОВОГО ПОРТА**

Дальневосточный федеральный университет, Россия, Владивосток, Россия

Поступила в редакцию 27.04.2025 г.

Принята к публикации 02.07.2025 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-3-4

41

Для цитирования: Гудков И.А. Развитие системы управления морским транспортом СССР в начале 1930-х годов на примере Владивостокского торгового порта // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2025. №3. С. 41–53. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-3-4.

Статья посвящена анализу развития системы управления морским транспортом СССР в начале 1930-х гг. на примере Владивостокского торгового порта. Этот период характеризовался масштабными реформами, направленными на централизацию управления и интеграцию транспортной инфраструктуры в плановую экономику. Автор рассматривает ключевые этапы реорганизации: создание Народного комиссариата водного транспорта, формирование бассейновых управлений, внедрение хозяйственных механизмов и специализацию портовых участков. Особое внимание уделяется региональной специфике Дальнего Востока, где Владивостокский порт, сохраняя универсальность функций, столкнулся с проблемами децентрализации, кадрового дефицита, низкой механизации и социально-бытовой неустроенности работников. В основу исследования легли архивные материалы Государственного архива Приморского края и Российского государственного архива социально-политической истории, многие из которых впервые вводятся в научный оборот. Автор демонстрирует, как политика гиперцентрализации управления сочеталась с попытками адаптации к региональным условиям. Несмотря на сокращение международной роли порта из-за внешнеполитических изменений, он сохранил значение ключевого транспортного узла, обеспечивавшего снабжение отдаленных территорий и поддержку индустриализации Дальнего Востока. Ключевой вывод заключается в том, что в рассматриваемый период в условиях завершения перехода к отраслевой централизации и усиления государственного контроля сформировалась многоуровневая система управления, которая, несмотря на системные проблемы, позволила порту адаптироваться к задачам плановой экономики. Автор подчеркивает, что Владивостокский порт, утратив статус международного транзитного центра, стал инфраструктурной основой интеграции региона в общесоюзное экономическое пространство.

Ключевые слова: Дальний Восток, морской транспорт, торговый порт, портовое хозяйство, Владивосток, Владивостокский порт

Морские торговые порты выступают важнейшим центром взаимодействия множества экономических и административных субъектов. На их территории традиционно сосредоточены организации, осуществляющие транспортно-логистическую деятельность и представленные как государственными, так и частными предприятиями. Система управления портами в советский период сформировалась в эпоху НЭПа, формально дистанцируясь от дореволюционной модели, но фактически воспроизводя ее базовые принципы с добавлением специфических элементов: гиперцентрализации, доминирования политических органов в принятии решений, а также подчинения хозяйственных задач идеологическим установкам. Изначально советские морские порты (за исключением порта Петроград (Ленинград) — Кронштадт) находились в ведении Народного комиссариата путей сообщения (НКПС). Он отвечал за эксплуатацию, ремонт и развитие находящихся в его управлении портов и портовых устройств, формировал — по согласованию с Народным комиссариатом финансов — портовые сборы [23, с. 83].

Конец 1920-х — начало 1930-х гг. ознаменовался глубокой реорганизацией управленческих структур в условиях форсированной индустриализации. Согласно постановлению Центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров СССР от 13 февраля 1930 г. в рамках Наркомата путей сообщения было создано Всесоюзное объединение морского транспорта (Мортран) [17], подчинившее себе главные конторы «Совторгфлота», преобразованные в шесть бассейновых управлений (Черноморское, Каспийское, Балтийское, Тихоокеанское, Северное, Азовское). Эти управления координировали работу транзитного флота и эксплуатацию портов, обеспечивая территориальную специализацию грузопотоков [10, с. 54—55].

Наиболее радикальные изменения произошли в январе 1931 г., когда морской и речной транспорт, включая портовое хозяйство, был выделен из ведения НКПС и передан новому Народному комиссариату водного транспорта (Наркомвод) [18]. Утвержденное 27 января 1932 г. «Положение о Народном комиссариате водного транспорта» закрепило за ведомством функции общего руководства флотом и портами, содержание судоходных путей, организацию погрузочно-разгрузочных работ и гидрографических изысканий [10, с. 55]. Дальнейшая структурная оптимизация была реализована постановлением Совнаркома от 21 ноября 1932 г., создавшим в системе Наркомвода три хозрасчетных объединения: Главное управление портового хозяйства, Объединение Внешнеторгового флота и Объединение Каботажного флота [10, с. 56].

В соответствии с приказом Народного комиссариата водного транспорта от 31 декабря 1932 г. структура «Совторгфлота» была преобразована в Центральный орган Всесоюзного объединения морского торгового флота по внутреннему плаванию (Морфлот), в состав которого вошли все бассейновые управления [1, л. 98].

Интересно отметить, что бассейновые управления разделились по специализации и видам плавания, однако Дальневосточное управление морского флота (в 1932 г. переименованное в Тихоокеанское управление морского флота) в отличие от других не было разделено по видам деятельности и не имело специального управления для организации работы в заграничном плавании. Управление Морфлота с функциями эксплуатации судов в малом каботаже фактически объединяло весь флот, который осуществлял все виды плавания [14, с. 132].

Реорганизация системы управления морскими портами также претерпела существенные изменения. На основании распоряжения Наркомвода от 27 декабря 1932 г. в его структуре было учреждено Центральное управление морскими торговыми портами (ЦУПОРТ). Данный орган получил исключительные полномочия по координации деятельности торговых портов, ранее находившихся в подчинении региональных бассейновых управлений. Правовой статус портовых комплексов был закреплён отдельным документом — «Положением о морском торговом порте», утвержденным приказом Наркомвода от 31 декабря 1932 г. [13, с. 63].

Особый подход наблюдался в реформировании портов Тихоокеанского региона. Такие ключевые объекты, как Владивосток, Нагаево, Находка, Посыет и Славянка, вместо полной интеграции в систему ЦУПОРТ были распределены между Управлением портами Наркомвода и профильными промышленными ведомствами. Это решение подчеркивало специфику региона, где управленческие функции требовали гибридного подхода с учетом как транспортных, так и производственных задач. Подобная схема отличалась от единообразной централизации, применявшейся в других бассейнах.

Дополнительные преобразования в системе управления портами были инициированы постановлением Совета труда и обороны (СТО) от 14 апреля 1931 г. «О морском транспорте», закрепившим новые принципы организации работы портов [16]. Согласно документу портовые управления признавались самостоятельными хозяйственными единицами в структуре соответствующих бассейнов, действующими на основе промышленно-финансового плана и принципов хозяйственного расчета [10, с. 52–59].

Функциональные обязанности начальника порта включали контроль за эксплуатацией портовой инфраструктуры и судов, ранее входивших в состав «Совторгфлота», координацию строительных и ремонтных работ, а также обеспечение сохранности территории порта, гидротехнических сооружений и судового фонда. Административные полномочия начальника, установленные постановлением СТО от 10 апреля 1931 г., предусматривали надзор за соблюдением регламента на территории порта и контроль за судами, заходящими в акваторию. Заместитель начальника порта исполнял функции морского агента, а в руководящий состав входили главный инженер и капитан порта, ответственные за технико-эксплуатационные и навигационные аспекты деятельности. Таким образом, структура управления сочетала хозяйствен-

ную автономию с централизованным административным регулированием, что отражало общие тенденции реформ морского транспорта начала 1930-х гг. [15].

В целом эти реформы завершили переход к отраслевой централизации, усилив государственный контроль над транспортно-логистическими процессами. Была сформирована многоуровневая система управления портами, где сочетание хозрасчетных механизмов с жесткой вертикалью власти (с сохранением приоритета плановых методов) позволяло гибко адаптироваться к задачам индустриализации. Особенности реорганизации Тихоокеанского бассейна, сохранившего универсальность функций, демонстрировали способность системы учитывать региональную специфику, не отступая от принципов централизации. Введение четкого разделения обязанностей между должностными лицами портов и нормативное закрепление их полномочий усилили эффективность управления, интегрировав его в общую парадигму плановой экономики СССР.

Владивостокский морской торговый порт в 1931–1933 гг. находился в ведении Дальневосточного (с 1932 г. – Тихоокеанского) управления морского флота, подотчетного Центральному управлению Всесоюзного объединения морского торгового флота по внутреннему плаванию при Народном комиссариате водного транспорта.

В январе 1931 г. на основании проекта организации и управления складским хозяйством, механизацией и погрузочно-разгрузочными работами Наркомвода, утвержденного СТО, во Владивостоке было создано Управление главного Владивостокского торгового порта, включавшее отделы эксплуатации, судомеханический; кадров; портового надзора; финансово-учетный; материального снабжения; рабочего снабжения; плановый; мобилизационный; охраны; политотдел и отдел управление делами [12, с. 156].

К концу 1920-х гг. Владивосток был важнейшим транспортным центром Дальнего Востока. Помимо объективно удачного расположения на стыке важнейших магистральных путей сообщения региона – Транссибирской магистрали и Китайской Восточной железной дороги (через соединение с Уссурийской железной дорогой) – его близость к основным торговым судоходным путям Восточной Азии позволяла активно включаться в международную торговлю. Благодаря этому Владивостокский торговый порт еще с конца XIX в. стал центром так называемого североманьчжурского транзита (об этом см.: [6]).

С целью извлечения наибольшей выгоды из сложившегося положения руководство СССР, поощряя идеи местного предпринимательства и администрации, санкционировало открытие в 1925 г. специального района в порту – «Транзитной части», где экспортеры могли беспопытно хранить свои товары до отправки в пункт назначения. Благодаря этому за четыре полные года работы Транзитной части (1924/25–1927/28 гг.) грузооборот порта увеличился в два раза – с 1,2 млн т до 2,4 млн т [6, с. 73].

Однако обострение внешнеполитической ситуации на Дальнем Востоке и изменение приоритетов внешнеторговой политики в первой половине 1930-х гг., привели к свертыванию маньчжурского транзита и утрате международной роли Владивостока, способствуя превращению его в военно-морской форпост и центр снабжения дальневосточных окраин страны. С этого времени порт выступал как один из элементов Владивостокского железнодорожного узла¹, функционировавшего как единая транспортная система, основной задачей которой было снабжение районов крайнего северо-востока, Сахалина и Камчатки. В номенклатуре грузоперевозок Владивостокского порта в середине 1930-х гг. большой объем занимали строительные материалы, каменный уголь, нефть наливом, продовольствие (хлеб и рыба), что объяснялось ускоренными процессами формирования на Дальнем Востоке СССР промышленного комплекса оборонного назначения для укрепления безопасности страны [11, с. 75].

Повышенное внимание к Дальнему Востоку в середине 1930-х гг. обусловило значительный рост товарообмена между регионом и центром страны. На заседании Политбюро ЦК ВКП(б) в октябре 1933 г. было принято решение в целях повышения продовольственной безопасности региона перебросить 10 млн пудов (163,8 тыс. т) хлеба из южных портов Советского Союза в Дальневосточный край, в связи с чем Наркомводу предписывалось подготовить к приходу судов причалы, механизм, склады, подъездные пути, укомплектовав порт рабочей силой, не допуская непроизводительных простоев судов в порту; а на НКПС возлагалось предоставление в распоряжение Владивостокского порта на время разгрузки судов причалов Уссурийской дороги и необходимую для разгрузки судов рабочую силу [20, л. 16].

Однако к увеличению нагрузки торговый порт по ряду причин оказался не готов. Во-первых, сложившаяся во Владивостоке система распределения прибрежной территории создавала затруднения в эксплуатации портовых мощностей. Управление торгового порта распоряжалось лишь небольшим количеством причалов (с 19-го по 36-й в городской части и с 56-го по 60-й на мысе Клет), остальные находились в пользовании самых разных организаций, включая Уссурийскую железную дорогу, «Экспортлес» и других [3, л. 1]. Разбросанность частей порта по территории бухты Золотой Рог создавала проблемы для организации работы. Так, общежития рабочих концентрировались на мысе Чуркина, откуда каждые сутки к 7 часам утра рабочих перевозили в соответствии с разрядкой в городскую часть порта. В городской части порта происходило распределение грузчиков, а также механизмов и инвентаря по отдаленным причалам. Рабочие, направленные на различные участки порта, оказывались далеко от пунктов питания и ре-

¹ Воднотранспортный узел транспортной системы советского Дальнего Востока, осуществлявший в рамках исследуемого периода грузопассажирские операции между Владивостокским морским торговым портом и Уссурийской железной дорогой.

монтных бригад. Так как все руководство портом находилось в городской части, оно не только не управляло работами на местах, но и не знало, чем занимаются рабочие, получившие наряд. Грузчики не были заинтересованы в использовании механизмов, так как, во-первых, со стороны администрации отсутствовал контроль за их выработкой; во-вторых, при поломке перегрузочных механизмов их нужно было доставлять в городскую часть порта [3, л. 2].

Такая организация пространства не только замедляла грузооборот, но и отражала противоречия между централизованным управлением и децентрализованным использованием ключевых объектов, характерные для транспортной системы Дальнего Востока в условиях индустриализации 1930-х гг.

Во-вторых, в 1930-х гг. никуда не исчезла хроническая для Дальнего Востока проблема кадрового дефицита. В порту серьезно не доставало квалифицированных специалистов и грузчиков. Для компенсации нехватки персонала администрация привлекала работников сторонних организаций и заключенных Дальлага, которые не обладали необходимыми навыками и были демотивированы из-за отсутствия материальной заинтересованности.

Ключевыми факторами текучести кадров стали низкий уровень заработной платы и неудовлетворительные условия быта. Сравнительный анализ доходов работников демонстрирует значительный дисбаланс. Стивидор торгового порта Владивостока получал 175–200 руб. в месяц при фиксированной норме хлебного пайка, тогда как стивидор Акционерного камчатского общества (АКО) или Государственного треста по дорожному и промышленному строительству в районе Верхней Колымы (Дальстрой) зарабатывал 400 руб. с гарантированным продовольственным обеспечением [14, с. 209]. Такая разница в оплате труда, усугубленная отсутствием социальных льгот, делала работу в порту непривлекательной, что негативно сказывалось на производительности и качестве грузовых операций.

Жилищно-бытовые условия трудящихся Владивостокского порта в исследуемый период характеризовались крайне низким уровнем комфорта. Основная масса грузчиков размещалась в ветхих бараках на мысе Чуркина, где помещения были оборудованы двухъярусными нарами с циновками вместо кроватей. Портовое руководство не обеспечивало сотрудников предметами спального обихода — приобретение постельного белья, матрасов, одеял и подушек полностью возлагалось на самих работников. При уходе с предприятия сотрудники забирали эти вещи, что вынуждало вновь прибывших либо самостоятельно приобретать их, либо обходиться минимальными удобствами.

Неудовлетворительная ситуация была и с производственной дисциплиной. Администрация порта не проводила никакой культурно-массовой работы среди значительного азиатского контингента рабочих (в основном китайцев). В объяснительной записке к годовому отчету по эксплуатационной деятельности порта за 1934 г. отмечалось, что между

ними и русскоговорящими часто случались драки. Нередко фиксировались случаи массовых пьянок и опиокурения, вследствие чего росло число прогулов, текучка кадров, что приводило к невыполнению производственных норм [3, л. 2].

Подобные организационные и материально-технические проблемы оказали существенное влияние на недовыполнение в 1933 г. правительственного задания по грузопереработке на 29,6%. Простои в работе стали нормальным явлением, а качество погрузочно-разгрузочных работ и уровень механизации оставались на невысоком уровне.

Несмотря на значительное сокращение грузооборота порта по заграничному плаванию (1255,1 тыс. т в 1930 г. против 529,4 тыс. т в 1933 г.) и общее падение грузооборота к 1933 г. на 52% к показателям 1930 г. (1516,8 тыс. т против 2877,1 тыс. т) ввиду организационно-технических и кадровых проблем, к поступлению больших объемов грузов из советских портов Владивосток готов не был. По этой причине к концу 1933 г. образовалось скопление более 200 тыс. т генеральных и зерновых грузов, подлежащих немедленному вывозу из порта. Складские мощности не выдерживали таких объемов одновременно хранящегося груза, а необходимость их хранения открытым способом на причалах приводила к осложнениям грузовых операций [4, л. 3; 5, л. 4].

Усиление внимания центральных властей к Дальнему Востоку в 1933–1934 гг., а также возложенная на Владивостокский порт функция приема масштабных продовольственных поставок привели к тому, что системные проблемы в работе порта стали предметом рассмотрения на высшем уровне. На заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 20 января 1934 г. было принято решение командировать особо уполномоченного ЦК ВКП(б) А.Т. Дерибаса для принятия мер по разгрузке всех простаивающих на рейде пароходов, расчистки складских помещений и разработки дальнейших мероприятий по обеспечению нормальных погрузочно-разгрузочных операций в порту [22, л. 161].

Дополнительно во Владивосток был командирован назначенный на должность 5 декабря того же года уполномоченный наркома водного транспорта на Дальнем Востоке Я.Д. Розенталь. Энергичными усилиями удалось организовать планомерный вывоз грузов из порта, в первую очередь обеспечив своевременную подачу железнодорожных составов. К 1 марта 1934 г. порт был расчищен [21, л. 29].

По результатам проведения работ контролирующие структуры отмечали множество организационных недостатков в существовавшей с 1931 г. структуре управления морским транспортом не только на Дальнем Востоке, но и по всей стране. Постановлением ЦИК и СНК от 15 марта 1934 г. «О реорганизации органов управления водного транспорта» Морфлот, Совторгфлот и ЦУПОРТ были объединены в единое Центральное управление морского флота (Цуморфлот) [19]. Органы ЦУПОРТ ликвидировались, а его полномочия передавались морским пароходствам, которые в соответствии с постановлением СНК от 9 декабря 1934 г. принимали имущественные права и обязательства

бывших всесоюзных объединений «Совторгфлот» и Морфлот, объявляясь самостоятельными хозяйственными организациями, пользующимися правами юридического лица [7, с. 295–296, 304].

Таким образом, с 1934 г. Управление Владивостокского морского торгового порта было структурным элементом Тихоокеанского управления морского флота Цуморфлота Народного комиссариата водного транспорта СССР. На основании приказа Наркомвода СССР от 5 марта 1935 г. Тихоокеанское управление морского флота было переименовано в Дальневосточное государственное морское пароходство (ДГМП) [1, л. 98].

Согласно утвержденному СТО 30 июня 1922 г. «Положения об управлении торговыми портами», введившего «разрядность» морских торговых портов, Владивосток по своему экономическому значению, техническому оснащению и объему грузопереработки был отнесен к портам первого разряда [9, с. 85]. Соответственно, структура Управления порта выстраивалась в соответствии с требованиями законодательства для портов первого разряда: группа начальника порта и помощника по технической части, отвечающая за непосредственное руководство и организацию погрузочно-разгрузочных работ; отдел портового надзора; группа судоремонтных мастерских; материально-заготовительная часть; планово-финансовая часть; административный отдел; отдел рабочего снабжения и мобилизационная группа [19].

Также на основе решения СТО от 16 января 1934 г. и вышеупомянутого постановления Совнаркома от 15 марта 1934 г. вводилась практика районирования портов по принципу специализации причалов по роду грузов на море. Во Владивостокском морском торговом порту были созданы четыре самостоятельных хозяйственных производственно-эксплуатационных участка. В их ведении находились все портовые средства производства (причалы, склады, механизмы и прочие сооружения), а также вопросы жилищно-бытового характера и комплектации рабочей силой.

Участки выглядели следующим образом: 1-й участок – «зерно-бобовый», или экспортных грузов, расположенный от 1-го до 17-го причала, – бывшая Транзитная часть порта (Эгершельд); 2-й участок – генеральных грузов, малого каботажа, пассажирских линий и грузов большого каботажа – от 18-го до 32-го причала; 3-й участок – грузов северного завоза (в эксплуатации Дальстроя и организаций «Сахснаб», АКО, «Экспортлес») – от 46-го до 51-го причала; 4-й участок – для перевалки угля, соли и рыбы – от 53-го до 60-го причала [3, л. 3].

Перестройка аппарата управления в соответствии с решением Совнаркома предполагала и изменение в производственной деятельности портов. В качестве мер по улучшению погрузочно-разгрузочных работ и прочей эксплуатационной деятельности подразумевалось максимальное включение инженерно-технических работников в производство. Дополнительно создавалась специальная диспетчерская группа с непосредственным подчинением начальнику порта. В ее задачи входило

ло ежедневное и ежемесячное планирование грузовых работ и контроль за соблюдением плановых показателей. Началась работа по организации бригад, отдельно была выделена группа опытных грузчиков для передачи опыта и примера.

В апреле 1934 г. постановлением ЦК ВКП(б) при Наркомводе было создано Политическое управление, при пароходствах организовывались политотделы, действовавшие на правах партийных комитетов, на судах вводились должности помощников капитанов по политической части. Таким образом, устанавливался партийно-хозяйственный дуализм при управлении транспортом: начальники политуправлений были заместителями наркомов; политотделов — заместителями начальников пароходств. Образовавшаяся вертикаль «политуправление наркомата — политотдел пароходства — первичная парторганизация» предполагала и тесное взаимодействие с территориальными партийными органами. Повсеместно в портах и пристанях, на судоремонтных предприятиях, на морских и речных судах действовали первичные партийные организации [24, с. 118].

На политуправления возлагалось политическое воспитание и просвещение, однако на Дальнем Востоке политико-идеологическая работа на предприятиях (в том числе транспорта) развивалась крайне медленно в связи с острым дефицитом опытных агитаторов и пропагандистов, а отсутствие увязки политико-идеологических аспектов с хозяйственными задачами приводило к тому, что многие коммунисты не выполняли производственную программу и не были ударниками на производстве [8, с. 76].

Результаты проделанной организационной работы, а также возросшая перевалка грузов большого каботажного парового флота позволила по итогам 1934 г. перевыполнить план по грузообороту на 138 % — против установленных планом 1661 тыс. т порт переработал 2297,1 тыс. т грузов [3, л. 3—9]. Из Центральной России в Дальневосточный край через Владивосток везли сахар, соль, табак, металлические изделия. На обратном пути суда принимали импортный чай и продукцию лесопильного производства. Постепенно возрастали и перевозки малого каботажного флота. Увеличение численности населения на Камчатке и Чукотке, а также расширение деятельности сети исправительно-трудовых лагерей системы Дальстроя требовали четко налаженного снабжения как продовольствием, так и строительными материалами — все это доставлялось морем ввиду практически полного отсутствия наземных путей сообщения.

Для всех видов плавания обслуживание морского транспорта в основном концентрировалось во Владивостоке. Например, в 1935 г. в общем грузообороте дальневосточных портов доля Владивостока составила 56 %. Одновременно повышалось значение и других дальневосточных гаваней. С 1932 по 1936 г. Николаевск-на-Амуре увеличил свой грузооборот в 2,6 раза, Александровск-на-Сахалине — в 2,5 [14, с. 213].

Вместе с тем заграничный грузооборот дальневосточных портов снизился в результате обострения международной обстановки и, как результат, падения экспорта по главной статье вывоза — лесоматериалов

в Китай и Японию. Практически всю продукцию лесной промышленности Дальневосточного края, предназначенную на экспорт в 1934 г., по решению Политбюро ЦК ВКП(б) от 11 декабря 1933 г. предписывалось обратить на нужды оборонного и необоронного характера в регионе [22, л. 153]. Однако несмотря на падение значения Владивостокского порта как международного, полностью заграничный экспорт не прекратился. В иностранные порты из Владивостока наиболее крупные отправки шли в Порт-Саид (Египет), Шанхай и Инкоу (Китай), Гамбург (Германия), Осаку (Япония), Лондон (Англия) и др.

С прекращением операций по транзиту маньчжурских бобов в конце 1933 г. 4-й район Владивостокского порта окончательно потерял свое былое значение. Более высокий, чем в других районах порта, уровень механизации и организации работы позволял использовать его для обслуживания экспортно-импортного грузооборота. Однако район все больше предоставлялся под перевалку и хранение местных грузов и по функциям приближался к общей части порта.

После передачи в 1934 г. территории Коммерческого агентства Уссурийской железной дороги в ведение Управления Владивостокского порта значительно возрос общий показатель механизации работ — с 37,1 % в 1934 г. до 39,4 % по итогам первого полугодия 1935 г. [2, л. 17]. К середине 1930-х гг. уровень механизации погрузочно-разгрузочных работ во Владивостокском торговом порту значительно возрос. Столь значительный рост по сравнению с 1933 г. (3,2 %) был обусловлен передачей района бывшей Транзитной части Управлению порта, так как именно в ней располагалось наибольшее число погрузочно-разгрузочных механизмов.

Вместе с тем рост механизации шел и за счет улучшения материально-технического обеспечения работы порта. В 1934 г. были введены в эксплуатацию 2 порталных крана и мостовой углеперегрузатель, произведенные на заводе им. Кирова в Ленинграде, а также 36 ленточных конвейеров. Портовый флот состоял из 2 ледоколов, общей мощностью 1850 л.с., 6 паровых катеров — 1205 л.с., 12 моторных катеров — 440 л.с., 21 грузовой баржи — 2050 л.с., а также 4 плавучих кранов. Имелся и парусный флот из 30 шаланд. Постепенно намечалась тенденция закрепления рабочей силы в порту. Так, в марте 1934 г. грузчиками числилось 1230 чел., а в декабре — 1969 чел. [2, л. 18; 3, л. 3–9].

Развитие отечественного судостроения оказало влияние на состояние флота Дальнего Востока. С 1930 г. он стал интенсивнее пополняться транспортными средствами. За 1929–1932 гг. количество судов Дальневосточной конторы «Совторгфлота» выросло в 2 раза, а его грузоподъемность — в 3; более чем в 5 раз увеличилась пассажировместимость морского транспорта пароходства [14, с. 131–134], что, безусловно, положительно отражалось на объемах работы портов Дальнего Востока.

Таким образом, осуществленная в начале 1930-х гг. реорганизация управления морским транспортом и торговыми портами не завершилась проведением реформ 1934 г. Стремление внедрить систему управ-

ления, ключевым принципом которой стало бы эффективное взаимодействие всех государственных структур, завязанных на эксплуатации морских торговых портов, привело к тому, что вплоть до начала Великой Отечественной войны предпринимались попытки усовершенствования действующих положений: практически ежегодно уточнялась или менялась разрядность портов, устанавливались новые органы, подвергалась изменениям структура их управлений. Эти изменения отражали поиск оптимального баланса между централизацией контроля и оперативной адаптацией к растущим экономическим и логистическим требованиям.

На Дальнем Востоке несмотря на то, что к началу 1930-х гг. он был полностью включен в единое экономическое пространство СССР, приоритетными в развитии транспорта оставались вопросы укрепления обороноспособности дальневосточных рубежей. Именно транспорт исторически играл ключевую роль в осуществлении всех планов по повышению боеспособности армии и флота, а также развития промышленного потенциала дальневосточного региона. В решении задач интеграции центра и периферии транспорт был системообразующим фактором модернизации отдаленных территорий. В конце 1930 — начале 1940-х гг. к транспортной системе региона стали предъявляться повышенные требования. Основное внимание при этом было уделено реконструкции уже имеющихся транспортных коммуникаций, а также совершенствованию и расширению парка транспортных средств: подвижного железнодорожного состава, морских и речных судов, автомашин.

Несмотря на то что Владивостокский порт в начале 1930-х гг. потерял свою важную международную роль, вместе с Транссибирской магистралью он становился инфраструктурной базой расширения транспортной доступности всего Дальнего Востока, поддержания связи с основной частью страны для его окончательной экономической интеграции и завершения социалистической индустриализации.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Приморского края. Ф. Р-46. Оп. 81. Д. 2.
2. Государственный архив Приморского края. Ф. Р-356. Оп. 24. Д. 71.
3. Государственный архив Приморского края. Ф. Р-356. Оп. 24. Д. 171а.
4. Государственный архив Приморского края. Ф. Р-356. Оп. 24. Д. 171в.
5. Государственный архив Приморского края. Ф. Р-356. Оп. 24. Д. 171г.
6. Гудков И. А. Владивостокский торговый порт в первой половине 1920-х годов: экспортная конкуренция и межведомственные противоречия // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2023. №1. С. 63–76.
7. Змерзлый Б. В., Коваль А. В. Реорганизация управления торговыми портами в СССР в 1934–1939 гг. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2019. №1. С. 294–306.
8. Исаев А. А. Особенности политико-идеологической работы среди населения Дальнего Востока СССР в 1930-е гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: История России. 2022. Т. 21, №1. С. 72–82.

9. Коваль А.В. Положение об управлении торговыми портами РСФСР в 1922 г. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2018. №4. С. 85–92.

10. Коваль А.В. Реформы управления портами в СССР в 1931–1933 гг. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2016. №1. С. 52–59.

11. Колесниченко К.Ю., Ткачева Г.А. Межведомственное взаимодействие как фактор производственной деятельности Владивостокского торгового порта в предвоенное десятилетие // Новый исторический вестник. 2017. №1 (51). С. 67–81.

12. Курбенков В.А. Этапы развития системы государственного управления деятельностью морских портов на Дальнем Востоке // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2019. Т. 24, №179. С. 151–158.

13. Любинецкий А.Н. Регулирование вопросов аренды и эксплуатации территорий морских портов в 1930-х гг. в СССР // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2018. №2. С. 63–72.

14. Медведева Л.М. Развитие транспорта и его роль в освоении Дальнего Востока СССР (20–30-е годы XX века). Владивосток, 2002.

15. Положение о правах начальников морских торговых портов Союза ССР : постановление Совета труда и обороны СССР от 10 апреля 1931 г. URL: <https://istmat.org/node/54723> (дата обращения: 01.02.2025).

16. О морском транспорте : постановление Совета труда и обороны СССР от 14 апреля 1931 г. URL: <https://istmat.org/node/54722> (дата обращения: 01.02.2025).

17. О реорганизации управления морским и речным транспортом : постановление Центрального исполнительного комитета СССР, Совета Народных Комиссаров СССР от 13 февраля 1930 г. URL: <https://istmat.org/node/49441> (дата обращения: 01.02.2025).

18. Об образовании народного комиссариата водного транспорта Союза ССР : постановление Центрального исполнительного комитета СССР, Совета Народных Комиссаров СССР от 30 января 1931 г. URL: <https://istmat.org/node/54528> (дата обращения: 01.02.2025).

19. О реорганизации органов управления водного транспорта : постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 15 марта 1934 г. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/indexes/values/1284496> (дата обращения: 01.02.2025).

20. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 3. Д. 931.

21. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 3. Д. 935.

22. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 162. Д. 15.

23. Сабайдаш М.В. Ретроспективный анализ деятельности морских торговых портов СССР в условиях Новой экономической политики (1921–1928 гг.) // Вестник АГТУ. Сер.: Экономика. 2020. №1. С. 78–90.

24. Селонина Н.В. Политическая организация морского и речного флота России в 1941–1945 гг. // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. 2011. №2. С. 118–123.

Об авторе

Илья Артурович Гудков — канд. ист. наук, доц. департамента истории и археологии Школы искусств и гуманитарных наук, Дальневосточный федеральный университет, Россия, Владивосток, Россия.

E-mail: gudkov.ia96@gmail.com

I. A. Gudkov

**THE DEVELOPMENT OF THE USSR MARITIME TRANSPORT
MANAGEMENT SYSTEM IN THE EARLY 1930s USING THE EXAMPLE
OF THE VLADIVOSTOK COMMERCIAL SEAPORT**

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

Received 27 April 2025

Accepted 02 July 2025

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-3-4

To cite this article: Gudkov I. A., 2025, The development of the USSR maritime transport management system in the early 1930s using the example of the Vladivostok commercial seaport, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №3. P. 41 – 53. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-3-4.

53

The article analyzes the development of the USSR maritime transport management system in the early 1930s using the case of the Vladivostok Commercial Port. This period was marked by large-scale reforms aimed at the centralization of management and the integration of transport infrastructure into the planned economy. The author examines the key stages of reorganization: the establishment of the People's Commissariat of Water Transport, the formation of basin administrations, the introduction of cost-accounting mechanisms, and the specialization of port divisions. Particular attention is paid to the regional specifics of the Russian Far East, where the Vladivostok port, while maintaining the universality of its functions, faced problems of decentralization, staff shortages, low levels of mechanization, and inadequate social and living conditions for workers. The study is based on archival materials from the State Archive of Primorsky Krai and the Russian State Archive of Socio-Political History, many of which are introduced into scholarly circulation for the first time. The author shows how the policy of hyper-centralization of management was combined with attempts to adapt to regional conditions. Despite the decline in the port's international role due to foreign policy changes, it retained the importance of a key transport hub ensuring the supply of remote territories and supporting the industrialization of the Far East. The main conclusion emphasizes that during the period under consideration in conditions of completion of the transition to sectoral centralization and the strengthening of state control, a multilevel management system was formed. Despite its drawbacks, the system enabled the port to adapt to the tasks of the planned economy. The author stresses that the Vladivostok port, having lost its status as an international transit center, became the infrastructural foundation for the integration of the region into the all-Union economic space.

Keywords: Far East, maritime transport, commercial port, port facilities, Vladivostok, Vladivostok port, system of management

The author

Dr Ilya A. Gudkov, Assistant professor of the Department of History and Archeology of the School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

E-mail: gudkov.ia96@gmail.com

Г. Н. Беспалько

ВОПРОС О ПРАВОМЕРНОСТИ СОВЕТСКОЙ ОККУПАЦИИ ГЕРМАНИИ (1945–1949)

Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова,
Архангельск, Россия

Поступила в редакцию 17.12.2024 г.

Принята к публикации 29.05.2025 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-3-5

54

Для цитирования: Беспалько Г. Н. Вопрос о правомерности советской оккупации Германии (1945–1949) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2025. №3. С. 54–64. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-3-5.

В условиях напряженной геополитической обстановки, развития негационистских тенденций, возникновения за последнее десятилетие многочисленных споров вокруг репарационных требований некоторых стран становится актуальным изучение с научной точки зрения правомерности действий отдельных государств в определенный исторический период. Учитывая факт, что Российская Федерация является правопреемником Союза ССР, небезосновательно возникает необходимость рассмотрения отдельных действий советского руководства, соотношения принятых ими мер с международным правом соответствующего периода. Путем изучения отдельных договоров, заключенных между СССР и Германией в 1939–1941 гг., анализа фактических действий двух держав в 1939–1945 гг., иных имеющих значение обстоятельств, основных норм международного права упомянутого периода, с использованием методов сравнения и историзма автором рассмотрен вопрос о правомерности создания советских оккупационных органов власти на территории Германии после окончания Великой Отечественной войны. Автору удалось доказать, что формирование Советским Союзом оккупационного режима на территории Германии не только полностью соответствовало актуальному международному праву, но и оказалось безальтернативным способом компенсировать ущерб, причиненный третьим рейхом советским республикам за почти четыре года активных боевых действий.

Ключевые слова: советско-германский Договор о ненападении, Советская зона оккупации Германии, третий рейх, исторический ревизионизм

Введение

С окончанием Холодной войны и прекращением существования биполярной системы международных отношений исследователи стали чаще прибегать к методам исторического ревизионизма — то, что еще вчера из-за идеологической ангажированности считалось непоколебимой истиной, сегодня благодаря рассекреченному пласту документов можно рассмотреть уже более объективно. Подобный подход представ-

ляется прогрессивным, так как одной из ключевых целей исторической науки, как и любого иного научного познания, является открытие, описание, предание наибольшей огласке объективной истины [1, с. 64].

Однако термин «ревизионизм» в российской научной среде сегодня рассматривается преимущественно с негативной коннотацией. Причинами этому послужили как откровенный негационизм авторов ревизионистских работ, так и использование ими недостоверных или даже сфальсифицированных источников.

Если ранее вольной интерпретацией исторических событий занимались преимущественно сторонники крайне левых или крайне правых взглядов, то за последнее десятилетие основными бенефициарами ревизионистских исследований стали целые государства, чьи представители, ссылаясь на события десятилетней или даже вековой давности, требуют в настоящее время от целых народов возмещения материального и иного ущерба, причиненного им в прошлом.

С начала нынешнего десятилетия о репарационных требованиях чаще всего заявляют представители африканских и латиноамериканских государств, стран Азиатско-Тихоокеанского региона, направляя финансовые претензии к своим бывшим метрополиям [31; 32; 42].

Откровенно корыстный характер исторический ревизионизм приобрел и на европейском континенте. Так, 14 сентября 2022 г. нижняя палата польского парламента практически единогласно приняла резолюцию, указывающую на необходимость получения Польшей репараций за потери, понесенные в «результате советской агрессии» [40].

В своем интервью газете *Financial Times* представитель польского Министерства иностранных дел Марчин Пшидач огласил стратегию польского государства в данном вопросе: прежде необходимо взыскать репарации с ФРГ, а уже после появится возможность получить «должное» и с РФ [37].

Учитывая всю нестабильность нынешней системы международных отношений, не представляется невозможным и то, что через некоторое время агрессивная риторика не только Республики Польши, но и иных государств мира по отношению к Российской Федерации приобретет еще более радикальный характер.

Нынешние власти одной из стран — участниц бывшего Тройственного пакта — Японии уже на уровне государственного руководства замалчивают непосредственную роль США в организации первой и единственной в истории человечества атомной бомбардировки населенных пунктов, а в контексте обсуждения уничтожения Хиросимы и Нагасаки японские чиновники говорят об «исходящей от России ядерной угрозе» [15].

Еще 41-й президент США Дж. Буш-старший предлагал жителям Японии забыть об этих страшных «инцидентах» [43]. Спустя тридцать лет часть японской молодежи считает, как утверждает министр иностранных дел РФ С. Лавров, что именно Советский Союз осуществил атомную бомбардировку двух городов [6].

Не может быть исключено, что исторический ревизионизм и дениализм способны привести к той ситуации, когда уже современные власти ФРГ потребуют возмещения причиненного Советским Союзом ущерба во время существования Советской оккупационной зоны (СОЗ) Германии в послевоенный период и вплоть до образования ГДР.

Российская Федерация в соответствии со ст. 67.1 ее Конституции является правопреемником СССР [5], продолжая оставаться членом ведущих международных организаций, в частности ООН [14], участвуя в судебных производствах в рамках Международного суда ООН [7], Постоянной палаты Третейского суда (ППТС) [12, с. 303; 30].

56

Таким образом, при обозначенном нами прежде негативном сценарии развития событий, когда современная агрессивная риторика по отношению к Российской Федерации может привести к откровенному негационизму со стороны государственных служащих ФРГ, ответчиком за действия советских структур как в пределах СОЗ Германии, так и в рамках Союзного контрольного совета (СКС) при потенциальных международных разбирательствах будет именно Российская Федерация.

Исходя из вышеизложенного, изучение вопроса о правомерности советской оккупации немецкой территории является крайне важным с точки зрения отстаивания национальных интересов Российской Федерации. Стоит отметить и то, что как в отечественной, так и в зарубежной науке до сих пор отсутствуют исследования, посвященные данной теме.

Актуальность данного исследования подчеркивает и празднование 80-летнего юбилея победы советского народа в Великой Отечественной войне. Шестого июня 1945 г. исполняется и 80 лет со дня образования СОЗ, Советской военной администрации в Германии (СВАГ), Группы советских оккупационных войск в Германии (ГСОВГ).

Обсуждение и результаты

Двадцать четвертого августа 1939 г. в печатном органе ЦК ВКП(б) — газете «Правда», а днем позже — в печатном органе НСДАП — газете *Völkischer Beobachter* были опубликованы новости о заключении советско-германского Договора о ненападении с изложением его содержания [4; 35].

Еще до окончательного разгрома польских войск во время военных кампаний 1939 г. 28 сентября 1939 г. между советской и немецкой сторонами произошло подписание Договора о дружбе и границе, чьи основные положения были так же опубликованы в основных печатных органах ЦК ВКП(б) [2] и НСДАП [24].

Необходимость в проведении экскурса в основные положения отдельных договоров между СССР и Германией требуется, во-первых, по причине того, что именно они сформировали основные принципы взаимодействия между двумя государствами на период с их подписания и последовавшей ратификации [25; 26] до начала вторжения Германии на территорию СССР 22 июня 1941 г. Во-вторых, при составлении данных договоров стороны руководствовались основными прин-

ципами международного права своего времени, за нарушение которых, важно подчеркнуть, была предусмотрена ответственность — к чему мы обратимся позднее.

Для рассмотрения вопроса о правомерности советской оккупации Германии нас наиболее заинтересуют следующие положения договоров.

1. Обе стороны обязывались воздерживаться от любого насилия, агрессивного нападения, действия в отношении друг друга как в одностороннем порядке, так и с потенциальным содействием в данных действиях кого-либо [4; 35].

2. Обе стороны должны были разрешать все конфликты интересов исключительно мирным путем «в порядке дружественного обмена мнениями» или с созданием комиссий, задачей которых будет урегулировать любое возникшее противоречие [4; 35].

3. Предполагалось установление границы обоюдных государственных интересов, как и признание обеими сторонами новой границы [2; 24], что подразумевало разделение сфер влияния в Восточной Европе, взаимовыгодного отказа от поддержки сторонами отдельных государств [36].

При изучении статей договоров становится очевидно, что при их составлении стороны руководствовались положениями гаагских конвенций 1907 года. В частности, статья пятая советско-германского Договора о ненападении практически повторяет предписания статьи девятой Конвенции о мирном разрешении международных столкновений [17].

Хотя заключение в 1940 г. Конвенции между Союзом ССР и Германией о порядке расследования и разрешения пограничных инцидентов и конфликтов, а также Договора между СССР и Германией о пограничных правовых отношениях является важной частью развития советско-германских отношений в данный период, автор не считает необходимым цитировать основные положения упомянутых соглашений, поскольку их статьи преимущественно направлены на установление регламента проведения конкретных действий, например о порядке пользования пограничными водами [3].

Следующим этапом развития советско-германских отношений стало заключение 10 января 1941 г. Договора между Союзом ССР и Германией о советско-германской границе от реки Игорка до Балтийского моря, текст которого был так же опубликован в главных печатных органах правящих партий двух государств [9; 23]. Данный договор — пример того, как (в данном случае по инициативе советской стороны) разрешались возникавшие противоречия между двумя государствами.

В соответствии с Дополнительным протоколом к упомянутому нами Договору о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г., прилагаемой к нему карте территория Литвы находилась в сфере германских политических интересов [13, л. 23–26], а потому удовлетворение Верховным Советом СССР просьбы литовского Сейма о принятии в состав СССР Литовской Республики [10] фактически нарушало советско-германские соглашения.

Тем не менее проблема была разрешена дипломатическим путем. Статья 1 Договора от 10 января 1941 г. [9; 23] разрешала вопрос, формально противоречащий всем прежним советско-германским соглашениям о границе. Подтверждением разрешения противоречий, существовавших между СССР и Германией, является и подписанный наркомом В. Молотовым и послом Германии в СССР В. Шуленбургом Протокол к Договору от 10 января 1941 г. [13, л. 23–26].

Однако вышеупомянутые факты не послужили препятствием вторжению Германии и ее союзников на территорию СССР. Пытаясь оправдать развязывание войны со вчерашним партнером, объявить о правомерности своих действий, немецкое правительство издавало меморандумы и прокламации, попутно демонстрируя иностранной прессе доказательства якобы готовившегося удара со стороны Советского Союза.

В зачитанной по радио 22 июня 1941 г. Й. Геббельсом и позднее опубликованной в немецкой прессе [29] Прокламации А. Гитлера прозвучали следующие тезисы:

1. «Еврейско-большевистские власти в Москве» путем распространения своих идей пытаются навязать свое господство не только немецкому, но и всем европейским народам.

2. Советский Союз в сговоре с Великобританией (находившейся в состоянии войны с Германией с 3 сентября 1939 г.) попытался затянуть Германию в продолжительную войну с Югославией, а именно: «Москва потребовала мобилизации сербской армии».

3. Советский Союз сконцентрировал крупные силы на немецкой границе. Были зафиксированы случаи нарушения русскими пограничниками целостности немецкой границы.

При отсутствии представленных доказательств первых двух утверждений объявление войны Советскому Союзу на основании третьего является прямым нарушением советско-германского Договора от 23 августа 1939 г., в соответствии с которым Германия должна была:

- 1) воздержаться от всякого агрессивного действия;
- 2) разрешить возникший конфликт интересов путем предъявления ноты или инициацией создания комиссии для соответствующего урегулирования.

Как известно, ничего из перечисленного Германией реализовано не было.

Вторым важным историческим источником служит оглашенный советскому послу в Германии В. Деканозову рейхсминистром И. Риббентропом Меморандум Министерства иностранных дел Германии Советскому правительству [18, S. 896–897], текст которого был опубликован в немецкой прессе 23 июня 1941 г. [36]. Аргументация в нем практически полностью совпадала с утверждениями из Прокламации А. Гитлера, однако здесь мы видим, что, как утверждает немецкое Министерство, с начала 1941 г. Верховное командование Вермахта сообщало внешнеполитическому руководству Германии о возрастающей для территории рейха угрозе со стороны русской армии, а потому «фюрер отдал приказ вооруженным силам всеми средствами отвести эту угрозу» [36].

Таким образом, даже при возможном подтверждении факта концентрации советских войск на немецкой границе за полгода немецкое руководство не предприняло мер дипломатического характера для того, чтобы разрешить возникшие противоречия мирным путем, предпочтя им развязывание войны.

Теперь, когда нами были рассмотрены важнейшие соглашения между СССР и Германией в предшествовавший началу Великой Отечественной войны период, а затем и действия двух сторон в рамках сформировавшейся системы договоренностей, мы можем обратиться к основным положениям международного права обозначенного периода.

Хотя Договор об отказе от войны в качестве орудия внешней политики (более известный как Пакт Бриана — Келлога) является важнейшим международным соглашением рассматриваемого нами периода, субъектами которого были СССР и Германия, не представляется необходимым обращаться к его положениям в рамках рассмотрения вопроса о правомерности советской оккупации Германии, поскольку статьи данного Договора в отличие от Гаагских конвенций 1907 г. не предусматривали ответственности за нарушение предусмотренных в нем обязательств.

Не представляется необходимым цитировать и приговоры Нюрнбергского трибунала, перечисляя тот колоссальный ущерб, что был причинен Советскому Союзу вооруженными силами гитлеровской Германии. Для настоящей статьи нам важно лишь то, что Международным трибуналом в Нюрнберге был установлен сам факт причинения такого ущерба [41, S. 74], факты нарушения немецкой стороной Гаагских конвенций [41, S. 103, 113, 120].

К моменту начала Второй мировой войны и до ее окончания Гаагские конвенции 1907 г. были основным источником международного права [34, р. 753; 19, р. 72–74], которые устанавливали некоторые правила поведения для воюющих сторон и, хотя и были подписаны и ратифицированы Россией и Германией еще до начала Первой мировой войны, признавались СССР и третьим рейхом [8, с. 166; 11; 28, р. 697] и использовались в качестве фундамента при составлении советско-германских договоров 1939–1941 гг.

Так, в соответствии со статьей третьей Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны, сторона, нарушившая порядок, установленный данной Конвенцией, становится обязанной не только возместить нанесенный ущерб, но и понести ответственность за все действия, совершенные лицами, принадлежащими к вооруженным силам такого государства [16].

Установленный Конвенцией порядок предполагает и то, что вооруженные силы во время боевых действий имеют право не только на оккупацию территории, но и на овладение имеющимися в ее пределах государственными деньгами и иными ценностями [16].

Учитывая то, что Международным трибуналом факт причинения ущерба немецкими вооруженными силами Советскому Союзу был установлен, СССР обладал правом на временное занятие немецкой

территории с целью компенсировать за счет государственного имущества третьего рейха причиненный Союзу ущерб с возможностью, как гласит ст. 52 установленного Конвенцией порядка, на принуждение населения к исполнению необходимых для пребывания нужд советских вооруженных сил повинностей [16].

В таком случае перед нами встает вопрос: мог ли СССР использовать иные способы возмещения ущерба помимо оккупации части немецкой территории? Например, воспользоваться методами Антанты и заключить договоры, подобные тем, что сформировали Версальско-вашингтонскую систему международных отношений.

К 1945 г. большинство крупных городов Германии были превращены в руины [21]. Когда Красная армия стояла чуть более, чем в 100 км от Дрездена, во время совместной атаки ВВС Великобритании и США на переполненную беженцами [22] «Жемчужину на Эльбе» было сброшено более двух с половиной тысяч бомб [39, S. 594]. Днем позже американской авиацией был уничтожен еще один крупный немецкий город Котбус [27, S. 8], чьи руины, как в случае с Дрезденом, в дальнейшем окажутся в пределах СОЗ.

Однако даже после массированных стратегических бомбардировок немецкая промышленность, по оценкам большинства немецких историков и экономистов, сохранила свои основные фонды к моменту окончания войны, превосходя их показатели уровня 1936 г. — это отмечают в своей статье исследователи из Лондонской школы экономики Альбрехт Ритшль и Тамаш Воию [38, p. 168–169].

Германия оказалась в «уникальной исторической ситуации», когда отсутствовало не только правительство, способное представлять немецкий народ [33, p. 22], но и какие-либо действовавшие органы власти в целом, в условиях противодействия войскам союзников подпольных вооруженных организаций национал-социалистов [20, p. 458]. В связи с этим компенсация причиненного СССР ущерба путем оккупации охваченных хаосом немецких территорий, учитывая все вышеизложенное, представляется не только правомерной, но и безальтернативной.

Заключение

Договоры, заключенные между Советским Союзом и Германией в 1939 г., создали эффективную систему взаимодействия между двумя государствами, в рамках которой было достаточно возможностей, как мы продемонстрировали на примере соглашения от 10 января 1941 г., для разрешения всевозможных противоречий мирным путем. Однако нарушив все существовавшие с СССР соглашения, а также основные принципы международного права, третий рейх развязал войну, продлившуюся почти четыре года, что в итоге имело фатальные последствия как для диктатуры НСДАП, так и для немецкого государства.

Решения Нюрнбергского трибунала не предписывали какой-либо из сторон право на оккупацию Германии. Тем не менее в условиях послевоенного хаоса и разрухи, отсутствия у Германии как правительства,

так и иных легитимных представительных органов СССР не обладал иной альтернативой, кроме как временно занять немецкие территории для возмещения причиненного ему ущерба. Как нам удалось доказать, данные действия полностью соответствовали нормам международного права.

Таким образом, разрешая вопрос о правомерности советской оккупации Германии, мы можем однозначно заявить о законных, соответствующих международному праву действиях Советского Союза.

Список литературы

1. Баева Л.В., Романова А.П., Карабущенко П.Л., Алтуфьев Ю.В. *Философия науки* : учебное пособие для аспирантов. Астрахань, 2012.
2. *Германо-советский* Договор о дружбе и границе между СССР и Германией // Правда. 1939. №270 (7955). 29 сентября. URL: <https://electro.nekrasovka.ru/books/6245368/pages/1> (дата обращения: 30.11.2024).
3. *Договор* между Союзом Советских Социалистических Республик и Германией о пограничных правовых отношениях // Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. За. Оп. 1. П. 24. Д. 283.
4. *Договор* о ненападении между Германией и Советским Союзом // Правда. 1939. №234 (7919). URL: <https://electro.nekrasovka.ru/books/6245199> (дата обращения: 30.11.2024).
5. *Конституция* Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г. // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://duma.gov.ru/legislative/documents/constitution/> (дата обращения: 30.11.2024).
6. *Лавров* заявил о попытках Запада переписать историю // РИА новости. URL: <https://ria.ru/20210708/lavrov-1740375636.html> (дата обращения: 30.11.2024).
7. *Международный суд* ООН отклонил большую часть обвинений по иску Украины к России // ООН. URL: <https://news.un.org/ru/story/2024/01/1449072> (дата обращения: 01.12.2024).
8. *Нота* Народного Комиссара иностранных дел СССР тов. В.М. Молотова «О возмутительных зверствах германских властей в отношении советских военнопленных, 25 ноября 1941 г.» // Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 1: 22 июня 1941 г. – 31 декабря 1943 г. : док. и матер. / ред. Р. Магид. М., 1944.
9. *О заключении* Договора между СССР и Германией о советско-германской границе от реки Игорка до Балтийского моря // Правда. 1941. №11 (8419). 11 января. URL: <https://electro.nekrasovka.ru/books/6148019/pages/1> (дата обращения: 01.12.2024).
10. *О принятии* Литовской Советской Социалистической Республики в Союз Советских Социалистических Республик : закон от 3 августа 1940 г.) // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного совета СССР. 1938 – 1944 гг. М., 1945. С. 23 – 24.
11. *Памятная записка* НКВД СССР миссии Швеции в СССР по вопросу соблюдения Советским Союзом Гаагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны от 18 октября 1907 г. // АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 26. Д. 352. Л. 10.
12. *Пешнин* А. С. Постоянная палата третейского суда как средство мирного разрешения международных споров // Актуальные проблемы российского права. 2009. № 4 (13). С. 298 – 305.

13. *Протокол* об отказе Германии от притязаний на часть территории Литвы, указанную в секретном дополнительном протоколе от 28 сентября 1939 г. Подписан В.М. Молотовым и Шуленбургом 10 января 1941 г. // АВП РФ. Ф. За. Оп. 1. П. 18. Д. 243. Л. 23 – 26.

14. *Российская Федерация* // ООН. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/member-states/russian-federation> (дата обращения: 01.12.2024).

15. *Совина М.* Япония раскритиковала Россию в контексте бомбардировок Хиросимы и Нагасаки // Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/news/2024/04/13/yaponiya-raskritikovala-rossiyu-v-kontekste-bombardirovok-hirosimy-i-nagasaki/> (дата обращения: 30.11.2024).

16. *Abkommen* betreffend die Gesetze und Gebräuche des Landkriegs. Abgeschlossen in Den Haag am 18. Oktober 1907. URL: https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/26/429_338_411/de (дата обращения 04.12.2024).

17. *Abkommen* zur friedlichen Erledigung internationaler Streitfälle Abgeschlossen im Haag am 18. Oktober 1907. URL: https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/26/305_271_293/de (дата обращения: 30.11.2024).

18. *Akten* zur Deutschen Auswärtigen Politik, 1918 – 1945. Serie D: 1937 – 1941. Band XII, 2: 6. April bis 22. Juni 1941. Die Kriegsjahre. Göttingen, 1969.

19. *Best G.* World War Two and the Law of War // Review of International Studies. 1981. Vol. 7, №2. P. 67 – 78.

20. *Biddiscombe P.* The last ditch: An organizational history of the Nazi Werwolf movement, 1944 – 45 : PhD thesis. London School of Economics and Political Science, 1990.

21. *Brakman S., Garretsen H., Schramm M.* The Strategic Bombing of German Cities during World War II and its Impact on City Growth, CESifo Working Paper, No. 808, Center for Economic Studies and ifo Institute (CESifo). Munich, 2002. URL: https://www.econstor.eu/bitstream/10419/76256/1/cesifo_wp808.pdf (дата обращения: 02.12.2024).

22. *De Bruhl M.* Firestorm: Allied airpower and the destruction of Dresden / by Marshall De Bruhl. N. Y., 2006.

23. *Der deutsch-russische Grenzvertrag* // Völkischer Beobachter, Wiener Ausgabe [Zeitung]. №11. 11. Januar 1941. URL: <https://alex.onb.ac.at/cgi-content/anno?aid=vob&datum=19410111&seite=2&zoom=33> (дата обращения: 01.12.2024).

24. *Der deutsch-sowjetische Freundschaftspakt* // Völkischer Beobachter, Wiener Ausgabe [Zeitung]. №273. 30. September 1939. URL: <https://alex.onb.ac.at/cgi-content/anno?aid=vob&datum=19390930&seite=2&zoom=33> (дата обращения: 30.11.2024).

25. *Der deutsch-sowjetische Grenz- und Freundschaftsvertrag.* Austausch der Ratifikationskurkunden in Berlin // Völkischer Beobachter, Wiener Ausgabe [Zeitung]. №349. 15. Dezember 1939. URL: <https://alex.onb.ac.at/cgi-content/anno?aid=vob&datum=19391215&seite=1&zoom=33> (дата обращения: 30.11.2024).

26. *Der deutsch-sowjetische Pakt vom Obersten Sowjet ratifiziert* // Völkischer Beobachter, Wiener Ausgabe [Zeitung]. №244. 1. September 1939. URL: <https://alex.onb.ac.at/cgi-content/anno?aid=vob&datum=19390901&seite=2&zoom=33> (дата обращения: 30.11.2024).

27. *Drogl R.* Aufruf des Vorsitzenden der Stadtverordnetenversammlung Cottbus, zum Gedenken an den 65. Jahrestag des Luftangriffs auf die Stadt Cottbus am 15. Februar 1945 // Amtsblatt für die Stadt Cottbus. URL: https://www.cottbus.de/files/storage/file/7d9b5c16-3626-4395-8785-058a4076cba7/Amtsblatt_01-2010.pdf (дата обращения: 04.12.2024).

28. *Vagts D.F.* International Law in the Third Reich // The American Journal of International Law. July, 1990. Vol. 84, №3. P. 661 – 704.

29. *Die Proklamation* des Führers an das deutsche Volk // Völkischer Beobachter, Wiener Ausgabe [Zeitung]. №774. 23. Juni 1941. URL: <https://alex.onb.ac.at/cgi-content/anno?aid=vob&datum=19410623&seite=1&zoom=33> (дата обращения: 02.12.2024).

30. *Dispute Concerning Coastal State Rights in the Black Sea, Sea of Azov, and Kerch Strait (Ukraine v. the Russian Federation)* // Permanent Court of Arbitration. URL: <https://pca-cpa.org/en/cases/149/> (дата обращения: 30.11.2024).

31. *Jacqueline C. Haiti leader makes case for reparations during UN appeal for help with gang violence* // Miami Herald. URL: <https://www.miamiherald.com/news/nation-world/world/americas/haiti/article293089364.html> (дата обращения: 30.11.2024).

32. *James L. Commonwealth leaders to defy UK on slavery reparations* // BBC. URL: <https://www.bbc.com/news/articles/cd6vy79p750o> (дата обращения: 30.11.2024).

33. *Kordt E. Post-war developments in Germany* // Pakistan Horizon. 1963. Vol. 16, №1. P. 22 – 32.

34. *Korovin E. The Second World War and International Law* // The American Journal of International Law. 1946. Vol. 40 (4). P. 742 – 755.

35. *Nichtangriffsvertrag* zwischen Deutschland und der Union der Sozialistischen Sowjetrepubliken // Völkischer Beobachter, Wiener Ausgabe [Zeitung]. №237. 1939. URL: <https://alex.onb.ac.at/cgi-content/anno?aid=vob&datum=19390825&seite=2&zoom=33> (дата обращения: 30.11.2024).

36. *Note des Auswärtigen Amtes an die Sowjetregierung* // Völkischer Beobachter, Wiener Ausgabe [Zeitung]. №774. 23. Juni 1941. URL: <https://alex.onb.ac.at/cgi-content/anno?aid=vob&datum=19410623&seite=3&zoom=33> (дата обращения: 30.11.2024).

37. *Poland and Germany: the feud at the heart of Europe* // Financial Times. URL: <https://www.ft.com/content/81825290-29a2-48b2-8e69-73e897d4fe9d> (дата обращения: 30.11.2024).

38. *Ritschl A., Vonyó T. The Roots of Economic Failure: What Explains East Germany's Falling behind between 1945 and 1950?* // European Review of Economic History. 2014. Vol. 18, №2. P. 166 – 184.

39. *Roberts A., Roller W. Feuersturm: Eine Geschichte des Zweiten Weltkriegs*. 1st ed. München, 2019.

40. *Sejm przyjął uchwałę ws. reparacji wojennych od Niemiec* // Gazeta Prawna. URL: https://www.gazetaprawna.pl/wiadomosci/kraj/artykuly/85372_80,reparacje-wojenne-od-niemiec-sejm-uchwala.html (дата обращения: 30.11.2024).

41. *Sitzung des internationalen militaergerichtshofs in Nuernberg, Deutschland*. Urteil. URL: <https://exhibits.stanford.edu/virtual-tribunals/catalog/rr367qx4566> (дата обращения: 03.12.2024).

42. *Venezuela to seek reparations from Spain's colonialism* // MercoPress. URL: <https://en.mercopress.com/2024/10/15/venezuela-to-seek-reparations-from-spain-colonialism> (дата обращения: 30.11.2024).

43. *Wines M. President rejects apology to Japan* // The New York Times. 1991. 2 December. P. 12. URL: <https://www.nytimes.com/1991/12/02/us/president-rejects-apology-to-japan.html> (дата обращения: 30.11.2024).

Об авторе

Григорий Николаевич Беспалько – асп., Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, Архангельск, Россия.

E-mail: krzdrfr@gmail.com

ORCID: 0009-0004-6742-6556

G. N. Bepalko

THE QUESTION OF THE LEGITIMACY
OF THE SOVIET OCCUPATION OF GERMANY (1945 – 1949)

Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov,
Arkhangelsk, Russia

Received 17 December 2024

Accepted 29 May 2025

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-3-5

64

To cite this article: Bepalko G. N., 2025, The question of the legitimacy of the Soviet occupation of Germany (1945–1949), *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №3. P. 54–64. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-3-5.

The tense geopolitical situation, the development of negationist tendencies, and the emergence over the past decade of numerous disputes regarding reparation claims by certain countries make it relevant to study, from a scholarly perspective, the legitimacy of the actions of individual states during specific historical periods. Given that the Russian Federation is the successor state to the Soviet Union, there arises a justified necessity to examine certain actions of the Soviet leadership and the conformity of the measures they adopted with international law of the corresponding period. By studying individual treaties concluded between the USSR and Germany in 1939–1941, analyzing the factual actions of the two powers in 1939–1945, other relevant circumstances, and the fundamental norms of international law of that period, and employing comparative and historical methods, the author addresses the issue of the legality of establishing Soviet occupation authorities on German territory after the end of the Great Patriotic War. The author demonstrates that the establishment of an occupation regime by the Soviet Union in Germany not only fully complied with contemporary international law, but also proved to be the only available means of compensating for the damage inflicted by the Third Reich on the Soviet republics during nearly four years of active hostilities.

Keywords: Treaty of Non-Aggression between Germany and the Union of Soviet Socialist Republics, Soviet Occupation Zone of Germany, Third Reich, Historical Revisionism

The author

Grigory N. Bepalko, PhD Student, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia.

E-mail: krzdrfr@gmail.com

ORCID: 0009-0004-6742-6556

Н. Г. Лузянин

**ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ФОРМЫ И УПРАВЛЕНИЕ ОБЪЕКТАМИ
ЛЕГКОПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА
КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В 1940–1970-х ГОДАХ**

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 17.12.2024 г.

Принята к публикации 02.07.2025 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-3-6

65

Для цитирования: Лузянин Н.Г. Организационные формы и управление объектами легкопромышленного производства Калининградской области в 1940–1970-х годах // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2025. №3. С. 65–81. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-3-6.

На основе материалов Государственного архива Калининградской области, в частности неопубликованных протоколов собраний, переписок по вопросам промышленности, справок и предложений отдела легкой и пищевой промышленности обкома КПСС, постановлений и распоряжений Калининградского совнархоза, решений Калининградского облисполкома исследованы история и развитие управления объектами советского легкопромышленного производства Калининградской области. Цель работы – проследить и оценить изменения, связанные с переподчинением предприятий легкой промышленности Калининградской области в 1940–1970-х гг. С учетом общесоюзных тенденций и реформ рассмотрен путь, пройденный легкой промышленностью края от образования региона и восстановления экономического потенциала новой советской области во второй половине 1940-х гг. до стабилизации управления данной отраслью в 1970-х гг. после целого периода экономических реформ. Выявлены документы, касающиеся создания и реформирования ведомств, которые контролировали местные объекты легкопромышленной специализации. На основе анализа полученных данных определены особенности и итоги переподчинения предприятий легкой промышленности Калининградской области. В частности, затронута проблема противоречивого взаимоотношения местных предприятий по производству товаров легкой промышленности с советом народного хозяйства Литовской ССР. Сделан вывод о том, что реорганизации управления легкой промышленности региона не прервали процесса развития данной отрасли Янтарного края.

Ключевые слова: Калининградская область, легкая промышленность, Литовский совет народного хозяйства, реформа Косыгина, экономическая реформа

Введение

При изучении промышленности Калининградской области советского периода авторы научных работ в большей степени отдавали предпочтение главным отраслям региона: машиностроительной, рыбной, янтарной.

В свою очередь, несмотря на доступность большого количества источников, научная разработка темы истории легкой промышленности области остается в тени. Пусть легкопромышленная отрасль Калининградской области и не была основной в экономике региона, она тем не менее играла немаловажную роль в удовлетворении потребностей местного населения в товарах народного потребления и обеспечивала работой определенную часть жителей данной территории.

Фрагментарные сведения и отдельные эпизоды об отрасли легкой промышленности Калининградского региона зафиксированы в публикациях научного жанра и краеведческой литературе прошлого века. Эта информация, интегрированная в общий контекст повествования о развитии Калининградской области, составляет лишь ограниченные данные для формирования контурных представлений об истории местного легкопромышленного производства.

В статье, которая является частью комплексного исследования истории легкой промышленности Калининградской области, рассмотрено, как на протяжении длительного времени менялось управление местными объектами легкопромышленного производства, и выявлены некоторые особенности таких изменений.

Основными источниками по теме данного исследования являются материалы, хранящиеся в Государственном архиве Калининградской области, в том числе постановления и распоряжения Совета министров РСФСР; различные документы местных партийных органов, в первую очередь Калининградского областного комитета КПСС (протоколы собраний, переписки по вопросам промышленности, справки и предложения отдела легкой и пищевой промышленности обкома КПСС); решения Калининградского облисполкома; приказы, постановления и распоряжения Калининградского совнархоза; акты передачи предприятий и организаций; перспективные планы управления легкой промышленности.

Молодая область

Как известно, новый этап в истории Калининградской области начался в результате решений, которые были приняты на Ялтинской и Потсдамской конференциях. После Второй мировой войны треть территории, ранее входившей в состав Восточной Пруссии, стала принадлежать СССР.

Гражданские органы власти были созданы здесь только весной — летом 1946 г. с образованием Кёнигсбергской (7 апреля), а затем Калининградской области (4 июля). До этого управление Кёнигсбергом и прилегающим районом осуществлялось чрезвычайными органами власти, в том числе военными комендатурами, которые первыми начали решать ключевые задачи по восстановлению региона.

После уничтожения в конце апреля 1945 г. остатков немецких войск в Пиллау (Балтийск) для нормализации обстановки в регионе советскими властями было принято решение в кратчайшие сроки восстановить и использовать промышленный потенциал данной территории.

В начале мая 1945 г. Военный совет 3-го Белорусского фронта учредил Временное управление по гражданским делам при комендатуре Кёнигсберга [9, д. 10, л. 7]. Одной из его задач было обследование производственных зданий и обеспечение пуска предприятий местной промышленности.

В результате деятельности, в том числе временных органов управления, началось постепенное возрождение экономики данного региона. Осуществлялся ремонт объектов местной промышленности, электрических и водоносных сетей, железнодорожных путей, открывались пошивочные, сапожные и иные мастерские [19, с. 446–447], что было важно для удовлетворения насущных потребностей населения. Эти действия приобрели еще большее значение в связи с началом массового заселения региона, отправной точкой для которого стало постановление Совета министров СССР от 9 июля 1946 г. №1522. Уже 23 августа 1946 г. на калининградскую землю из Брянской области прибыл первый эшелон переселенцев. Со временем численность населения региона становилась все больше, поэтому обеспечение новых жителей Калининградской области товарами народного потребления было серьезной и очень важной задачей.

Решение этой задачи осуществлялось двумя путями: во-первых, подвозом товаров в регион из других областей СССР, во-вторых, восстановлением имевшихся производственных объектов и, как итог, созданием собственной (местной) промышленной базы. В данной статье исследовано второе направление.

Изначально организация в Калининградской области объектов по изготовлению товаров легкой промышленности осуществлялась посредством двух форм, которые существовали в Советском Союзе повсеместно. Во-первых, на новой территории развивалась промысловая кооперация — создавались подконтрольные ей швейные, трикотажные, обувные артели. Во-вторых, в рамках местной отрасли промышленности появлялись отдельные легкопромышленные предприятия и объекты бытового обслуживания.

Местная промышленность

Будучи самостоятельной отраслью экономики СССР, местная промышленность состояла из малых и средних предприятий, продукция и услуги которых были предназначены в первую очередь для местного потребления. Она относилась к ведению министерств местной промышленности союзных республик (кроме предприятий республиканского подчинения), советов министров автономных республик и местных советов народных депутатов трудящихся [16]. В зависимости от формы подчинения промышленность разделялась на три группы: республиканскую, областную (краевую) и районную.

Именно к областной и районной группам относились первые легкопромышленные объекты Калининградской области, которые напрямую или, в случае районных промышленных предприятий, через рай-

онные исполнительные комитеты подчинялись единому управлению местной промышленности Калининградской области [6, д. 56, л. 1–3; д. 45, л. 1].

В соответствии с постановлением Совета министров СССР от 21 июня 1946 г. №1298, приказом управления по гражданским делам Калининградской области от 7 августа 1946 г. №315 единым органом управления был организован с 1 августа 1946 г. Калининградский областной отдел местной промышленности (облместпром) [6, д. 2, л. 1–3]. Он просуществовал до 13 августа 1954 г., после чего был преобразован в Калининградское областное управление местной промышленности, которое осуществляло свою деятельность до 26 марта 1959 г.

68

Десятого января 1955 г. на основании приказа министра местной промышленности РСФСР от 12 марта 1954 г. и распоряжения Калининградского облисполкома от 29 декабря 1954 г. при Калининградском областном управлении местной промышленности было организовано конструкторско-технологическое бюро. На него возлагались обязанности оказания технической помощи всем предприятиям местпрома: 1) разработка технической и технологической документации конструкторско-технического порядка на выпуск продукции предприятиями местпрома; 2) реконструкция действующих предприятий; 3) паспортизация оборудования; 4) проектно-сметные работы по капитальному строительству и ремонту промышленных зданий и сооружений [6, д. 58, л. 10].

Непосредственная организация объектов местной промышленности началась во второй половине 1946 г. К августу на базе имевшегося на местах промфонда планировалось создать райпромкомбинаты: в Рагнитском (ныне Неманский муниципальный округ (МО)), Лабиауском (Полесский МО), Хайнрихсвальдском (Славский МО), Кройцбургском (Багратионовский МО), Тапиауском (Гвардейский МО), Шталлупёненском (Нестеровский МО), Даркеменском (Озерский МО), Гумбинненском (Гусевский городской округ (ГО)) и Пилькалленском (Краснознаменский МО) районах [6, д. 2, л. 1]. Была обеспечена приемка соответствующих предприятий в систему облместпрома. Начали выполняться разработанные мероприятия по развитию местной промышленности в городах и районах области. В кратчайшие сроки производилась инвентаризация основных средств и материальных ценностей подведомственных предприятий для создания общей картины положения дел. На основе полученных данных составлялись вступительные балансы промышленных объектов и организаций. Начальниками управлений по гражданским делам городов и районов Калининградской области предоставлялись необходимые производственные, складские, конторские помещения, а также жилая площадь для размещения рабочих и служащих. Принимались и меры к укомплектованию предприятий местпрома рабочей силой за счет местного населения [6, д. 2, л. 1].

К 1947 г. удалось создать 16 промкомбинатов с 72 предприятиями и 13 артелей промкооперации с 68 объектами (мастерскими). Помимо этого в целом по области свою работу начали больше 100 бытовых мастерских [6, д. 4, л. 1]. К началу 1948 г. в области было организовано

16 предприятий областного, 82 предприятия районного подчинения и 192 мастерские по бытовому обслуживанию населения [8, оп. 7, д. 66, л. 12]. Немалая часть из них шла по пути развития швейного, трикотажного, кожевенно-обувного и галантерейного производства.

Однако Управление по гражданским делам Калининградской области отмечало недостаточные для выполнения намеченных планов темпы развертывания и восстановления промышленности, что требовало корректировки действий. В связи с этим облместпрому за 1947 г. необходимо было решить ряд новых задач. Во-первых, требовалось повысить темпы восстановления предприятий, производящих предметы широкого потребления. Во-вторых, активнее использовать местные виды сырья и отходов промышленности для выпуска товаров ширпотреба объектами местной промышленности и артелями промысловой кооперации. В-третьих, всемерно расширять товарооборот [6, д. 4, л. 1].

С 1947 по 1948 г. исполнение государственного плана дало возможность за довольно короткое время наладить работу промышленности области. В результате начала реализовываться главная цель государственного плана по преобразованию Калининградской области из потребляющей в производящую.

Основные восстановительные работы на предприятиях местной промышленности, включая объекты легкой промышленности, были завершены к 1950 г. [6, д. 13, л. 3]. Так, в Калининграде непосредственно облместпрому подчинялась созданная в 1947 г. швейно-трикотажная фабрика, с которой начался массовый выпуск различного бельевого и швейного трикотажа, предназначенного для взрослых и для детей [6, д. 26, л. 130]. В Черняховске к ведению областного отдела местной промышленности относился кожевенный завод, созданный 24 августа 1946 г. на базе частного кустарного немецкого предприятия [2].

Облместпрому подчинялся и ряд районных промышленных комбинатов (РПК), созданных на всей территории области, к примеру в Калининграде Московский РПК. Он был организован на основании решения исполнительного комитета Калининградского городского совета депутатов трудящихся от 30 января 1948 г. на базе мастерских бытового обслуживания Калининградского городского промышленного комбината (ГПК) [6, д. 7, л. 26]. В его состав входили, например, сапожная и портновская мастерские.

Таким образом, в первые послевоенные годы местная промышленность Калининградской области и ее предприятия развивались довольно быстрыми темпами. При этом в рамках данной отрасли происходило постепенное формирование системы управления объектами по производству легкопромышленных товаров и обслуживанию населения региона.

Промысловая кооперация

Темпы развития промысловой кооперации региона также были довольно высокими. Ее основной производственной формой были промысловые артели — добровольные объединения людей, образованные

с целью осуществления общей хозяйственной деятельности (выпуск различных предметов домашнего обихода; бытовое обслуживание населения, например ремонт одежды, обуви, а также их химчистка).

Создание артелей по производству товаров легкой промышленности объяснялось необходимостью оказать помощь местной промышленности в удовлетворении потребностей населения, а также выполнить государственный план по созданию сети объектов для оказания различных бытовых услуг местным жителям.

Организация артелей промысловой кооперации в Калининградской области началась в 1946 г. Первые артели были созданы в Калининграде, а затем они распространились практически по всей территории края.

Управление артелями промысловой кооперации осуществлялось через основной орган — Совет промысловой кооперации Калининградской области (Облпромсовет), до 1 сентября 1950 г. носивший название Управление промысловой кооперации Кёнигсбергской (Калининградской) области. Данный совет осуществлял руководство деятельностью артелей, оказывал им помощь в решении вопросов планирования, финансирования, снабжения сырьем и реализации продукции.

К 1950 г. в Калининградской области действовало уже более 20 артелей [12, д. 37], занимающихся производством товаров и оказанием услуг в сфере легкой промышленности, например артели «Швейник», «Труд», «Труд инвалида» (Калининград); «Звезда» (Черняховск); «Победа» (Советск); «Универсал» (Зеленоградск), «Искра» (Багратионовск); «Смычка» (Правдинск); «Прогресс» (Гвардейск) [12, д. 37, л. 113–151; д. 12, л. 13; д. 125, л. 99].

Безусловно, швейные, обувные и галантерейные артели стали первыми, кто на местах удовлетворял разносторонние потребности населения области с конца 1940-х по конец 1950-х гг., до образования основных легкопромышленных фабрик. Однако их дальнейшая судьба была решена в ходе общесоюзных преобразований.

Центральным комитетом КПСС совместно с Советом министров СССР в 1956 г. (14 апреля) было принято совместное постановление «О реорганизации промысловой кооперации», в соответствии с которым в 1956–1960 гг. остававшиеся в действии артели были переданы государственным предприятиям. В свою очередь, сам Совет промысловой кооперации Калининградской области был ликвидирован в 1960 г. в связи с упразднением всей промысловой кооперации.

Новый этап развития

Процесс образования в регионе комплекса объектов легкой промышленности находился под влиянием общесоюзных тенденций в развитии экономики. Речь идет именно о преобразованиях, связанных со сменой органов управления и ведомственного контроля. Они сопровождались переподчинением соответствующих предприятий, изменением приоритетов, а также подготовкой значительного количества сопутствующей производственной и отчетной документации. Такая, по

сути, ненужная бюрократическая деятельность отвлекала руководство предприятий от первостепенных задач и отчасти негативно влияла на стабильность производства.

Началом преобразований можно считать рубеж 1950–1960-х гг., когда в СССР шел активный поиск оптимальных форм управления народным хозяйством страны. Конкретной попыткой улучшения управления экономикой с целью децентрализации системы управления производством, для стимулирования его роста, улучшения качества продукции, оптимизации распределения ресурсов и снижения затрат на ремонт техники [27] стала перестройка руководства промышленностью по территориальному принципу путем создания в основных экономических административных районах советов народного хозяйства (СНХ).

В результате в Калининградской области постановлением Совета министров РСФСР от 1 июня 1957 г. №395 был образован Совет народного хозяйства Калининградского административного района [18, с. 37]. Данный орган, созданный для административно-хозяйственного руководства отраслевыми управлениями, со временем объединил под своим контролем разноплановые области промышленности, в том числе объекты легкоотраслевого производства.

Далее в этом направлении изменения продолжились через несколько лет, и важную роль в этом сыграло постановление Совета народного хозяйства Калининградского экономического административного района №347 от 2 ноября 1960 г. Согласно ему, в соответствии с постановлением Совета министров РСФСР от 22 октября 1960 г. №1580 «О передаче совнархозам предприятий промышленности местного подчинения» [11, д. 234, л. 6–7] советом народного хозяйства было вынесено распоряжение, по которому начальники соответствующих управлений: машиностроительной, целлюлозно-бумажной и пищевой промышленности – должны были принять предприятия промышленности местного подчинения в срок до 15 ноября 1960 г. Приемка таких предприятий производилась по состоянию на 1 октября 1960 г. и осуществлялась согласно порядку, установленному постановлением Совета министров РСФСР от 8 июня 1957 г. №585 «О мероприятиях, связанных с исполнением закона “О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством РСФСР”» [26, с. 312–313].

Среди предприятий местного подчинения, передаваемых управлениям и трестам совнархоза, был и ряд объектов, специализировавшихся на выпуске товаров легкой промышленности. В результате преобразований они оказались в ведении Управления пищевой промышленности Калининградского совнархоза. К таковым на тот момент относились швейная фабрика города Калининграда, Калининградская трикотажная фабрика и кожевенный завод города Черняховска [13, л. 1–2]. Подтверждение этому можно найти в материалах приказа по Управлению пищевой промышленности Калининградского совнархоза №220а от 4 ноября 1960 г. [7, л. 195–196а], в котором указаны конкретные сроки приемки данных предприятий.

Помимо этого из приказа № 227 от 2 декабря 1960 г. по Управлению пищевой промышленности Калининградского совнархоза следует, что во исполнение распоряжения СНХ Калининградского экономического административного района от 29 ноября 1960 г. № 1061-р образованная в октябре 1960 г. Калининградская галантерейная фабрика (бывшая артель «Ильича») также была передана Управлению пищевой промышленности от Управления целлюлозно-бумажной промышленности [7, л. 206]. Приемка производилась по состоянию на 1 ноября 1960 г. в порядке, установленном Постановлением ЦИК и СНК СССР от 29 апреля 1935 г. и постановлением СНК СССР от 15 февраля 1936 г. «О передаче промышленных предприятий».

В связи с такой передачей практически сразу возникла проблема управления: за исключением принадлежности фабрик к промышленной группе «Б» предприятия легкопромышленного производства не имели никакого отношения к пищевой отрасли промышленности. Это были два разных направления производства, которые работали неодинаково и испытывали различные потребности, в том числе разный подход к их руководству.

По итогу начали возникать конфликтные ситуации. Стало очевидно, что такие предприятия необходимо было вывести из подчинения Управления пищевой промышленности.

Сложившаяся проблема была решена формально. Из постановления СНХ Калининградского экономического административного района РСФСР № 376 от 3 декабря 1960 г. [11, д. 259, л. 110–112] следует, что во исполнение распоряжения Совета министров РСФСР от 29 ноября 1960 г. № 7454-р [11, д. 235, л. 77] в составе аппарата Калининградского совнархоза было организовано новое Управление пищевой и легкой промышленности на хозяйственном расчете. В свою очередь, Управление пищевой промышленности упразднили [13, л. 4].

После таких изменений все обозначенные легкопромышленные предприятия, включая новообразованные (Калининградская швейная фабрика № 1 (бывшая артель «Швейник»), Калининградская швейная фабрика № 2) были переподчинены новому управлению [13, л. 6–7].

Помимо этого в связи с передачей в ведение совнархоза предприятий Управления местной промышленности под его контроль были переданы и объекты бытового обслуживания населения Калининградского облисполкома, а также предприятия упраздненной к этому времени промысловой кооперации Калининградской области, в том числе и все легкопромышленные артели.

Однако на этом преобразования в управлении предприятиями легкопромышленного комплекса Калининградской области не закончились.

Под руководством Литовского совета народного хозяйства

Короткий период децентрализации в первые годы общесоюзной реформы, направленной на ломку устоявшейся жестко централизованной отраслевой системы управления, привел к разрушению единой технической политики и дезинтеграции экономических связей всей промышленности [23].

В результате в целях расширения и улучшения экономических связей предприятий в конце 1962 г. высшим руководством страны была предпринята попытка исправить ситуацию через увеличение размеров совнархозов — их укрупнение [17, с. 341—342] — и объединение административных экономических районов [14, с. 185—186]. Соответственно, часть существовавших территориальных объединений вследствие новых изменений была устранена [17, с. 341].

Безусловно, такое решение было активно поддержано и партийными структурами Калининградской области [5, оп. 39, д. 34, л. 3—4]. По итогу уже в январе 1963 г. произошло объединение Калининградского и Литовского совнархозов под эгидой последнего.

Особенностью нового процесса преобразований в управлении стало то, что все производственные объекты, которые были переведены под контроль Литовского совнархоза, сразу же попали в исключительно жесткие условия. К примеру, переподчинение всех предприятий, в том числе формирующихся, происходило в крайне сжатые сроки, что порождало свои проблемы.

Высшим советом народного хозяйства (ВСНХ) РСФСР 19 января 1963 г. было выпущено распоряжение №145 [11, д. 492, л. 323—329]. Согласно документу, ВСНХ обязывал все соответствующие управления подготовить к 1 февраля 1963 г. необходимые материалы для передачи в установленном порядке Совету народного хозяйства Литовской ССР предприятий и организаций, находившихся в ведении Калининградского совнархоза.

В результате 5 февраля 1963 г. был подписан акт передачи предприятий и организаций, находящихся в ведении Калининградского совнархоза, совнархозу Литовской ССР [11, д. 492, л. 2—3]. Согласно этому акту в соответствии с постановлениями Совета министров СССР от 10 января 1963 г. №27, Совета министров РСФСР от 15 января 1963 г. №67 [21] и Совета министров Литовской ССР от 17 января 1963 г. №36 ВСНХ передал, а СНХ Литовской ССР принял хозяйственное руководство предприятиями, организациями и учреждениями, которые находились в ведении Калининградского совнархоза. Процесс приема соответствующих объектов был осуществлен по состоянию на 1 января 1963 г. При этом учитывались и передавались все активы и пассивы, производственные, подсобные, административные, учебные и жилые здания, а также строящиеся объекты и договоры на арендуемые помещения. Под контроль Литовского совнархоза переходили и соответствующие детские учреждения, автомобильный и другой транспорт, различные сооружения и оборудование, хозяйственный инвентарь.

В ведение Литовского СНХ перешли:

- 1) Калининградская трикотажная фабрика;
- 2) Калининградская галантерейная фабрика;
- 3) Калининградская швейная фабрика №1;
- 4) Калининградская швейная фабрика №2;
- 5) Калининградская обувная фабрика;

- 6) Зеленоградская фабрика щеточных изделий;
- 7) Черняховский кожевенный завод.
- 8) Советская ковровая фабрика. [11, д. 492, л. 9–13]

Пребывание предприятий легкой промышленности Калининградской области под контролем совнархоза Литовской ССР не было самым простым периодом [5, оп. 36, д. 81, л. 74–75; оп. 39, д. 96, л. 6–7; л. 75–80; оп. 42, д. 42, л. 6–16].

Само появление дополнительных (промежуточных) уровней управления в виде республиканских и союзных советов народного хозяйства, а также отраслевых государственных комитетов не смогло устранить коренных недостатков существовавшей системы управления, а наоборот, создавало ряд новых негативных моментов. Кроме того, непосредственная отдаленность СНХ Литвы от легкопромышленных объектов региона еще больше усугубляла сложившееся положение и серьезно затрудняла их взаимодействие [5, оп. 43, д. 35, л. 34–49].

С другой стороны, некоторые трудности были связаны с недостатками самой реформы. К примеру, промышленные предприятия, оставаясь в подчинении территориальных органов, в новых условиях оказались оторванными от научно-исследовательских, конструкторских и проектных организаций, которые продолжали находиться в ведении отраслевых органов управления.

Помимо этого путаница в управлении промышленностью Калининградской области была связана и с тем, что предприятия региона по итогу оказались подчинены сразу двум республиканским (РСФСР и ЛитССР) и нескольким союзным министерствам и ведомствам [5, оп. 43, д. 35, л. 4]. Сложившаяся система управления отраслями не единожды создавала проблемы в планировании всего народного хозяйства области. Такая ситуация периодически мешала правильно учитывать местные условия, занятость трудовых ресурсов, нужды жилищно-коммунального и городского хозяйства.

Однако развитие легкой отрасли промышленности Янтарного края даже из-за таких трудностей не останавливалось и взаимодействие по линии «совнархоз – предприятие» все-таки осуществлялось. В частности, в марте 1964 г. СНХ Литовской ССР сообщал, что промышленность Калининградской области развивалась «высокими» темпами и обеспечила за 5 лет семилетки рост выпуска валовой продукции в легкой промышленности в 1,6 раза [5, оп. 42, д. 42, л. 6].

«Незамерзающий порт, удобные развитые пути сообщения, хорошая обеспеченность электроэнергией, наличие строительных площадок и свободных трудовых ресурсов, теплый приморский климат и благоприятные условия жизни населения предопределяют экономическую целесообразность сохранения сложившихся высоких темпов развития народного хозяйства области путем увеличения производства всех отраслей, в том числе и легкой» [5, оп. 42, д. 42, л. 6].

Очевидно, что Литовский совет народного хозяйства не имел возможности игнорировать необходимость дальнейшего развития промышленности Калининградской области. С этой целью совнархозом были обозначены основные направления деятельности.

Во-первых, требовалось реконструировать предприятия с целью увеличения объема производства наиболее важных для народного хозяйства страны видов продукции. Во-вторых, было необходимо повысить рентабельности работы предприятий путем комплексной переработки сырья и преодоления имевшихся производственных диспропорций. В-третьих, важным было строительство новых заводов и фабрик для переработки местных сырьевых и материальных ресурсов, а также для изготовления трудоемких изделий, не требующих больших поставок материалов, с целью обеспечения занятости городского населения области [5, оп. 42, д. 42, л. 6].

Стоит отметить, что часть намеченных задач по развитию промышленности региона начали реализовывать практически сразу. В Советске было организовано новое производство по выпуску чулочно-носочных изделий, в Гусеве и Гвардейске на базе имевшихся производственных площадей велась подготовка по организации трикотажных фабрик [5, оп. 42, д. 42, л. 16].

С другими планами СНХ возникли временные трудности («...сроки сдачи объектов срываются... медлительность и отставание фиксируется повсюду... на пусковых предприятиях имеется множество проблем, дефектов, недоделок, что длительное время не позволяет начать эксплуатацию» [5, оп. 43, д. 9, л. 80–82]).

К решению третьей части предусмотренных мероприятий и вовсе не приступили [5, оп. 45, д. 12, л. 69–70; оп. 47, д. 36, л. 38–41]. К примеру, запланированные комбинат шелковых тканей и завод вискозного волокна города Советска так и остались «грандиозными планами» совнархоза.

Таким образом, несмотря на то что Литовским советом народного хозяйства в целом были определены приоритетные направления развития промышленности Калининградской области, реализация ряда задач оказалась затруднена вследствие возникновения различных проблем, в том числе не зависящих от СНХ.

Со временем системные проблемы, невольно заложенные общесоюзными реформами в преобразованную структуру управления промышленностью, стали обостряться. К середине 1960-х гг. значительно усилилось отклонение от изначальной программы в сторону централизованного отраслевого управления экономикой [14, с. 198]. Данный процесс, сопровождаемый неконтролируемым увеличением бюрократического аппарата [4, с. 235], привел к явной деградации территориальной системы управления. Ее преобразование в территориально-отраслевую лишь усугубило ситуацию [14, с. 201–204]. Очевидным стало, что совнархозы оказались бессильными в решении ряда экономических проблем.

На Пленуме ЦК КПСС 27 сентября 1965 г. председатель Совета министров СССР А.Н. Косыгин не только отметил упущения прошлых лет, но и предложил конкретный план действий. Например, Алексей Николаевич выступил за то, чтобы восстановить отраслевой принцип управления промышленностью, развивать отраслевые объединения на

хозрасчетной основе, образовать промышленные министерства, в частности союзно-республиканские, обладающие всеми полномочиями по управлению производственными отраслями и несущие полную ответственность за их развитие [17, с. 341–355]. Косыгин отмечал необходимость расширения хозяйственных прав и инициативы предприятий, особенно в легкой и пищевой промышленности. Помимо этого он подчеркивал важность развития экономических методов руководства отраслями для оказания реальной помощи предприятиям и объединениям в улучшении их работы [17, с. 347].

Общий итог подвел Пленум ЦК КПСС 29 сентября 1965 г., на котором были отмечены многие негативные стороны существовавшей организационной структуры управления промышленностью, а также изъяны в руководстве отраслями и предприятиями [24, с. 640–645]. В результате было установлено, что реформирование не смогло разрешить основное противоречие между устоявшейся вертикальной интеграцией производства в промышленных отраслях и попыткой управления отраслями по территориальному принципу [3, с. 484].

Когда встал вопрос об общей ликвидации совнархозов, отказе от территориальной системы управления промышленностью и окончательном переходе, а точнее, о возвращении к отраслевому принципу управления промышленностью, структура управления и контроль над легкопромышленным комплексом предприятий Калининградской области вновь поменялись [5, оп. 43, д. 1, л. 44–78; д. 35, л. 4, 34–49]. Созданные экономические районы были упразднены; вместе с ними были ликвидированы советы народного хозяйства всех уровней и восстановлены промышленные министерства.

На заседании Калининградского обкома КПСС, где рассматривались итоги сентябрьского Пленума ЦК КПСС, все выступления и принятые решения находились в русле общесоюзных позиций [5, оп. 43, д. 1, л. 44–78; д. 35, л. 4]. На местном уровне сразу же были найдены и обозначены все недочеты и недостатки, упущения и проблемы системы управления промышленностью. Литовскому СНХ были предъявлены обвинения, в том числе и преувеличенные.

Сам процесс упразднения экономических районов, а вместе с ними ликвидация СНХ и восстановление промышленных министерств начался 12 октября 1965 г. Это связано в первую очередь с вышедшим постановлением Совета министров СССР №755 «О вопросах, связанных с образованием общесоюзных и союзно-республиканских министерств» [18, с. 37]. Важно отметить, что обратная передача предприятий и организаций в регионе происходила во многом аналогично процедуре 1963 г. [5, оп. 43, д. 35, л. 34–49].

Оптимизация управления

Во исполнение постановления Совета министров РСФСР от 31 декабря 1965 г. №1488 [8, оп. 8, д. 1823, л. 26–30; 22], с целью руководства производственными предприятиями легкой промышленности Кали-

нинградским облисполкомом 22 января 1966 г. было принято решение организовать Калининградское областное управление легкой промышленности. Управление стало подчиняться Калининградскому облисполкому и Министерству легкой промышленности РСФСР [8, оп. 8, д. 1823, л. 26–29; 22].

В состав новообразованного управления вошли 10 предприятий (добавились созданные в период Литовского совнархоза трикотажная фабрика «Чайка» в Гусеве и чулочная «Дружба» в Советске) [8, оп. 8, д. 1823, л. 26–29].

Преобразования в некоторой степени расширяли самостоятельность [15, с. 129] предприятий, давая им право распоряжаться своей прибылью [8, оп. 8, д. 1823, л. 26–30; 24, с. 661–667]. Это стало весьма полезным для областных предприятий легкой промышленности и решения проблем их развития [5, оп. 43, д. 1, л. 44–53], поскольку государственного финансирования с учетом приоритета «группы А» промышленности фабрикам отрасли не хватало.

Однако на этом совершенствование системы контроля и руководства легкой промышленностью региона полностью не остановилось. К началу 1970-х гг. существовавшие в стране новые хозяйственные механизмы и на вид рыночные элементы [25, с. 312] управления производством были снова полностью подавлены командно-административной системой [25, с. 317–318]. Это привело к тому, что реформирование свернули, а советская экономика снова перешла к жесткому директивному планированию. Развитие легкой отрасли промышленности в целом стало проходить под лозунгом резкого усиления централизованного управления, роста роли центра в жизни общества и ограничения экономической власти республик и местных советов. В связи с этим в первой половине 1970-х гг. была проведена очередная реорганизация органов управления промышленностью, в результате которой создавались производственные объединения [15, с. 130; 1, с. 327; 20].

Как и по всему Советскому Союзу, в Калининградской области новые преобразования должны были решить проблему многоступенчатости подчинения промышленных предприятий. К началу 1970-х гг. все производственные объекты области контролировались в общей сложности 32 союзными и республиканскими министерствами. Из-за этого ряд фабрик и заводов региона подчинялся управляющим органам по трех-четырёхзвенной системе, что приводило к дублированию в руководстве производством, значительному росту административного аппарата, отрицательному воздействию на развитие отраслей и предприятий, а также ухудшению их технико-экономических показателей [5, оп. 59, д. 64, л. 34–35].

Из материалов Калининградского областного комитета КПСС (Справки и информации по выполнению постановлений партийных и советских органов, о реализации критических замечаний, высказанных на пленумах обкома КПСС по вопросам промышленности, транспорта, связи и др.) следует, что в результате начатых изменений, а также ряда

соответствующих мер только за 1971–1972 гг. затраты на содержание административно-управленческого персонала в народном хозяйстве области снизились на 5,5 млн руб. [5, оп. 59, д. 64, л. 34]. К примеру, проводились мероприятия по специализации и конкретизации производства предприятий на выпуск конкретной продукции или определенной группы товаров (верхний трикотаж, чулочно-носочные изделия и т.д.). Рассматривались возможности укрупнения объектов промышленности – объединения разрозненных производств или низкорентабельных предприятий. Предпринимались шаги, направленные на развитие механизации и автоматизации инженерного и управленческого труда. Однако суть проблемы – многоступенчатость в структуре управления промышленностью – оставалась нерешенной, на что в 1973 г. обращал свое внимание обком КПСС [5, оп. 59, д. 64, л. 34–39].

В этот же год промышленными отделами обкома партии были проанализированы предложения партийных и хозяйственных органов по дальнейшему совершенствованию управления промышленностью области. По итогу обсуждалась возможность «преобразовать управление легкой промышленности в многоотраслевое производственное объединение» [5, оп. 59, д. 64, л. 38; 20]. В составе этого объединения предполагалось провести укрупнение швейных, трикотажных и кожевенно-обувных предприятий. Однако реальных изменений на тот момент так и не последовало.

Лишь в декабре 1975 г. с целью улучшения структуры управления и сокращения количества звеньев, на основании постановления Совета министров РСФСР от 22 декабря 1975 г. №672 Калининградское областное управление легкой промышленности было преобразовано в Калининградское объединение легкой промышленности – Калининградлегпром. Новый орган управления находился в непосредственном подчинении Министерству легкой промышленности РСФСР [8, оп. 11, д. 540; 10, оп. 1, д. 260, л. 1], что облегчало их взаимодействие.

Проведенные преобразования оказали положительное влияние на деятельность предприятий. Так, указанные меры частично способствовали увеличению объема выпускаемой продукции в 1,7 раза по сравнению с 1970 г. [5, оп. 63, д. 61, л. 61–62].

К 1975 г. в регионе без учета филиалов действовали 11 предприятий отрасли легкой промышленности. Из них в Калининграде производственной деятельностью по данному отраслевому направлению занимались 5 фабрик, в Советске – 2 предприятия, в Черняховске, Гусеве, Гвардейске и Зеленоградске – по 1.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод о том, что советская легкая промышленность Калининградской области прошла непростой путь развития. Начав свое становление во второй половине 1940-х гг. с создания небольших местных артелей и фабрик, легкая промышленность

региона вскоре столкнулась с различными трудностями. Так, формирование данной отрасли осложнялось процессами, которые были связаны с переподчинением промышленных предприятий различным структурам и управлениям. Вследствие этого росла бумажная волокита, нередко появлялась путаница в руководстве, а действительные нужды конкретных предприятий зачастую игнорировались. Однако благодаря постепенному решению многих проблем, а также последовательному наращиванию числа промышленных объектов и их всестороннему совершенствованию к 1970-м гг. легкая промышленность смогла развиваться до самостоятельной отрасли промышленности региона.

Бесспорно, важную роль в становлении легкопромышленных фабрик, а также в процессе поступательного развития самой отрасли сыграли общесоюзные реформы, направленные на поиск лучшего экономического пути развития СССР. Изменения структуры управления и преобразование органов руководства легкой промышленности, а также иные сопутствующие меры, вводимые реформами обозначенного периода, оказали разноплановое влияние на работу всех легкопромышленных предприятий края.

Для Калининградской области и ее промышленности ощутимый вклад внес Литовский совет народного хозяйства. Данный орган управления недолгий период (около трех лет) контролировал соответствующие отрасли и фабрики региона. Однако за отведенное время ему удалось нарастить в области число производственных предприятий, в частности легкопромышленных объектов. СНХ Литвы успел преступить к частичной специализации калининградских фабрик на выпуск конкретных товаров. Но в то же время совнархоз так и не сумел реализовать многие намеченные планы.

В итоге относительная стабильность в управлении предприятиями легкой промышленности наступила в середине 1960-х гг. с образованием Калининградского областного управления легкой промышленности и передачей в его ведение всех предприятий легкой промышленности региона.

Список источников и литературы

1. Белоусов Р.А. Исторический опыт планового управления экономикой в СССР. М., 1987.
2. Большой энциклопедический словарь Калининградской области / ред. В.Н. Маслов. Калининград, 2011. С. 178–179.
3. Боффа Дж. История Советского Союза: От Отечественной войны до положения второй мировой державы. Сталин и Хрущев. 1941–1964 гг. М., 1990. Т. 2.
4. Веденеев Ю.А. Организационные реформы государственного управления промышленностью СССР. М., 1984.
5. Государственный архив Калининградской области (далее – ГАКО). Ф. П-1. Калининградский областной комитет Коммунистической партии Советского Союза.
6. ГАКО. Ф. Р-249. Калининградское областное управление местной промышленности. Оп. 4.

7. ГАКО. Ф. Р-28. Управление пищевой и легкой промышленности Калининградского совнархоза. Оп. 1. Д. 95.
8. ГАКО. Ф. Р-297. Калининградский областной Совет народных депутатов и его исполком.
9. ГАКО. Ф. Р-330. Временное управление по гражданским делам при военной комендатуре города и крепости Кенигсберг. Оп. 2.
10. ГАКО. Ф. Р-398. Коммерческий центр «Калининградлегпром». Оп. 1.
11. ГАКО. Ф. Р-47. Совет народного хозяйства Калининградского экономического административного района. Оп. 2.
12. ГАКО. Ф. Р-519. Совет промысловой кооперации Калининградской области. Оп. 3.
13. ГАКО. Ф. Р-967. Калининградская трикотажная фабрика. Оп. 1. Д. 76.
14. Демичев Е. В. Реформа управления промышленностью и строительством 1957–1965 гг. в контексте специфики отечественной истории. М., 2011.
15. Захаров В. Ф. Калининградский эксклав: прошлое и настоящее. Калининград, 2012.
16. Корзун Л. И. Местная промышленность // БСЭ : в 30 т. / гл. ред. А. М. Прохоров. М., 1974. Т. 16. С. 106–107.
17. Косыгин А. Н. К великой цели: Избранные речи и статьи : в 2 т. М., 1979. Т. 1.
18. Кретинин Г. В. В составе Литовского совнархоза // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2006. Вып. 6. С. 36–46.
19. Очерки истории Восточной Пруссии / Кретинин Г. В. [и др.]. Калининград, 2002.
20. О схеме управления легкой промышленностью РСФСР : постановление Совета Министров РСФСР от 13.05.1975 № 305. URL: <https://www.lawmix.ru/zakonodatelstvo/2585691> (дата обращения: 04.09.2024).
21. О передаче предприятий и организаций, находившихся в ведении Калининградского совнархоза, совету народного хозяйства Литовской ССР : постановление Совета Министров РСФСР от 15.01.1963 № 67. URL: <https://www.lawmix.ru/zakonodatelstvo/2590126> (дата обращения: 04.09.2024).
22. О частичном изменении структуры и штатной численности работников аппарата органов государственного управления автономных республик, краев и областей : постановление Совета Министров РСФСР от 31.12.1965 № 1488. URL: <https://www.lawmix.ru/zakonodatelstvo/2586792> (дата обращения: 04.09.2024).
23. Пыжиков А. В. Хрущевская «Оттепель»: 1953–1964. М., 2002.
24. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам : сб. док. за 50 лет. Т. 5: 1962–1965 гг. М., 1968.
25. Ханин Г. И. Экономика СССР в конце 30-х годов – 1987 год // Экономическая история России в новейшее время. Новосибирск, 2008. Т. 1. С. 310–323.
26. Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР / ред. А. А. Липатов. М., 1959. Т. 6.
27. Об улучшении управления промышленностью : постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР от 30 сентября 1965 № 728. URL: <https://docs.cntd.ru/document/765712321?> (дата обращения: 04.09.2024).

Об авторе

Никита Германович Лузянин – асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: n-luzyanin@mail.ru

SPIN-код: 2793-0547

N. G. Luzyanin

**ORGANISATIONAL FORMS AND MANAGEMENT
OF LIGHT INDUSTRIAL ENTERPRISES
IN THE KALININGRAD REGION IN THE 1940s – 1970s**

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 17 December 2024

Accepted 02 July 2025

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-3-6

To cite this article: Luzyanin N.G., 2025, Organisational forms and management of light industrial enterprises in the Kaliningrad region in the 1940s – 1970s, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №3. P. 65 – 81. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-3-6.

81

Based on materials from the State Archive of the Kaliningrad Region, in particular unpublished meeting protocols, correspondence on industrial issues, reports and proposals of the Department of Light and Food Industry of the Regional Committee of the CPSU, decrees and directives of the Kaliningrad Council of National Economy, and decisions of the Kaliningrad Regional Executive Committee, the article examines the history and development of the management of Soviet light industry enterprises in the Kaliningrad Region. The purpose of the study is to trace and assess the changes associated with the subordination of light industry enterprises in the Kaliningrad Region in the 1940s – 1970s. Taking into account nationwide trends and reforms, the trajectory of light industry in the region is considered, from the formation of the region and the restoration of the economic potential of the new Soviet oblast in the second half of the 1940s to the stabilization of the administration of this sector in the 1970s after a series of economic reforms. Documents concerning the establishment and reorganization of agencies that controlled local light industry facilities were identified. On the basis of the analysis of the collected data, the specific features and outcomes of the subordination of light industry enterprises in the Kaliningrad Region were determined. In particular, the problem of the contradictory relationship between local light industry enterprises and the Council of National Economy of the Lithuanian SSR is addressed. It is concluded that the reorganizations of light industry administration in the region did not interrupt the development of this sector in the Amber Region.

Keywords: Kaliningrad region, light industry, Lithuanian council of national Economy, Kosygin reform, economic reform

The author

Nikita G. Luzyanin, PhD Student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: n-luzyanin@mail.ru

SPIN-код: 2793-0547

УДК 327+351.86(549.1)

А. Н. Махлаюк

**РАЗВИТИЕ ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА
ПАКИСТАНА В XXI ВЕКЕ КАК ЭЛЕМЕНТА
НАЦИОНАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ СТРАТЕГИИ**

82

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Поступила в редакцию 17.04.2025 г.

Принята к публикации 14.07.2025 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-3-7

Для цитирования: Махлаюк А.Н. Развитие военно-промышленного комплекса Пакистана в XXI веке как элемента национальной военной стратегии // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2025. № 3. С. 82–95. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-3-7.

Рассматриваются особенности стратегического планирования в сфере военно-промышленного комплекса Исламской Республики Пакистан. Цель исследования заключается в выявлении основных тенденций развития оборонной промышленности страны, ее проблем и перспектив. Для всестороннего рассмотрения данной проблемы применяется контент-анализ ключевых концептуально-правовых документов, а также гипотеза А.М. Феволдена и К. Тветбротена об эффективности имплементации подобных новаций. Кроме того, изучаются некоторые результаты имплементации практических мер в этом направлении за последние 7–10 лет. Автор приходит к выводу, что Пакистан обращается к сбалансированной политике в сфере военно-промышленного комплекса в условиях политико-экономической нестабильности и проблем, связанных с разработкой собственных образцов вооружений. Кроме того, выявлено, что руководство страны обращается к комплексному подходу, подчеркивающему необходимость наращивания международных контактов для обеспечения трансфера технологий, интеграции частного сектора и повышения финансово-экономической стабильности предприятий.

Ключевые слова: Пакистан, военно-промышленный комплекс, национальная военная стратегия, оборонное планирование

Введение

Развитие собственного военно-промышленного комплекса (ВПК) стало одной из приоритетных задач руководства Исламской Республики Пакистан в XXI в. Широкий спектр угроз безопасности, возможность получения иностранной валюты за счет экспорта вооружений и воен-

ной техники (ВиВТ), а также воплощение идей о достижении технологического суверенитета в значительной степени влияют на данные устремления. Очевидно, что для реализации подобных задач любому государству необходимо провести комплексную работу по разработке стратегии, которая бы определяла основные векторы развития отрасли, принципы политики оборонных закупок, участия частного сектора и т. д. Пакистан не стал исключением, поэтому в последние годы соответствующие подразделения Министерства обороны и правительства активно изучают перспективы развития ВПК и формулируют их в различных концептуально-правовых документах.

В Пакистане на текущий момент отсутствует общедоступный всеобъемлющий документ стратегического характера (по аналогии с Национальной военной стратегией США или «Белыми книгами» КНР, публикуемыми Министерством национальной обороны), где формулируются сугубо военные стратегические цели государства, а также утверждаются основные шаги по их достижению, включая технологический аспект. Стратегическое видение в пакистанских реалиях оказывается разрознено по многочисленным доктринальным, институциональным и служебным публикациям — некоторые из них недоступны стороннему наблюдателю, некоторые частично опубликованы, при этом каждая из них отражает отдельные сферы развивающейся военной стратегии.

Исследование ВПК Пакистана в подобном ключе представляется актуальным в силу практически полного отсутствия в научном поле работ, в которых бы анализировался и оценивался подход руководства страны к стратегии развития данной отрасли через призму официальных документов. Как в России, так и за рубежом (преимущественно в Индии и Пакистане) основной акцент при изучении стратегического видения пакистанских ВС делается скорее на доктринах потенциального применения ядерного оружия [2], тогда как развитие ВПК, производство и применение конвенциональных вооружений отходят скорее на второй план в исследованиях.

Методы и материалы

Для наиболее комплексного анализа процессов, учитывая взаимовлияние военно-промышленного комплекса и обширного круга вопросов политического, экономического и военно-технического характера, автор предлагает использовать термин «национальная военная стратегия» (НВС) применительно к пакистанскому контексту. Использование термина «стратегия» позволяет обратиться к изучению как общего замысла и целей, поставленных правительством, так и конкретных отдельных документов, регламентирующих практические шаги для достижения указанных целей [3, с. 60].

Под термином «национальная военная стратегия», в свою очередь, следует понимать набор концепций и соответствующих документов, в

своей совокупности определяющих стратегические императивы вооруженных сил страны, которые при этом затрагивают все сферы их деятельности: от практико-экономической (расходы бюджета, развитие ВПК, приобретение новых образцов ВиВТ и т.д.) до концептуальной (восприятие внутренних и внешних угроз, стратегии потенциального применения ядерного оружия и т.д.). Подобная трактовка термина позволит получить наиболее полную картину развития стратегической мысли применительно к ВС в Пакистане на современном этапе путем изучения ее отдельных составляющих во взаимосвязи с другими элементами, а также во взаимосвязи концептуального и практического уровней.

ВПК являются неотъемлемой частью НВС, поскольку он, во-первых, составляет ее материально-техническую основу: ВС страны не могут функционировать без материально-технического обеспечения, а во-вторых, находится на стыке видения национальной безопасности, экономики и технологий. НВС не может быть воплощена без видения материально-технического компонента ВС, без оценки необходимых средств для противодействия потенциальным рискам, а также без выделения перспективных технологий.

Кроме того, с целью более детального анализа потенциальной эффективности мер, разрабатываемых правительством Пакистана и, в частности, Министерством обороны в отношении развития ВПК предлагается обратиться к гипотезе норвежских исследователей А.М. Феволдена и К. Тветбротена, представленной в статье «Оборонно-промышленная политика — разумная стратегия безопасности или экономическая ошибка?». Они выявляют несколько основных типов документов, характеризующих политику развития ВПК, например порядок заключения офсетных сделок, процедуры оборонных закупок и т.д., а также мотивировки к их введению [8]. Как полагают авторы, имплементация оборонно-промышленных политик является неэффективной, если их цель исключительно экономическая, однако меры становятся оправданными в более широком контексте обеспечения безопасности государства, когда они направлены, например, на обеспечение надежности цепочки поставок ВиВТ, адаптацию вооружений под локальные особенности и т.д. [8, с. 14]. Данный подход представляется актуальным для анализа ситуации в пакистанском ВПК, поскольку он позволяет разграничить экономические и стратегические цели, поставленные перед этой отраслью промышленности.

Таким образом, в данной статье выявляются основные векторы развития ВПК Исламской Республики Пакистан в XXI в. путем контент-анализа доступных в публичном поле документов концептуально-правового характера. Среди основных можно выделить следующие: Национальная политика в сфере оборонной промышленности (проект), офсетная политика, ежегодные отчеты Министерства оборонной промышленности, доклады комитета по оборонной промышленности Сената Пакистана и иные публично доступные документы.

Основные цели и задачи военно-промышленного комплекса Пакистана

Пакистанское руководство формирует подход к развитию собственного военно-промышленного комплекса на макроуровне в фундаментальном с концептуально-правовой точки зрения законодательном акте от 1973 г., именуемом «Регламент ведения бизнеса» (*англ.* Rules of business). Отдельный параграф в данном акте посвящен деятельности Министерства оборонной промышленности (*англ.* Ministry of Defence Production), созданном в 2004 г. Среди широкого спектра обязанностей можно выделить магистральные векторы развития военной промышленности: проведение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР), координация исследований с гражданскими институтами, локальное производство ВиВТ, разработка политик и рекомендаций в сфере ВПК, а также координация работы различных предприятий [14].

85

Наиболее подробным и целостным документом, характеризующим цели, задачи и необходимые практические шаги для развития пакистанской оборонной промышленности, на сегодняшний день является проект «Национальной политики Пакистана в области оборонного производства» (далее – Политика). О скорой публикации данного проекта сообщалось в отчетах Министерства оборонной промышленности еще в 2021 г. [18; 19], однако публично доступен он стал только в 2024 г. [7].

В результате анализа проекта Политики можно выделить ключевые стратегические направления и особенности развития оборонной промышленности, которые по большей части находятся во взаимосвязи с основными факторами, сдерживающими развитие, поэтому ниже предлагается рассмотреть их в совокупности.

Основной стратегической целью можно считать локализацию, или «индигенизацию»¹, производства, а также постепенное достижение технологического суверенитета. Политика подчеркивает необходимость сокращения зависимости от импорта вооружений за счет локализации производства, при этом особое внимание уделяется потребности в наращивании трансфера передовых технологий от дружественных государств. Такой акцент обусловлен прежде всего тем, что на текущий момент Пакистан значительно отстает в плане технологического развития. С другой стороны, частой проблемой при попытке получить технологии оказывается нежелание даже дружественных государств передавать некоторые из них в силу политического давления со стороны третьих стран или из-за снижения рентабельности собственной промышленности [13]. Как видно из официальных сообщений, пакистанская сторона активно контактирует с главными донорами технологий по масштабированию связей [17], и, вероятно, данные контакты будут только наращиваться в свете выхода Политики.

¹ Данный термин активно применяется в контексте как Пакистана, так и Индии и является синонимом термина локализация.

В последние годы пакистанская экономика находилась в состоянии тяжелого кризиса, обусловленного последствиями пандемии, природными катаклизмами, небольшой базой накоплений и т. д. [1, с. 48]. Ситуация усугубилась политическим кризисом, связанным с изменениями в правительстве в результате вотума недоверия на тот момент премьер-министру Имрану Хану [4]. Эти процессы оказали значительное влияние, в частности, на военно-промышленный комплекс. Осознавая весь спектр проблем, как следует из Политики и иных стратегических документов, государственным предприятиям была поставлена задача в виде выхода на самообеспечение путем получения иностранной валюты и постепенной коммерциализации за счет экспорта и развития новых направлений, в том числе, как будет показано далее, разработки продукции двойного назначения [7, с. 17]. Таким образом, Пакистан стремится к тому, чтобы позиционировать себя как одного из активных экспортеров вооружений, для чего также вводит дополнительные меры поддержки, включая упрощение экспортных процедур, организацию оборонной выставки IDEAS в Карачи раз в два года и т. д. [7, с. 8].

Тем не менее экспортные амбиции сталкиваются со значительной проблемой в виде получения необходимых международных сертификатов и обеспечения необходимого качества продукции. Так, например, зарубежные заказчики (Мьянма и Нигерия) истребителей JF-17 пакистано-китайской разработки выявили большое число поломок во время эксплуатации [10], что, в свою очередь, привело к определенному напряжению в отношениях между странами. Для решения подобных проблем Политика также предлагает имплементировать ряд шагов за счет модернизации производственной базы основных государственных предприятий, а также внедрения международных стандартов качества (ISO, MILSTD) и ужесточения контроля при производстве [7, с. 25].

Кроме того, в качестве дополнительного экономического инструмента, направленного на развитие ВПК и сохранение собственного бюджета, пакистанское руководство использует офсетные сделки при импорте ВиВТ из зарубежных государств [7, с. 13]. Основная цель такой политики – обеспечить экономические и технологические выгоды для страны за счет обязательств иностранных поставщиков. О том, что этому вектору уделяется особое внимание, свидетельствует отдельно разработанный еще в 2014 г. документ, посвященный особенностям проведения офсетных сделок. Этот инструмент противодействия негативному эффекту от импорта ВиВТ на локальную промышленность является достаточно распространенным в мировой практике и при этом одним из самых спорных. А.М. Феволден и К. Тветбротен отмечают, что при заключении офсетных сделок поставщики чаще всего прибегают к завышению итоговой цены контракта, чтобы покрыть расходы на обязательные инвестиции в промышленность страны получателя [8, с. 9]. В пакистанском контексте эта мера имеет значительные преимущества с точки зрения наращивания производственных возможностей внутри страны, но, с другой стороны, существует ряд потенциальных рисков в виде завышения цены контракта, невозможности осуществить производство или реализации офсетных обязательств за счет нематери-

альной компенсации (например, обучение местного персонала). Индийский пример имплементации схожей офсетной политики демонстрирует, что крупные поставщики по примеру французской *Rafale* могут найти пути обхода выполнения обязательств [5].

Еще одним критически важным направлением для оборонной промышленности является развитие человеческого капитала. В последние годы Пакистан сталкивается с масштабным оттоком квалифицированных кадров, что затрудняет проведение исследований и разработок внутри страны [11]. Соответственно, для решения этой проблемы в сфере ВПК Политика предусматривает более активную интеграцию высших учебных и научных заведений в НИОКР и совместные проекты, а также создание программ подготовки специалистов в области перспективных технологий (прежде всего в сфере искусственного интеллекта, БПЛА и 3D-печати) [7, с. 16].

Не менее важным вектором развития пакистанского ВПК является наращивание государственно-частного партнерства в этой сфере [7, с. 18]. На текущий момент предприятия государственного сектора доминируют в отрасли, а доля частных игроков оказывается практически ничтожной. Политика декларирует изменение этого подхода с целью большей интеграции частного сектора в процесс разработки и производства ВиВТ. Документ предусматривает большой набор шагов, в том числе налоговые послабления, субсидии, упрощение ведения бизнеса и т. д. В первую очередь, безусловно, пакистанское руководство заинтересовано в частных инвестициях и проведении НИОКР за счет средств частных предприятий. На текущий момент частные компании оказываются достаточно слабыми, поэтому о крупных инвестициях с их стороны говорить сложно, однако можно ожидать, что пакистанский бизнес последует за индийской моделью, где крупнейшие конгломераты запускают подразделения, направленные на разработку ВиВТ.

Некоторые другие подробности и формулировки касательно целей и задач пакистанского ВПК раскрываются в публикациях Министерства оборонной промышленности – отчетах о работе за определенный период (один или два года). Они начали публиковаться с началом работы правительства Имрана Хана в 2018 г. В последние несколько лет в документах присутствует наиболее точная и всеохватывающая формулировка относительно задач Министерства оборонной промышленности и ВПК Пакистана, которая во многом пересекается с тем, что декларируется в Политике, однако имеет некоторые особенности:

- «модернизировать предприятия госсектора, чтобы удовлетворять потребности ВС, в том числе по доступным ценам;
- обеспечить устойчивый рост частного сектора оборонной промышленности;
- добиться оптимальной самообеспеченности за счет НИОКР, трансфера технологий, развития компетенций;
- минимизировать нагрузку на бюджет за счет получения / накопления иностранной валюты от экспорта ВиВТ и импортозамещения;

- придать ускорение экономике государства посредством индустриализации и создания рабочих мест;
- оптимизировать процедуры для легкости ведения бизнеса» [19, с. 5].

В данном отчете раскрывается важная характеристика целей пакистанской оборонной промышленности: необходимо достичь не полной самодостаточности в сфере производства вооружения, а «оптимальной», то есть такой, которая позволит наиболее эффективно функционировать и удовлетворять потребности собственных ВС, а также экспортные амбиции. Схожая формулировка присутствует и в Национальной политике Пакистана в области оборонного производства, однако в ней речь идет не об «оптимальной» самодостаточности, а о промышленности, которая будет обеспечивать «нужды страны и развивать экспортный потенциал» [7, с. 5]. Можно полагать, что использование определения «оптимальная» дает руководству больше пространства для маневра, поскольку не ставит перед собой невозможные цели и показатели.

Отдельно в данном отчете прописаны цели пакистанского ВПК, которые заключаются в потребности сформировать «самостоятельную и самообеспечивающуюся» оборонную промышленность [19]. Для обеспечения первой цели, как пишут авторы, необходимо «оживление государственного сектора оборонной промышленности; рост частного сектора; постепенная индигенизация через НИОКР, трансфер технологий, компенсационные сделки, развитие человеческих ресурсов» [19]. Под оживлением госсектора подразумевается необходимость выхода предприятий на финансовую эффективность, поскольку на текущий момент большая их часть остается зависимой исключительно от оборонных закупок и выделения средств из оборонного бюджета страны [18, с. 2]. Что касается самообеспечения, то этот термин означает возможность предприятий реализовывать проекты за средства вне оборонного бюджета государства. Для достижения этой цели, согласно отчету, равно как и Политике, необходимо расширить экспортные возможности Пакистана, а также провести корпоратизацию [19, с. 5].

Интересно отметить, что отчеты и Политика используют различные термины и подходы относительно возможностей получения дополнительной прибыли. Если в Политике акцент делается на коммерциализацию, которая заключается не только в формировании коммерческих предприятий на базе государственных, но и в привлечении частных игроков в создание коммерчески выгодных образцов ВиВТ, то в отчетах речь прежде всего идет о корпоратизации государственных предприятий, а именно выделении отдельного коммерческого подразделения с целью разработки и продажи продукции двойного или невоенного назначения.

Особый акцент на «оживление» госсектора, индигенизацию и трансфер технологий свидетельствует о стремлении снизить зависимость от импорта, но с опорой на прагматичные механизмы, такие как офсетные сделки и привлечение внешнего капитала. В то же время экс-

портная ориентация и корпоратизация указывают на попытки интегрировать ВПК в национальную экономику, превратив его в источник валютных поступлений и новых рабочих мест.

Таким образом, Пакистан пытается найти баланс между самодостаточностью в сфере ВПК (прежде всего обеспечить удовлетворение нужд своих ВС) и экономической целесообразностью (снижение бюджетной нагрузки через наращивание экспорта и локализацию). Успех этой стратегии будет зависеть от устранения основных сдерживающих факторов, а именно технологической недооснащенности, отсутствия квалифицированных кадров, развития частного сектора и т.д.

Важно отметить, что Пакистан не ставит перед своей военной промышленностью глобальных и невыполнимых целей, признает и анализирует большой объем недостатков, которые и пытается устранить за счет имплементации стратегий, указанных в проанализированных выше концептуально-правовых документах. Если сравнивать с индийским опытом разработки стратегий развития ВПК и завышением целевых значений [9, с. 251], то можно говорить о том, что пакистанская стратегия представляется достаточно сбалансированной и в кратко- и среднесрочной перспективах реалистичной и выполнимой.

Аэрокосмическая отрасль как один из ключевых векторов развития

Отдельные векторы развития отраслей внутри пакистанского ВПК разрабатываются в рамках отчета комитета по оборонному производству Сената Пакистана от 2021 г., посвященному обсуждению стратегии госпредприятий по финансовому самообеспечению. Однако этот документ интересен по другой причине: в него также включен проект «Видения аэрокосмической отрасли – 2030», которая опубликована только в формате приложения к указанному докладу и нигде более.

Доклад оказывается весьма интересным источником информации о планах развития с концептуально-политической точки зрения. В нем предлагается так называемая «матрица 10 стратегий», которые необходимо применить для достижения целей в 1 млрд долл. США дохода на внутреннем рынке к 2030 г., а также создания 200 тыс. рабочих мест и интеграции Пакистана в международный рынок в данной сфере [15]. Среди упомянутых десяти стратегий особо выделяются следующие:

- коммерциализация предприятий;
- повышение эффективности регуляторных органов;
- инвестиции в НИОКР и индигенизацию;
- развитие производственных линий и цепочки поставок в качестве поставщиков первого и второго уровней для западной аэрокосмической промышленности [15, с. 13];

Так, на политическом уровне закладываются весьма амбициозные планы, которые планируется реализовать к 2030 г. Интересен тот факт, что правительство Пакистана рассматривает гражданское и военное направления аэрокосмической отрасли неразрывно друг от друга и

предлагает развивать их в совокупности. Прежде всего это обусловлено структурой предприятия *Pakistan Aeronautical Complex* (РАС), в рамках которого есть и гражданское направление. Во-вторых, синергия гражданских и военных предприятий выступает одним из перспективных направлений, поскольку позволит вовлечь больший объем частных инвестиций и объединить усилия достаточно крупных игроков, особенно в контексте выстраивания базы для проведения технического обслуживания и ремонта.

Именно техническое обслуживание и ремонт гражданских и военных воздушных судов являются одним из фокусов аэрокосмической промышленности Пакистана – через наращивание компетенций в данной сфере в перспективе проще выйти на более широкие возможности в сфере разработки и производства непосредственно воздушных судов. Кроме того, авторы доклада выделяют обратную разработку как один из важнейших этапов по развитию собственного производства [15].

Некоторые аспекты реализации установленных инициатив предприятиями госсектора

Отдельно в отчетах Министерство оборонной промышленности подробно описывает инициативы, которые уже были предприняты предприятиями госсектора или находятся на стадии реализации. Подобные параграфы присутствовали во всех отчетах, кроме первого, поэтому далее рассматриваются документы за 2018–2020 гг., 2018–2021 гг. и 2021–2022 гг., через призму изучения которых можно на более глубоком уровне проследить как основные тренды развития крупнейших госкомпаний, так и реализацию рекомендаций, предложенных ранее.

Оборонное предприятие *Heavy Industries Taxila* (НИТ) является одним из наиболее уникальных примеров с точки зрения тенденций пакистанского ВПК. Согласно отчетам Министерства, предприятие должно было провести реструктуризацию путем создания коммерческого подразделения (получило наименование *Margalla Heavy Industries Limited*) для внутреннего и внешнего рынков [16, с. 3; 18, с. 7]. Очевидно, что цель такой реструктуризации – попытка в перспективе облегчить финансовую нагрузку на бюджет страны путем формирования дополнительного собственного бюджета у предприятия, который может быть использован в том числе для проведения НИОКР и локализации определенных комплектующих. Эта инициатива соответствует задаче Министерства, заключающейся в получении иностранной валюты путем экспорта ВиВТ.

Кроме того, как сообщалось в СМИ, новая структура предприятия позволит проще создавать совместные предприятия с локальными и зарубежными компаниями, а коммерческая деятельность даст возможность осуществлять продажи техники по типу джипов, грузовиков и пр., что постепенно приведет к заявленной цели по самообеспечению [12]. В более позднем отчете также сообщается о модернизации производственных мощностей предприятия, а также мощностей для прове-

дения НИОКР, включая новые договоренности о передаче технологий от Китая по танку VT-4¹ [19, с. 29]. Также отмечаются успехи предприятия по локализации производства запасных частей (около 27 тыс. деталей начали производиться внутри страны, в том числе за счет участия частных компаний) [19, с. 29].

Прочие государственные предприятия пакистанского ВПК имеют схожие направления развития — большинство из них только к 2021–2022 гг. начали добиваться финансовой стабильности, о чем свидетельствуют многочисленные упоминания о необходимости улучшения операционной деятельности, выхода на самообеспечение и т. д. [18, с. 4]. Более того, предполагается, что значительные финансовые активы данные предприятия будут получать за счет экспорта своей продукции. Это касается прежде всего следующих предприятий: *Pakistan Aeronautical Complex, Pakistan Ordnance Factories, Heavy Industries Taxila* [18, с. 4–6]. Для этих же предприятий Министерство также отмечает необходимость текущего проведения работ по модернизации производственных мощностей, что вкупе с пересмотром подхода к оценке качества продукции косвенно говорит о низком качестве или неактуальности ряда производимых ВиВТ [18, с. 4–6].

Особняком стоит предприятие *National Radio Telecommunication Corporation* (NRTC), которое во всех отчетах позиционируется как эталонное для отрасли как с финансовой, так и с инфраструктурной точек зрения [19, с. 33]. Равно как и для НИТ, NRTC в контексте пандемии коронавируса обратилось к созданию потребительских товаров по типу аппаратов ИВЛ, также в планах присутствовала сборка смартфонов и ноутбуков в Пакистане [18, с. 4]. Производство и последующая продажа продукции через коммерческое подразделение, очевидно, также можно выделить как один из основных трендов развития отрасли, который на текущем этапе позволяет предприятиям выйти на приемлемый уровень финансовой стабильности, позволяющей проводить дополнительные НИОКР, модернизировать производственные мощности и т. д.

Подводя итог изучению отчетов, следует отметить, что пакистанские государственные органы и предприятия достаточно открыто информируют общественность о своих достижениях. Несмотря на то что некоторые формулировки оказываются абстрактными (например, «Полная финансовая устойчивость верфи Карачи была достигнута за последние два года при погашении всех предыдущих убытков» [18, с. 5]), значительная часть информации позволяет достаточно точно определить актуальное состояние отрасли. Можно выделить следующие основные тенденции:

- Предприятия государственного сектора остаются крупнейшими и практически единственными игроками военной промышленности Пакистана. Актуальная ситуация до некоторой степени схожа с тенденциям конца XX в. в Индии до либерализации отрасли. Безусловно, сей-

¹ Китайский основной боевой танк, получивший также наименование MBT-3000, является новой версией производимого на мощностях НИТ MBT-2000.

час имеют место попытки привлечь частных игроков, однако их уровень и технические возможности на текущий момент представляются недостаточными для того, чтобы располагать видимой долей на рынке.

- Имеет место схожая у многих предприятий тенденция к финансированию путем создания коммерческих подразделений, которые работают на экспорт, в том числе для частных заказчиков.

- Информация об активной модернизации производств предприятий госсектора косвенно свидетельствует о низком уровне существующей производственной базы.

- Судя по годовым отчетам, Пакистан не ориентирован на жесткие политики с точки зрения запрета на импорт определенных типов ВиВТ, а стремится к постепенной локализации производства по большей части за счет международного сотрудничества в форме трансфера технологий, тогда как непосредственно собственные разработки являются скорее «дополнительным» направлением для многих предприятий.

Заключение

Сформулированные пакистанским руководством основные цели и задачи оборонной промышленности отражают структурный подход к развитию ВПК. Он совмещает в себе как необходимость достижения обеспечения ВС передовыми видами ВиВТ, так и попытки достичь экономической эффективности, чтобы избежать нерационального расходования бюджета. Однако перед этой отраслью остается большой круг проблем, стратегии решения которых, как было показано в рамках анализа, также разрабатываются.

Кроме того, очевидно, что одним из приоритетов Пакистана является расширение международного сотрудничества. В первую очередь это касается стран-поставщиков технологий, а также поиска новых экспортных направлений. Соответственно, есть основания полагать, что внешний фактор оказывается одной из ключевых детерминант не только стратегии развития ВПК, но и национальной военной стратегии страны.

Таким образом, пакистанский ВПК на сегодняшний день не обращается к резким переменам и реформам. Напротив, первоочередной задачей становится внедрение необходимых технологий и финансовая стабильность производств, чтобы полученная прибыль могла идти на дополнительные НИОКР, а также модернизацию производственных мощностей. Более того, на сегодняшний день Пакистан не стремится в краткие сроки создавать только конечные продукты, но аккумулирует технологические компетенции за счет трансфера технологий, обратной разработки и инвестиций в собственные НИОКР. Коммерциализация предприятий, особенно NRTC, HIT и PAC, которые начинают постепенно предлагать достаточно широкий спектр продукции для частных клиентов, а также на экспорт, — перспективное направление, которое в средне- и долгосрочной перспективе вкупе с отсутствием иных финансовых проблем принесет свои дивиденды.

К сожалению, в силу закрытого характера отрасли отсутствуют точные цифры объема производства ВиВТ в Пакистане. Например, иссле-

дование Стокгольмского института изучения проблем мира отмечает, что присутствуют большие сомнения «в корректности» показателей предприятий госсектора [6, с. 30]. В отличие от Индии они не публикуют в открытом доступе годовые отчеты, однако ввиду проведения реформ, направленных на коммерциализацию, возможно, появятся отчеты для потенциальных или существующих инвесторов.

С точки зрения гипотезы А.М. Феволдена и К. Тветбротена можно заключить, что стратегия Пакистана на текущий момент является экономически сбалансированной, а также отвечает интересам национальной безопасности за счет акцента на оптимальную локализацию и оснащение ВС необходимыми типами ВиВТ. Несмотря на это, в пакистанских реалиях возможно возникновение экономических факторов, которые будут сдерживать развитие ВПК, разработанное в рамках проанализированных документов. Прежде всего это нерациональная или ненадлежащая реализация офсетных сделок при закупке вооружений из других государств. Кроме того, экономические пертурбации в стране могут оказать значительное влияние на идеи о коммерциализации предприятий.

Данное исследование может быть продолжено в рамках большого числа направлений. Одними из приоритетных можно выделить компаративный анализ с аналогичными стратегиями других стран глобального Юга, в первую очередь с индийскими; более детальное изучение механизмов государственно-частного партнерства в сфере ВПК, а также международного аспекта.

Список литературы

1. Белокреницкий В.Я. Экономико-политический кризис в Пакистане: социальные причины и возможности выхода // Россия и мир: научный диалог. 2023. №4. С. 36–49.
2. Зайцев М.С. Сравнительный анализ военных доктрин Индии и Пакистана // Сравнительная политика. 2018. Т. 19, №3. С. 14–25.
3. Кононов Л.А. Роль официальных документов: концепций, доктрин и стратегий в политическом управлении Российской Федерации // Право и современные государства. 2017. №2. С. 55–66.
4. Махлаюк А.Н. По второму кругу: динамика политической нестабильности в Пакистане. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/povoromu-krugu-dinamika-politicheskoy-nestabilnosti-v-pakistane/> (дата обращения: 20.03.2025).
5. Banerjee A. What Are the Offset Violations For Which Dassault & MBDA Earned GOI's Wrath? URL: <https://www.iadb.in/2022/01/30/what-are-the-offset-violations-for-which-dassault-mbda-earned-gois-wrath/> (дата обращения: 20.03.2025).
6. Beraud-Sudreau L, Liang Xiao, Wezeman S. T., Sun Ming. Arms Production Capabilities in the Indo-Pacific Region. Measuring Self-reliance. Stockholm, 2022.
7. Draft National Defence Production Policy. URL: <https://modp.gov.pk/Sitelimage/Downloads/DP%20Policy.pdf> (дата обращения: 20.03.2025).
8. Fevolden A.M., Tvetbråten K. Defence industrial policy – a sound security strategy or an economic fallacy? // Defence Studies. 2016. Vol. 16, №2. P. 176–192.
9. Likhachev K.A., Makhlaiuk A.N. Major Factors that Impede Reforms in India's Military-Industrial Complex in 2014–2023 // Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies. 2024. Vol. 16, №1. P. 247–263.

10. *Myanmar angry with Pakistan over 'unfit' fighter jets supplied by Islamabad*: Report. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/defence/myanmar-angry-with-pakistan-over-unfit-fighter-jets-supplied-by-islamabad-report/articleshow/103335997.cms?from=mdr> (дата обращения: 20.03.2025).

11. *Pakistan sees continued exodus of skilled workforce amid economic woes*. URL: <https://www.pakistantoday.com.pk/2024/07/03/pakistan-sees-continued-exodus-of-skilled-workforce-amid-economic-woes/> (дата обращения: 20.03.2025).

12. *Pakistan to corporatise Heavy Industries Taxila*. URL: <https://www.janes.com/defence-news/news-detail/pakistan-to-corporatise-heavy-industries-taxila> (дата обращения: 20.05.2025).

13. *Partow A. Pakistan's Defense Industries; Obstacles and Future Prospect*. URL: <https://www.iess.ir/en/analysis/3835/> (дата обращения: 20.03.2025).

14. *Rules of Business, 1973*. URL: <https://moitt.gov.pk/SiteImage/Misc/files/%5BROB%20amended%20upto%204th%20April%2C%202018.pdf> (дата обращения: 20.03.2025).

15. *Special Report of The Senate Standing Committee On Defence Production Regarding Developing a Mechanism On How To Make Defence Production Units Financially Self-Sustaining As Reported By The Sub-Committee On Defence Production*. URL: https://senate.gov.pk/uploads/documents/1616135503_819.pdf (дата обращения: 01.04.2025).

16. *Three years performance report*. URL: <https://modp.gov.pk/SiteImage/Publication/Three%20Years%20Performance%20Report%20MODP.pdf> (дата обращения: 20.03.2025).

17. *Turkiye, Pakistan to establish joint factory for production of KAAN fighter jet*. URL: <https://www.middleeastmonitor.com/20250122-turkiye-pakistan-to-establish-joint-factory-for-production-of-kaan-fighter-jet/> (дата обращения: 20.03.2025).

18. *Two years performance report*. URL: <https://modp.gov.pk/PublicationDetail/NjFkNTYwODAtODI2OC00YzVILTkwZDgtZTQ2OWNkNzUyYjA5> (дата обращения: 20.03.2025).

19. *Year Book 2021 – 22*. URL: <https://www.modp.gov.pk/PublicationDetail/Yjc2NmM2ZjgtMDRkMC00ZTNiLTgwMTMtNTA2YjkyNWYyNGJm> (дата обращения: 20.03.2025).

Об авторе

Артур Николаевич Махлаук – асп., Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: amah366@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0498-8274

A. N. Makhlaiuk

DEVELOPMENT OF THE MILITARY-INDUSTRIAL COMPLEX OF PAKISTAN IN THE 21st CENTURY AS AN ELEMENT OF THE NATIONAL MILITARY STRATEGY

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Received 17 April 2025

Accepted 14 July 2025

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-3-7

To cite this article: Makhlaiuk A. N., 2025, Development of the military-industrial complex of Pakistan in the 21st century as an element of the national military strategy, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №3. P. 82 – 95. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-3-7.

The article examines the specific features of strategic planning in the military-industrial complex of the Islamic Republic of Pakistan. The aim of the study is to identify the main trends in the development of the country's defense industry, its problems, and prospects. To provide a comprehensive analysis of the issue, content analysis of key conceptual and legal documents is applied, as well as the hypothesis of A. M. Fewolden and K. Toetbrotten regarding the effectiveness of implementing such innovations. In addition, certain results of the implementation of practical measures in this area over the past 7–10 years are studied. The author concludes that Pakistan is pursuing a balanced policy in the field of the military-industrial complex under conditions of political and economic instability and challenges related to the development of its own models of weapons. Furthermore, it is revealed that the country's leadership adopts a comprehensive approach, emphasizing the need to strengthen international contacts to ensure technology transfer, integrate the private sector, and enhance the financial and economic sustainability of enterprises.

Keywords: Pakistan, military-industrial complex, national military strategy, defense planning

The author

Artur N. Makhlaiuk, PhD Student, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.

E-mail: amah366@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0498-8274

А. А. Лаврикова, Д. С. Тетерук

**ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО МЕДИАДИСКУРСА
КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ РЕПУТАЦИОННОГО КАПИТАЛА
ГЛАВ СУБЪЕКТОВ РФ (НА ПРИМЕРЕ РЕГИОНОВ
ЦЕНТРАЛЬНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА)**

Тульский государственный университет, Тула, Россия

Поступила в редакцию 14.06.2025 г.

Принята к публикации 24.07.2025 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-3-8

96

Для цитирования: Лаврикова А. А., Тетерук Д. С. Особенности политического медиадискурса как фактор формирования репутационного капитала глав субъектов РФ (на примере регионов Центрального федерального округа) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2025. №3. С. 96–108. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-3-8.

Статья посвящена исследованию влияния политического медиадискурса региональных лидеров на формирование их репутационного капитала в условиях централизованной политической системы. На примере субъектов Центрального федерального округа авторы анализируют связь между содержанием публичных выступлений губернаторов и их общественным восприятием. В основе работы лежит контент-анализ материалов федеральных СМИ и социальных сетей, позволивший выявить различные стратегии медиакommunikаций региональных руководителей. Установлено, что формальное соответствие информационной повестке федерального центра не является достаточным условием для позитивного репутационного капитала. Ключевой вывод исследования свидетельствует: наибольшего успеха в укреплении публичного имиджа достигают губернаторы, сочетающие умеренное следование общенациональным темам с активным решением локальных проблем. Чрезмерная ориентация на общенациональную повестку, напротив, часто приводит к снижению репутационных показателей. Предложенная методика анализа медиадискурса может служить инструментом для оценки эффективности коммуникационных стратегий региональных элит. Исследование подчеркивает важность сбалансированного подхода, учитывающего специфику территорий при формировании публичного образа власти.

Ключевые слова: политический медиадискурс, информационная повестка дня, политические коммуникации, региональные элиты, репутационный капитал, политический имидж

Введение

В условиях современной медиатизированной политики политический имидж региональных лидеров формируется преимущественно посредством их позиционирования в информационном пространстве [6]. В России, где политическая система характеризуется высокой сте-

пению централизации, учет федеральной повестки дня в коммуникационных стратегиях губернаторов приобретает особое значение. В рамках существующей «вертикали власти» в дискурсе региональных лидеров должны находить отражение темы, транслируемые федеральными органами государственной власти (особенно президентом РФ), что становится одним из существенных факторов, обеспечивающих политическую устойчивость.

СМИ и социальные сети становятся значимыми площадками для формирования доверия к региональным элитам [8], а имидж региональных публичных институтов определяется не только их фактической эффективностью, но и тем, как население благодаря масс-медиа воспринимает результаты их деятельности [1; 11; 15]. В ряде исследований [3] отмечается тот факт, что губернаторы, выступления которых содержательно связаны с федеральной риторикой, демонстрируют более высокий уровень поддержки.

Несмотря на то что дискурсивные аспекты механизма легитимации власти достаточно часто оказываются в фокусе внимания исследований различного направления (политологических, лингвистических, психологических, социологических и др.), наблюдается фрагментарность научных представлений о взаимосвязи содержательных и технологических особенностей политического медиадискурса региональных лидеров и их репутационного капитала. Кроме того, существенным ограничением выступает недостаточная разработанность формализованного подхода к измерению степени согласованности дискурсивных стратегий глав субъектов РФ с общенациональной информационной повесткой дня, что затрудняет прогнозирование соответствующих рисков.

Методология и методы исследования

В работе ставятся следующие исследовательские вопросы: 1. Какова природа и сила корреляции между степенью дискурсивной синхронизации медиакommunikаций региональных лидеров с федеральной (президентской) повесткой дня и оценкой их репутации в условиях централизованной политической системы? 2. Проявляется ли дифференциация дискурсивных стратегий глав субъектов РФ в рамках централизованной коммуникационной парадигмы? 3. Насколько эффективна стратегия гипертрофированной дискурсивной синхронизации с федеральной информационной повесткой как инструмент построения публичного имиджа региональных лидеров?

Авторами была выдвинута гипотеза, заключающаяся в следующем: институциональный дизайн российской политической системы предполагает, что согласованность медиадискурса региональных лидеров с федеральной информационной повесткой, задаваемой президентом РФ, способствует позитивному восприятию их деятельности региональным сообществом, но эта связь носит нелинейный характер.

Исследование опиралось на положения 1) концепции «установления информационной повестки дня» [7; 13; 14], в рамках которой рассматривается сложный, многоуровневый характер влияния повестки

дня на политические практики, что обусловлено неоднородностью информационного пространства и социокультурным, экономическим, технологическим и другими контекстами взаимодействия политических субъектов [2]; 2) критического дискурс-анализа [4; 5; 12], акцентирующего внимание на взаимосвязи дискурса и власти, интертекстуальности и интердискурсивности, междисциплинарности; 3) синтетической теории политического медиадискурса [9], объединяющей в одну целостную систему кратологический, структурно-коммуникативный и медиатехнологический подходы.

Для проверки гипотезы авторский коллектив изучил медиадискурсы глав регионов, входящих в Центральный федеральный округ.

98

Эмпирическую базу исследования составили материалы, вышедшие за период с апреля 2024 г. по апрель 2025 г. в 100 ведущих федеральных СМИ, отобранных по рейтингу платформы «Медиалогия», а также контент официальных аккаунтов губернаторов в социальных сетях «ВКонтакте» и «Telegram» (представленных в базе данных Brand Analytics). Общий объем выборки составил около 4 млн упоминаний.

Основным методом выступал контент-анализ, который позволил систематизировать большие массивы текстовых данных и обеспечить количественное измерение дискурсивных практик политических лидеров федерального и регионального уровней.

В качестве единиц анализа были выделены 12 ключевых тематических категорий, представленных в медиадискурсе президента РФ:

- поддержка СВО;
- региональная безопасность;
- экономическое развитие;
- национальные проекты;
- социальная политика;
- межрегиональное сотрудничество;
- идеология и история;
- образование и наука;
- культура и спорт;
- экология;
- религия и межнациональные отношения;
- ЖКХ и инфраструктура.

В результате изучения высказываний В.В. Путина была построена так называемая эталонная матрица медиадискурса, позволившая в дальнейшем провести оценку дискурсивных стратегий губернаторов Центрального федерального округа (ЦФО) на основе расчета индекса соответствия (корреляция с эталоном). Далее полученные материалы были сопоставлены с репутационными показателями глав регионов.

Результаты исследования и их обсуждение

Структура медиадискурса президента РФ В.В. Путина, представленная в таблице 1, демонстрирует выраженную асимметрию в распределении тематических приоритетов. Доминирование военно-политического блока (46,8 % от общего массива данных) над социально-эконо-

мическим (19,9 %) объясняется сложившейся политической обстановкой. Геополитическая ситуация, характеризующаяся продолжающимся вооруженным конфликтом и международной изоляцией, закономерно выдвигает вопросы безопасности и обороны на первый план в государственной риторике. Мобилизационная функция такого контента способствует консолидации общества вокруг национальных приоритетов, одновременно поясняя необходимость бюджетных перераспределений в пользу оборонного сектора и институциональных изменений в экономике. Переориентация производственных цепочек на нужды оборонно-промышленного комплекса требует соответствующего информационного сопровождения, что находит отражение в медиа-пространстве.

Таблица 1

**Иерархическая структура медиадискурса
президента РФ В.В. Путина**

Тема	Всего упоминаний в СМИ/СМ, раз
Поддержка участников СВО, их родственников и пострадавших	1 201 597/3 512 789
Региональная безопасность	703 824/2 007 456
Межрегиональное и международное взаимодействие	505 211/1 515 987
Экономическое развитие региона, региональные инвестиции и экономическое благосостояния местного населения	402 958/1 211 345
Национальные проекты	356 183/908 765
Идеология и история	304 772/812 456
Развитие социальной инфраструктуры	251 349/605 987
Развитие и улучшение сферы образования	153 066/410 234
Сфера культуры и массового досуга	122 491/306 789
Религия и межнациональные отношения	54 602/201 567
Развитие и улучшение сферы местного спорта, и доступа к нему	43 255/152 345
Экология	30 717/44 280
<i>Всего</i>	4 086 117/11 690 000

Регулятивная функция данного дискурса проявляется в установлении четких параметров тематической релевантности, где маргинализация экологической проблематики (0,8 %) и ограниченная репрезентация культурной сферы (3,0 %) сигнализируют о приоритетах национальной безопасности над другими аспектами развития. Эмпирические данные подтверждают существование корреляции между степенью соответствия региональных медиадискурсов этой матрице и показателями политического конформизма, при этом отклонения могут объясняться спецификой субъекта РФ (особенно в приграничных территориях), автономизацией коммуникационных стратегий или особенностями локальных институциональных структур. Количественные па-

раметры тематического распределения, зафиксированные в таблице 1, формируют систему критериев для оценки интеграции региональных элит в общегосударственную коммуникационную парадигму, отражающую актуальные геополитические и социально-экономические условия, где военно-политическая повестка закономерно приобретает доминирующий характер в условиях кризисной международной обстановки и трансформации внутренней политико-экономической архитектуры.

Далее была составлена таблица индексов соответствия медиадискурсов глав субъектов Центрального федерального округа «эталонной повестке» (табл. 2). Для количественной оценки степени синхронизации нарративов, транслируемых региональными политическими лидерами, с федеральными приоритетами был применен коэффициент ранговой корреляции Спирмена (ρ), позволяющий определить меру сходства в распределении тематических акцентов.

Таблица 2

**Индекс соответствия медиадискурсов
губернаторов Центрального федерального округа
федеральной информационной повестке**

Руководитель субъекта	Субъект РФ	Индекс (ρ)	Интерпретация
С. С. Собянин	Москва	0,92	Очень высокое
А. Е. Хинштейн	Курская область	0,89	Очень высокое
А. В. Богомаз	Брянская область	0,88	Очень высокое
В. В. Гладков	Белгородская область	0,87	Очень высокое
А. Ю. Воробьев	Московская область	0,86	Очень высокое
А. А. Авдеев	Владимирская область	0,85	Высокое
Д. В. Милаев	Тульская область	0,84	Высокое
П. В. Малков	Рязанская область	0,83	Высокое
В. В. Шапша	Калужская область	0,82	Высокое
В. Н. Анохин	Смоленская область	0,81	Высокое
И. М. Руденя	Тверская область	0,80	Высокое
С. С. Воскресенский	Ивановская область	0,79	Высокое
М. Я. Евраев	Ярославская область	0,78	Высокое
И. Г. Артамонов	Липецкая область	0,77	Высокое
А. Е. Клычков	Орловская область	0,76	Высокое
Е. А. Первышов	Тамбовская область	0,75	Высокое
А. В. Гусев	Воронежская область	0,74	Умеренное
С. К. Ситников	Костромская область	0,73	Умеренное

Полученные материалы демонстрируют, что медиадискурсы губернаторов ЦФО в целом воспроизводят ключевые компоненты президентской повестки, однако с определенной долей вариативности, обусловленной региональной спецификой и стратегиями коммуникации. Значения индекса распределились в диапазоне от 0,73 (умеренное соответствие) до 0,92 (максимальная синхронизация), при этом в массиве

данных можно выделить кластеры с высоким ($\rho > 0,85$), средним ($0,75 \leq \rho \leq 0,84$) и относительно низким ($\rho < 0,75$) уровнем интеграции в общенациональный дискурс.

В рамках проведенного анализа медиадискурсов глав субъектов ЦФО выявлена группа губернаторов, демонстрирующих практически полную синхронизацию с федеральной повесткой, заданной риторикой президента Российской Федерации. К числу таких региональных лидеров относятся С.С. Собянин (г. Москва, $\rho = 0,92$), А.Е. Хинштейн (Курская область, $\rho = 0,89$) и А.В. Богомаз (Брянская область, $\rho = 0,88$): значения индекса соответствия, равные 0,86 и выше, указывают на максимальный уровень интеграции их коммуникационных стратегий в общенациональный дискурс. Столь высокая степень соответствия объясняется рядом факторов, включая политическую близость к федеральному Центру и исключительную медийную активность. В частности, С.С. Собянин как мэр столицы напрямую координирует свою информационную политику с федеральными органами власти, в то время как А.Е. Хинштейн, имеющий опыт работы в Государственной думе, и А.В. Богомаз, являющийся одним из самых опытных губернаторов, глубоко интегрированы в систему властной вертикали. Примечательно, что В.В. Гладков (Белгородская область, $\rho = 0,87$) также демонстрирует исключительно высокий уровень соответствия, несмотря на сложную оперативную обстановку в приграничном регионе, что подчеркивает его способность эффективно сочетать освещение локальных проблем с общегосударственными нарративами. В отличие от других приграничных руководителей он не смещает акценты в сторону исключительно местной повестки, а умело встраивает вопросы безопасности и поддержки участников СВО в общий идеологический контекст, что, вероятно, обусловлено необходимостью демонстрировать лояльность в условиях получения значительных федеральных ресурсов на восстановление региона.

При этом сравнительный анализ показывает определенную специфику в расстановке приоритетов даже среди лидеров рейтинга: если А.Е. Хинштейн делает особый акцент на идеологической составляющей, активно продвигая исторические памятники и патриотические акции, то А.В. Богомаз сосредоточен на экономическом развитии региона в рамках его особого статуса.

Полученные результаты подтверждают первоначальную гипотезу о том, что степень соответствия медиадискурсов губернаторов федеральной повестке коррелирует с их политической близостью к Центру и географическим положением региона, при этом, как показывает пример В.В. Гладкова, даже в условиях кризиса возможно сохранение высокой медийной лояльности за счет стратегически выверенного баланса между местными и общегосударственными темами.

Губернаторы со средними показателями соответствия ($\rho = 0,75 - 0,85$) — такие как А.А. Авдеев, Д.В. Милаев, В.В. Шапша и др. — сохраняют ключевые элементы федеральной повестки, но при этом адаптируют ее под региональные особенности. Их медиадискурсы сочетают «обязатель-

ные» темы (поддержка СВО и экономическое развитие) с инфоповодами, отражающими местные приоритеты: развитие социальной инфраструктуры во Владимирской области, экологические программы – в Калужской, модернизацию промышленности – в Тульской.

Такой гибридный подход позволяет одновременно демонстрировать лояльность Центру и решать конкретные проблемы территорий, сохраняя баланс между общегосударственными и местными задачами. При этом вариативность в этой группе наиболее высока – каждый губернатор находит собственное соотношение федеральных и региональных тем, оставаясь в рамках заданного политического курса.

102

Губернаторы, занимающие нижние позиции рейтинга, – С.К. Ситников (Костромская область, $\rho=0,73$) и А.В. Гусев (Воронежская область, $\rho=0,74$) – демонстрируют наибольшее отклонение от федеральной повестки. Их медиадискурс отличается заметно меньшим акцентом на военно-патриотической тематике и приоритетом локальных проблем перед общенациональными нарративами. В коммуникации С.К. Ситникова преобладают вопросы развития сельского хозяйства и туристического потенциала региона, тогда как А.В. Гусев делает упор на модернизацию городской инфраструктуры и поддержку местного бизнеса. Такой подход, с одной стороны, отражает попытку адресно отвечать на запросы местных сообществ, с другой – создает риск недостаточной интеграции в общенациональный политический контекст. Особенно показательно, что именно эти регионы демонстрируют наименьшую частоту упоминаний тем СВО и национальной безопасности в губернаторской риторике, что может быть связано как с географической удаленностью от зоны специальной операции, так и с осознанным выбором в пользу «неполитизированной» повестки, ориентированной на повседневные нужды населения.

В рамках настоящего исследования для сравнительного анализа был привлечен независимый рейтинг репутации губернаторов [10], разработанный сервисом «PRAVDASERM» (табл. 3), который использует оригинальную методику оценки на основе анализа информационной тональности топ-10 ссылок поисковых запросов, связанных с каждым конкретным губернатором. Далее этот количественный показатель, отражающий реальное медийное восприятие региональных лидеров в цифровом пространстве, был сопоставлен с рассчитанными нами индексами соответствия медиадискурсов президентской информационной повестке (ρ Спирмена). Такой сравнительный анализ позволяет выявить следующие взаимосвязи: во-первых, установить степень корреляции между формальной лояльностью губернаторов, выраженной через тематическое соответствие их публичных выступлений федеральной повестке, и их фактической репутацией в медиапространстве; во-вторых, обнаружить аномальные случаи, когда высокий индекс ρ сочетается с низкой репутацией по данным «PRAVDASERM» (что может свидетельствовать о формализованном следовании повестке), или, наоборот, относительная автономность коммуникации сопровождается положительной тональностью обсуждения (указывая на эффек-

тивность локальных приоритетов). Особую ценность представляет анализ региональных различий в этой взаимосвязи, позволяющий выделить территории, где синхронизация с федеральной повесткой действительно способствует укреплению репутации, и те субъекты, где этот механизм не работает.

Таблица 3

Индекс репутации губернаторов ЦФО

ФИО руководителя субъекта	Субъект РФ	Индекс репутации
А. В. Гусев	Воронежская область	84
В. В. Шапша	Калужская область	84
В. Н. Анохин	Смоленская область	82
В. В. Гладков	Белгородская область	82
С. С. Собянин	Москва	82
Д. В. Миляев	Тульская область	80
Е. А. Первышов	Тамбовская область	80
П. В. Малков	Рязанская область	80
М. Я. Евраев	Ярославская область	77
И. М. Руденя	Тверская область	77
А. В. Богомаз	Брянская область	76
А. Е. Клычков	Орловская область	75
С. К. Ситников	Костромская область	75
А. А. Авдеев	Владимирская область	73
С. С. Воскресенский	Ивановская область	68
А. Ю. Воробьев	Московская область	62
А. Е. Хинштейн	Курская область	60
И. Г. Артамонов	Липецкая область	58

Основываясь на информации, приведенной в таблице 3, можно сделать вывод, что эмпирические данные выявляют слабую корреляцию ($r \approx 0,3$) между соответствием губернаторских медиадискурсов федеральной повестке (ρ) и их репутационными показателями, что указывает на второстепенную роль формальной лояльности в формировании политического имиджа. Наивысшие репутационные оценки (84) зафиксированы у губернаторов Воронежской ($\rho = 0,74$) и Калужской ($\rho = 0,82$) областей, демонстрирующих умеренное следование общенациональной тематике при активной работе с локальной проблематикой. В то же время максимальное соответствие ($\rho = 0,89$) губернатора Курской области сопровождается низкой репутацией (60), что свидетельствует о дисфункции механизма «лояльность – публичный имидж» при отсутствии содержательной адаптации федеральных нарративов к региональному контексту. Эти диспропорции подчеркивают сложный характер взаимосвязи между формальным соответствием и реальным репутационным капиталом в условиях современной российской политической системы.

Типологический анализ позволил выделить четыре группы региональных руководителей (табл. 4), демонстрирующих различные модели взаимодействия с федеральной повесткой.

Таблица 4

**Типология руководителей субъектов РФ
по характеру дискурсивной стратегии**

Группа	Характеристика	Представители (ρ/репутация)	Ключевые особенности
«Эффективные интеграторы»	Высокие показатели по обоим индексам	С. С. Собянин (0,92/82) В. В. Гладков (0,87/82) В. Н. Анохин (0,81/82)	Оптимальный баланс федеральной и региональной повестки. Успешная адаптация общенациональных нарративов к локальному контексту и решению региональных проблем
«Репутационные лидеры»	Низкое ρ, высокая репутация	А. В. Гусев (0,74/84) В. В. Шапша (0,82/84)	Акцент на локальных проблемах при базовой лояльности. Максимальные показатели репутационного капитала
«Формальные лоялисты»	Высокое ρ, низкая репутация	А. Е. Хинштейн (0,89/60) А. Ю. Воробьев (0,86/62)	Парадокс максимальной лояльности при низком репутационном капитале. Ограниченность формальных подходов
«Аутсайдеры»	Низкие показатели по обоим индексам	И. Г. Артамонов (0,77/58) С. К. Ситников (0,73/75)	Необходимость кардинального пересмотра медиа-стратегий. Низкая эффективность политических коммуникаций

В первую группу («эффективные интеграторы») вошли губернаторы, успешно сочетающие высокую степень медийной лояльности с устойчивыми репутационными позициями, что свидетельствует об их способности адаптировать общенациональные нарративы к локальному контексту. Вторую группу («репутационные лидеры») составили руководители, достигшие максимальных показателей публичной легитимности при относительно умеренном соответствии федеральному политическому медиадискурсу, что указывает на эффективность стратегий, делающих акцент на локальной проблематике при сохранении базовой лояльности. Третья группа («формальные лоялисты») демонстрирует парадоксальную ситуацию, когда максимальное следование федеральной повестке не конвертируется в репутационный капитал, выявляя тем самым ограниченность сугубо формальных подходов к

политическим коммуникациям. Четвертую группу («аутсайдеры») характеризуют низкие показатели по обоим индексам, что требует кардинального пересмотра их медиастратегий с учетом выявленных закономерностей.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать ряд принципиальных выводов о характере взаимосвязи между медийной лояльностью и репутационным капиталом региональных элит. Установлено, что формальное следование федеральной повестке (коэффициент детерминации $R^2=0,09$) не выступает достаточным условием формирования позитивного публичного имиджа, что опровергает упрощенные представления о механизмах политического позиционирования. Наиболее успешными в репутационном плане оказываются губернаторы, демонстрирующие умеренный уровень соответствия общенациональным трендам ($\rho=0,75-0,85$) при одновременной четкой ориентации на решение локальных проблем, что свидетельствует о продуктивности стратегий «избирательной интеграции». При этом гипертрофированное следование централизованному медиадискурсу ($\rho>0,85$) зачастую приводит к обратному эффекту – снижению репутационных показателей, что объясняется потерей связи с региональной спецификой и восприятием такой коммуникации как формальной. Особый интерес представляют исключения, наблюдаемые в регионах со специфическим статусом (столичный и приграничные субъекты), где действуют уникальные модели взаимодействия показателей, обусловленные как особым вниманием федерального Центра, так и спецификой местных политических контекстов. Эти выводы имеют большое значение для понимания реальных механизмов формирования политического капитала в условиях централизованной, но внутренне дифференцированной политической системы.

Таким образом, выдвинутая в начале исследования гипотеза в целом подтвердилась. В условиях современной России высокая степень дискурсивной синхронизации медиакоммуникаций региональных лидеров с федеральной (президентской) информационной повесткой может способствовать формальной демонстрации лояльности, но ее вклад в формирование легитимности является ограниченным и нелинейным. Полученные данные свидетельствуют о необходимости выработки сбалансированного подхода, исключающего как чрезмерный акцент на федеральной повестке в ущерб местной специфике, так и излишнюю локализацию политического дискурса. Особую ценность представляют кейсы Воронежской и Калужской областей, демонстрирующие оптимальную модель интеграции общенациональных и региональных приоритетов.

Методологически исследование подтверждает ограниченность традиционного «вертикального» подхода к анализу политических коммуникаций, подчеркивая критическую важность учета локального кон-

текста и специфики территорий при оценке эффективности дискурсивных стратегий региональных элит. Выявленные закономерности указывают на необходимость разработки дифференцированных подходов к формированию репутационного капитала руководителей субъектов РФ с учетом их позиционирования в выявленных типологических группах.

Список литературы

1. Балакина Ю.В., Соснин А.В., Туманова М.В. Стратегии легитимации и поддержания имиджа в дискурсе российских губернаторов во время пандемии COVID-19 // Вестник Пермского университета. Политология. 2022. Т. 16, №4. С. 5–14. doi: 10.17072/2218-1067-2022-4-5-16.
2. Батанина И.А., Лаврикова А.А. Влияние повестки дня на стратегии политического участия: возможности и ограничения // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 2. С. 3–9. doi: 10.24412/2071-6141-2021-2-3-9.
3. Бахлова О.В. Региональные политические элиты в системе коммуникаций федеративного государства // Регионоведение. 2011. №1 (74). С. 16–25.
4. Ван Дейк Т.А. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М., 2013.
5. Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация / пер. с англ.; сост. В.В. Петрова; под ред. В.И. Герасимова. М., 1989.
6. Гордышов М.С. Конструирование имиджа региональных органов исполнительной власти в условиях современных вызовов // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2023. Вып. 1 (314). С. 68–75. doi: 10.53598/2410-3691-2023-1-314-68-75.
7. Грачев М.Н. О новой интерпретации соотношения концепций «установление повестки дня» и фрейминга // Политика развития, государство и мировой порядок: матер. VIII Всерос. конгресса политологов / под общ. ред. О.В. Гаман-Голутвиной, Л.В. Сморгунова, Л.Н. Тимофеевой. М., 2018.
8. Ильина Е.М. Политика и управление в условиях цифровой трансформации: политологический ракурс искусственного интеллекта // *Ars Administrandi*. 2022. Т. 14, №3. С. 403–421. doi: 10.17072/2218-9173-2022-3-403-421.
9. Русакова О.Ф., Курильченко С.С. Политический медиадискурс: вопросы теоретико-методологического и регионального анализа // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2019. №4 (37). С. 28–48. doi: 10.24411/1817-9568-2019-10402.
10. Апрельский рейтинг репутации губернаторов 2025 // PRAVDASERM. URL: <https://www.pravdaserm.com/post/68189b342604b603649eabee> (дата обращения: 17.04.2025).
11. Сизоненко А.Ю., Гнедаш А.А., Катермина В.В. Сетевой дискурс и российский мэр: формирование цифровой социально-политической повестки дня в социальных сетях (опыт сетевого и лингводискурсивного анализа) // Вестник Чувашия государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2021. №3 (112). С. 100–111. doi: 10.37972/chgpu.2021.112.3.013.
12. Fairclough N. *Critical discourse analysis: papers in the critical study of language*. N. Y., 1995.
13. McCombs M.E., Shaw D.L. Structuring the «Unseen Environment» // *Journal of Communication*. 1976. Vol. 26, №2. P. 18–22.
14. McCombs M.E., Shaw D.L. The Agenda-Setting Function of Mass Media // *Public Opinion Quarterly*. 1972. Vol. 36. P. 176–187.

15. Theocharis Y., Koc-Michalska K., Bimber B., Boulianne Sh. Platform affordances and political participation: how social media reshape political engagement // *West European Politics*. 2023. Т. 46, №4. P. 788 – 811. doi: 10.1080/01402382.2022.2087410.

Об авторах

Анастасия Александровна Лаврикова — д-р полит. наук, доц., проф. кафедры социологии и политологии, Тульский государственный университет, Тула, Россия.

E-mail: lavrikova-a-a@yandex.ru

Дмитрий Сергеевич Тетерук — асп., Тульский государственный университет, Тула, Россия.

E-mail: dtet@mail.ru

107

A. A. Lavrikova, D. S. Teteruk

PECULIARITIES OF THE POLITICAL MEDIA DISCOURSE AS A FACTOR IN FORMING REPUTATIONAL CAPITAL OF THE HEADS OF SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION (BY THE EXAMPLE OF THE CENTRAL FEDERAL DISTRICT REGIONS)

Tula State University, Tula, Russia

Received 14 June 2025

Accepted 24 July 2025

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-3-8

To cite this article: Lavrikova A. A., Teteruk D. S., 2025, Peculiarities of the political media discourse as a factor in forming reputational capital of the heads of subjects of the Russian Federation (by the example of the Central Federal District regions), *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №3. P. 96 – 108. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-3-8.

The article examines the influence of the political media discourse of regional leaders on the formation of their reputational capital within a centralized political system. Using the example of the subjects of the Central Federal District, the authors analyze the relationship between the content of governors' public speeches and their public perception. The study is based on a content analysis of materials from federal mass media and social networks, which made it possible to identify various strategies of media communication employed by regional leaders. It is established that formal alignment with the information agenda of the federal center is not a sufficient condition for building positive reputational capital. The key finding of the research indicates that governors who combine moderate adherence to nationwide themes with active engagement in solving local problems achieve the greatest success in strengthening their public image. Excessive orientation toward the federal agenda, on the contrary, often leads to a decline in reputational indicators. The proposed methodology for analyzing media discourse can serve as a tool for assessing the effectiveness of communication strategies of regional elites. The study emphasizes the importance of a balanced approach that takes into account the specific characteristics of territories in shaping the public image of political authority.

Keywords: political media discourse, information agenda, political communications, regional elites, reputational capital, political image

The authors

Prof. Anastasia A. Lavrikova, Associate Prof., Prof. at the Department of Sociology and Political Science, Tula State University, Tula, Russia.

E-mail: lavrikova-a-a@yandex.ru

Dmitry S. Teteruk, PhD Student at the Department of Sociology and Political Science, Tula State University, Tula, Russia.

E-mail: dtet@mail.ru

А. И. Кольба, А. Д. Лалетина

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС
В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИЯХ ЛОКАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ**

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

Поступила в редакцию 17.06.2025 г.

Принята к публикации 15.07.2025 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-3-9

109

Для цитирования: Кольба А. И., Лалетина А. Д. Политический дискурс в интернет-коммуникациях локальных сообществ: теоретические основы исследования // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2025. №3. С. 109–123. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-3-9.

Исследуются основные подходы к определению и исследованию политического дискурса. Выявляются концептуальные составляющие его анализа в контексте политических отношений, когда дискурс рассматривается не только как процесс передачи информации и ее обсуждения, но и как властная коммуникация. Определяются изменения характеристик и значения политического дискурса, связанные с цифровизацией взаимодействий между акторами политики, в том числе расширение числа участников интернет-коммуникаций за счет представленности «непрофессиональных» субъектов. К таковым могут быть отнесены и локальные сообщества, возникающие на основе территориальной общности, идентичности, символического пространства. За счет использования цифровых платформ и площадок взаимодействия они становятся полноправными участниками политических процессов на местном и региональном уровнях. Участие такого типа отличает возможность быстрого переключения между режимами «соседского» общения и гражданских инициатив, в том числе политического характера. Коммуникации такого рода создают основу для укрепления гражданской солидарности, но могут также содержать конфликтные составляющие, связанные с гражданской репрезентацией сообществ.

Ключевые слова: политический дискурс, локальные сообщества, цифровизация, коммуникация, гражданская солидарность, конфликт

Введение

В последние десятилетия социальные сети и мессенджеры становятся новым пространством создания настроений и взглядов, непрерывного обмена информацией и включения новых участников в политический дискурс. Интернет-платформы функционируют не только как площадки общественного диалога, но и как важный инструмент политической мобилизации, а также формирования общественного мнения.

Традиционная иерархическая модель распространения информации в таких условиях постепенно уступает ведущую роль новым цифровым платформам, которые создают собственную сетевую архитектуру. Это способствует процессу децентрализации политического дискурса посредством активного включения различных акторов: блогеров, гражданских активистов, корпоративных структур и др. На цифровых площадках формируются и артикулируют политические нарративы, распространяющиеся в режиме реального времени и создающие новые тематики публичных дискуссий. Традиционные субъекты формирования политического дискурса постепенно утрачивают монополию на информационное влияние.

При этом нарастающий разрыв между гражданами и институтами власти, который усугубляется отсутствием налаженного диалога в цифровом пространстве, является значимой социальной проблемой в текущем политическом процессе. Вместо устойчивой обратной связи и взаимодействия с властью интернет-дискурс все чаще становится инструментом выражения недоверия, фрустрации и общественной мобилизации на фоне негативных событий, что усиливает поляризацию гражданского общества и создает риски для стабильности институтов. Цифровые платформы создают двойственный эффект: они могут как способствовать консолидации общества, так и усиливать его раскол.

Локальные сообщества, формирующиеся в городах и сельских поселениях, также получают новые возможности и сталкиваются с новыми проблемами. Поскольку цифровые платформы позволяют в режиме реального времени производить, потреблять контент и делиться им, те, кто ранее был на периферии политического дискурса, получили возможность транслировать свое мнение и находить потенциальных единомышленников. При этом расширяются возможности для дезинформации и манипуляции общественным мнением.

Таким образом, политический дискурс, формируемый в цифровом пространстве посредством интернет-коммуникаций, становится важной составляющей определения реакций и оценок локальных сообществ и их отдельных представителей по отношению к событиям и явлениям в различных сферах их жизнедеятельности, в частности проектам развития территорий. При этом теоретические основания его исследования, на взгляд авторов, остаются в недостаточной степени определенными. Решению этой проблемы посвящено настоящее исследование.

Степень изученности проблемы

В научном сообществе сформировалось несколько подходов к определению политического дискурса. В современных исследованиях часто применяется мультипарадигмальный подход, который стремится объединить инструменты из различных областей науки. Так, политическая лингвистика [1–4] опирается на изучение когнитивных процессов, лежащих в основе формирования и восприятия политических сообще-

ний. Главной задачей политической лингвистики является выявление способов восприятия и обработки информации человеком. Социолингвистика [5–8] фокусируется на изучении влияния социальных факторов на язык и коммуникацию. Особое внимание уделяется вопросам легитимации власти через язык, а также тому, как дискурсы воспроизводят социальную и политическую иерархию. Критический дискурс-анализ [1; 9; 10] основывается на исследовании того, как язык способствует установлению и укреплению власти в обществе. Анализ символических процессов, под влиянием которых происходит формирование политического дискурса, реализуется в рамках семиотики и лингвосомиотики [11–14]. В фокусе данных направлений находится изучение роли знаков и символов в процессе.

Процессы коммуникации в сетевом обществе были широко рассмотрены в ряде работ [15–17]. В рамках сетевого подхода изучаются различные аспекты трансформации социально-политических процессов, которые связаны с внедрением цифровых технологий. Так, М. Кастельс подчеркивает, что в сетевом обществе информация становится ключевым ресурсом, а коммуникационные сети определяют социальные, экономические и политические процессы [15].

Анализ коммуникативных стратегий и тактик [18–21] сосредоточен на исследовании конкретных методов, используемых для достижения целей в политической коммуникации, что включает в себя изучение вербальных и невербальных приемов, стратегий манипуляции, ведения переговоров и управления конфликтами. В рамках данного подхода также изучаются способы поддержания диалога, управления вниманием и формирования общественного мнения через различные медийные и коммуникационные платформы.

Особое место в современных исследованиях занимает критический дискурс-анализ, получивший развитие в работах Т. ван Дейка, Р. Водак, Т. ван Левена и Н. Фэркло [1; 10; 25–27]. Согласно Н. Фэркло [26], дискурс представляет собой не только отражение социальной реальности, но и активный инструмент ее конструирования. Он подчеркивает, что дискурсивные практики могут как легитимировать, так и подрывать существующие властные порядки, а потому изучение языковых стратегий — важный инструмент в анализе общественно-политических процессов.

Концептуальная рамка исследования

Центральное место в теоретико-методологической базе исследования занимает концепция Н. Фэркло, согласно которой власть постоянно воспроизводится в дискурсивной практике, а ее легитимность либо укрепляется, либо подрывается посредством языковых стратегий, применяемых как институтами, так и гражданами. В данном контексте особое внимание уделяется таким дискурсивным стратегиям, как авторизация, моральная оценка, рационализация (по классификации Т. ван Левена), с помощью которых участники дискурса оправдывают или критикуют властные решения.

Используется также концепция публичной сферы Ю. Хабермаса, в которой интернет-пространство рассматривается как новая коммуникативная среда, формирующая альтернативные общественные арены для обсуждения политически значимых вопросов. Важную роль в интерпретации дискурсивных практик играет теория сетевого общества М. Кастельса, акцентирующая внимание на том, что в эпоху цифровизации коммуникационные сети становятся ключевыми факторами политической мобилизации и формирования общественного сознания.

Критический дискурс-анализ в интерпретации Н. Фэркло, Р. Водак, Т. ван Дейка и Т. ван Левена позволяет выявить скрытые властные отношения, идеологические установки и способы делегитимации власти, реализуемые через язык участников онлайн-дискуссий.

Политический дискурс: концептуальные аспекты

Понятие «дискурс» прочно укоренилось в современной науке; однако ввиду широкого распространения данного термина возникают многочисленные интерпретации в его определении и анализе. М. Фуко дает следующее определение дискурса: «Дискурс представляет собой совокупность высказываний относительно той или иной области и структурирует способ говорения на ту или иную тему, о том или ином объекте, процессе» [22]. Фуко подчеркивает, что дискурс не только описывает реальность, но и формирует ее, в процессе чего создаются определенные рамки восприятия и понимания окружающего мира.

Т. ван Дейк обращает внимание на то, что большинство исследований, которые посвящены изучению политического дискурса, направлены именно на анализ высказываний, текстов профессиональных политиков и политических институтов. Как заключает ван Дейк, это самый простой путь изучения политического дискурса; однако не только политики и политические институты являются акторами политического процесса, в него также включены различные участники политической коммуникации: граждане, массы и иные группы и категории. Поэтому трудность в раскрытии понятия политического дискурса заключается в том, что исследователи по-разному определяют границы поля политики. Т. ван Дейк отмечает следующее: чем шире определение политики, тем значительно расширяется объем того, что включает в себя политический дискурс [1].

Ю. Хабермас под дискурсом понимает диалог, в процессе которого происходит согласование спорных притязаний. С точки зрения концепции этики дискурса такой диалог должен происходить без насильственного принуждения, посредством победы лучшего аргумента. Собственно в этом заключается основание делиберативной демократии — ее участники принимают сам факт существования «ненасильственного принуждения». Концепция этики дискурса строится на принципах справедливости и солидарности; подобный подход предполагает формирование общих принципов и правил [23].

П. Чилтон отмечает, что дискурс всегда наполнен властными средствами и символами. Именно поэтому каждый гражданин должен быть готов к тому, чтобы не только распознать «факты», но и критически оценить скрытые намерения и манипуляции, которыми наполнены политические высказывания. В рамках концептов когнитивной лингвистики он рассматривает такие факторы дискурса, как пространство, векторы и координаты. Иначе говоря, субъект при анализе высказываний или текстов (то есть дискурса как такового) мысленно организует полученную информацию по трем параметрам: пространству, времени и модальности. Таким образом, он может быть рассмотрен лишь в совокупности с тем, где и когда и происходят события, заложенные в дискурс, и насколько эти события реальны или возможны [24].

Например, если событие подается как происходящее «где-то далеко», оно воспринимается менее значимым или менее угрожающим, чем то, что описано как происходящее «здесь и сейчас». Более того, модальность (степень уверенности или гипотетичности высказывания) задает рамку интерпретации — «это может случиться», «это уже происходит», «это неизбежно», что вызывает разную эмоциональную и рациональную реакцию.

Еще одним важным элементом в данной модели является понятие вектора дискурса, отражающее направленность утверждений и аргументации. Политическое высказывание практически всегда направлено на «кого-то» или «против кого-то», конструируя тем самым образ врага или союзника, будущего или прошлого. Эта направленность формирует когнитивную карту, по которой человек неосознанно ориентируется в социальной и политической реальности. Например, указание на то, что «власть бездействует» (вектор от народа к власти) или «общество не поддерживает реформы» (вектор от власти к народу) создает разные рамки интерпретации одного и того же события.

Подход Н. Фэркло базируется на представлении языка и дискурса как способе поддержания социальных властных отношений, идеологий и идентичности. В этой связи необходимо упомянуть о синтезе лингвистического анализа и социальной теории, поскольку именно междисциплинарность способна обеспечить более полное понимание дискурса как продукта и механизма власти. Соответственно, дискурс — это не просто отражение социальных структур, но и активный фактор их воспроизводства и трансформации. Таким образом, модель критического дискурс-анализа Н. Фэркло основывается на пересечении трех измерений: текстовом анализе, дискурсивных практиках и социальных практиках.

Текстовый анализ охватывает микроуровень дискурса, исследуя, как лексика, грамматические структуры, метафоры формируют смыслы. Анализируя заголовки британских газет, Фэркло демонстрирует [25], как лексический выбор создает определенную интерпретацию событий. Например, использование пассивных конструкций позволяет при описании каких-либо событий скрыть действующий субъект и сместить акцент с ответственности на событие. Номинализация как грам-

матическая конструкция дает возможность сместить внимание с субъективных мотивов на объективное описание, которое создает образ неизбежности и нейтральности описываемого явления. Именно на микроуровне возникают важные элементы формирования у читателя определенных ассоциаций и оценок, что, в свою очередь, отражается на том, как в дальнейшем будет интерпретировано то или иное событие общественным сознанием.

Н. Фэркло подчеркивает [26], что тексты производятся специфическими способами и потребляются в конкретных социальных контекстах. Некоторые тексты (официальные интервью, государственные отчеты) записываются, транскрибируются, сохраняются и перечитываются, тогда как другие (неофициальные беседы, повседневные разговоры) являются преходящими, нефиксируемыми. Таким образом, дискурсивные практики определяют не только форму и содержание текста, но и его влияние на социальную реальность, поскольку обеспечивают циркуляцию идеологических компонентов в различных сферах общественной жизни. На уровне социальной практики дискурс неразрывно связан с властными процессами и воспроизводством социальной структуры. Фэркло указывает на неразрывность и взаимозависимость дискурсивных процессов и более широких социальных контекстов, поскольку процессы производства и интерпретации текстов социально ограничены в двойном смысле. Во-первых, они ограничены доступными ресурсами: нормами, структурами и правилами, регулирующими производство и распространение текста. Во-вторых, обусловлены конкретной социальной практикой, в рамках которой эти ресурсы могут быть использованы. Дискурс является не просто средством передачи информации, а важнейшим инструментом социального контроля и воспроизводства власти. В этой связи особое значение приобретает анализ того, как дискурсы структурируют представления о легитимности, власти и идентичности в различных институциональных контекстах.

Подход Р. Водак [27] (дискурс-исторический анализ), как и модель Н. Фэркло, основан на критической интерпретации дискурса как социально встроенной практики, однако имеет ряд принципиальных отличий. Согласно Р. Водак, каждый дискурс укоренен в определенной историко-культурной конъюнктуре, и его понимание невозможно без реконструкции соответствующих контекстов и политических процессов.

Одним из ключевых положений дискурс-исторического подхода является идея о том, что дискурсы представляют собой формы борьбы за интерпретацию социальной реальности. В этой борьбе различные акторы используют стратегии легитимации и делегитимации, конструируя образы «своих» и «чужих», формируя коллективные идентичности, мобилизуя символические ресурсы. Особое внимание Водак уделяет вопросам расизма, национализма, антисемитизма и иных форм исключения. Таким образом, исследователь подчеркивает способность языковых практик закреплять и воспроизводить иерархии в обществе.

Особое значение в дискурс-историческом подходе придается множественности уровней анализа. Исследование дискурса ведется не

только на уровне текста, но и с обязательным учетом социокультурных, институциональных и политических факторов, влияющих на производство и восприятие текста. Предполагается, что каждый анализируемый фрагмент речи должен быть помещен в контекст — исторический, политический, медиапространственный. Например, риторика о «национальных интересах» или «традиционных ценностях» анализируется не в отрыве, а в связи с актуальной политической ситуацией и культурными кодами, которые формируют соответствующий нарратив.

Аргументационные схемы и топосы (общие места), используемые для убеждения, также занимают центральное место в данном подходе. Топосы выступают в качестве логически связывающих звеньев между утверждением и выводом и нередко принимают форму широко распространенных общественных мнений или стереотипов. Например, топос «опыта» (*«мы уже проходили через это, и потому не должны допускать повторения ошибок»*) активно применяются в политических дискурсах для легитимации решений, усиления страха или мобилизации поддержки. Именно благодаря выявлению таких схем появляется возможность понять систему устройства стратегии убеждения и навязывания определенной картины мира.

Важнейшей чертой подхода Р. Водак является его интервенционистский характер: критический дискурс-анализ не просто описывает языковые структуры, но и стремится к трансформации социальной реальности через раскрытие механизмов доминирования и дискриминации. Исследовательская позиция предполагает не нейтральность, а осознанную ориентацию на разоблачение властных асимметрий, закрепленных в языке. Именно поэтому дискурс-исторический анализ активно применяется при исследовании политической пропаганды, предвыборных риторик, радикальных движений.

Обобщая ключевые характеристики публичного дискурса, выделяемые в различных направлениях исследований, необходимо отметить следующее.

Во-первых, дискурс понимается не просто как отражение реальности, но как средство, с помощью которого акторы могут формировать эту реальность. Исходя из этого можно утверждать, что язык выступает не только инструментом обеспечения взаимодействия, но и властным инструментом. Также изучение дискурсивных практик интересно для описания и переопределения некоторых позиций. Изменение позиции актора, убеждение одних групп, исключение других, установление доминирующей группы — это процессы, которые непосредственным образом влияют на распределение позиции на политической арене.

Авторы дискурсивного подхода подчеркивают, что когнитивные рамки акторов всегда частичны и предвзяты. Применительно к общественным проблемам данный принцип можно проследить в многочисленных исследованиях публичной политики. Начиная с работ Г. Лассуэлла, П. Бахраха и М. Бараца в политической науке появляется мнение [28], что возможность превращения проблемы в политическую повестку определяется не объективной ценностью, а способностью акторов характеризовать и продвигать ее как важную общественную проблему.

Во-вторых, дискурс можно понять только через социальные практики, в которые они встроены. Хотя понятие дискурса включает в себя идеи, представления, формы знания, ценности, убеждения и нормы, оно также неразрывно связывает эти элементы с говорящими. Дискурсивные практики понимаются как взаимодействия, включающие множество элементов: обмен содержанием, намерениями, идентичностями, позициями и властью.

Трансформация политического дискурса в период цифросетевизации общества

116

Современное интернет-пространство кардинально изменило способы формирования и передачи политического дискурса. Рост числа пользователей Интернета в совокупности с непрерывным развитием информационно-коммуникационных технологий повлиял на процесс политической коммуникации. Политическая коммуникация вышла за рамки традиционных медиа и вступила в эпоху безграничных возможностей потребителей и производителей информации. Новая реальность, в которой информация распространяется мгновенно и не требует больших затрат, способствует формированию динамичных дискурсов, которые могут приспосабливаться к быстро изменяющейся социально-политической среде.

Одна из ключевых особенностей трансформации политического дискурса в интернет-пространстве — его децентрализация. В традиционных медиа политический дискурс контролировался узкой группой элит (и это является отражением теории К. Дойча), в качестве которой выступали как государственные органы, так и крупные медийные корпорации. С появлением Интернета и его внедрением в повседневную жизнь человека появилась надежда, что эта монополия может быть разрушена. Новые платформы, такие как социальные медиа, блоги, форумы, позволили каждому желающему участвовать в формировании общественного мнения.

Появление социальных медиа изменило способы потребления человеком политических новостей и информации, что оказало влияние на политическое участие и взаимодействие. Получение информации в реальном времени и открытость новых платформ позволяют пользователям потреблять любой контент, в том числе и политический, и делиться им. В результате те, кто ранее был на периферии политического дискурса, получили возможность транслировать свое мнение в общество и находить потенциальных единомышленников.

В то же время быстрое развитие и расширение социальных сетей подвергло общество новым угрозам. Дезинформация и пропаганда, которые в любом виде, даже вне интернет-пространства, подрывают демократические процессы, могут активно продвигаться при помощи алгоритмов, создающих «эхо-камеры». Эти алгоритмы действуют таким

образом, что пользователи видят только ту информацию, которая подтверждает собственные убеждения, укрепляя эти взгляды и закрывая доступ к альтернативным мнениям¹.

Наравне с дезинформацией и пропагандой ключевым аспектом изменения политического дискурса в интернет-пространстве является феномен «цифрового популизма». Новые возможности для взаимодействия с электоратом получили те политические деятели, которые стремятся привлечь аудиторию посредством упрощенных и эмоционально насыщенных сообщений. По данным исследования С. Энгессера [29], политики популистского толка активно используют социальные сети для продвижения антиэлитарных и националистических риторик, что способствует усилению их связи с «народом» и подчеркивает разрыв между элитой и гражданами. Д. Кальдейра считает², что, например, события в Вашингтоне после поражения Трампа на президентских выборах в 2020 г. демонстрируют политическое влияние и манипулятивный характер, которые могут иметь размещаемые в социальных сетях посты. Опубликованные в тот период в Твиттере сообщения Д. Трампа привели к блокировке его аккаунта из-за риска «подстрекательства к насилию»³.

Трансформация политического дискурса в цифровом пространстве также связана с изменением ролей различных акторов и их ответственностью. Социальные сети стали платформами, которые позволяют активно участвовать в публичном обсуждении не только политическим лидерам, но и обычным гражданам. Это способствовало с одной стороны демократизации политической коммуникации, а с другой — привлечению маргинализированных групп. Регулирование содержания распространяемой в интернет-пространстве информации является новым вызовом для государств и международных организаций, поскольку некоторые исследования указывают [30] на то, что глобальные платформы сталкиваются с проблемами модерации контента и фильтрации дезинформирующих сообщений и сообщений пропагандистского толка.

Интернет также способствовал глобализации политического дискурса: события в одной части мира практически мгновенно становились обсуждаемыми по всему миру, что привело к увеличению трансграничного обмена идеями, тактиками и стратегиями по дальнейшим действиям. Однако такой эффект создал благоприятные условия для усиления глобальных конфликтов и вмешательства в политические процессы других государств.

¹ *The Power of Social Media: Shaping Political Discourse in the Digital Age*. Modern Diplomacy. URL: <https://moderndiplomacy.eu/2023/05/11/the-power-of-social-media-shaping-political-discourse-in-the-digital-age/> (дата обращения: 22.04.2024).

² *Understand what Digital Populism is and how it has affected our decisions*. The Institute for Research on Internet and Society. URL: <https://irisbh.com.br/en/understand-what-digital-populism-is-and-how-it-has-affected-our-decisions/> (дата обращения: 06.05.2024).

³ *Twitter навсегда заблокировал аккаунт Трампа* // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/09/01/2021/5ff8f6599a7947cb28665d7e> (дата обращения: 06.05.2024).

За последние годы академическое сообщество пополнилось новыми направлениями исследования, в том числе появились новые взгляды на природу политического дискурса. Если ранее политический дискурс рассматривался лишь как институциональный конструкт, то сегодня исследователи разделились во мнениях о том, кто выступает субъектом формирования политического дискурса. Как уже отмечалось выше, развитие интернет-коммуникации напрямую влияет на глобальные изменения политического пространства, придавая ему публичный характер. Например, в российском академическом сообществе появилась концепция непрофессионального политического дискурса, автором которой выступает И. В. Савельева [31]. Согласно данному подходу политический дискурс может формироваться не только элитами, политическими институциями и традиционными медиаплатформами, но и так называемыми непрофессиональными акторами – рядовыми пользователями социальных сетей, блогерами. Автор подчеркивает, что подобный дискурс обладает своими устойчивыми характеристиками: выраженной аффективностью, ситуативностью, фрагментарностью и высокой степенью вовлеченности. Это позволяет рассматривать его не как маргинальный, а как полноценный пласт политической коммуникации, который в условиях цифровой среды способен не только отражать, но и моделировать повестку.

Локальные сообщества в цифровой среде политического дискурса

В современном обществе цифровые инфраструктуры во многом стали социальными структурами. Они полностью интегрированы в структуру общества и повседневную жизнь его участников. Цифровые среды трансформируются из инструмента коммуникации в действительные платформы социогенеза, на которых не только реализуется процесс передачи информации, но и происходит становление новых полноправных пространств формирования социальных связей, норм, идентичностей и символической власти.

Исследователи отмечают, что развитие интернет-коммуникаций привело к возникновению новых возможностей политического участия граждан на локальном уровне. Сетевое пространство является не только ареной символического действия, но и реальной площадкой для выработки и реализации публичной политики. На примере общественного движения «Помоги городу» автор определяет ключевые моменты трансформации сетевых сообществ в субъекты городской политики. Такие сообщества, используя безграничный потенциал онлайн-коммуникаций, становятся медиаторами между гражданским обществом, бизнесом и властью, формируя тем самым устойчивую гражданскую активность и оказывая влияние на процессы градостроительного планирования и экологической политики региона.

И. В. Савельева выделяет [31] особую форму коммуникативной активности – непрофессиональный политический дискурс, который су-

ществует в спонтанных практиках цифрового общения и соотносится с комментариями к каким-либо политическим событиям. Такие формы дискурса становятся значимым механизмом формирования и трансляции общественно-политических смыслов, поскольку процесс интерпретации политических событий сопровождается активным выражением гражданских позиций и оценок. В отличие от институционального дискурса, который, как правило, ориентирован на официальные нарративы и строго структурированные форматы коммуникации, непрофессиональный политический дискурс характеризуется высокой степенью прагматической направленности и реактивности. Он существует в форме стихийных комментариев, обсуждений в социальных сетях и мессенджерах, которые отражают как индивидуальные переживания пользователей, так и коллективные настроения, формируя своеобразные очаги локальной публичности.

Одной из наиболее актуальных сфер, в которой проявляются указанные выше трансформации политического дискурса, является деятельность локальных цифровых сообществ, возникающих на разных платформах. Локальное сообщество можно рассматривать как некую общность людей, объединенных территориальной привязкой или локальной идентичностью. Если говорить о локальном цифровом сообществе, то некоторые исследователи [32] рассматривают его как новую форму «соседства» в сети, которая постепенно заменяет традиционные формы офлайн-взаимодействия соседей. Локальные цифровые сообщества становятся более влиятельными, поскольку берут на себя роль классических соседских коммуникаций, перенося их в онлайн-пространство.

Необходимо выделить ключевые признаки локального цифрового сообщества. Во-первых, это территориальная основа и/или локальная идентичность. Как правило, участников объединяет связь с определенным местом, например с районом города, населенным пунктом и т.п. Важным отличием от прочих интернет-групп является проживание в одной конкретной географической точке или же эмоциональная привязанность к ней¹. Это формирует особое чувство общности и доверия между участниками, близкое к традиционному соседству. Одновременно локальность может быть и символической: объединение вокруг образа места, локальной культуры (например, группа земляков, проживающих в разных городах, но считающих себя частью родного района в символическом плане). Во-вторых, общая повестка и содержание. Коммуникация в таких сообществах фокусируется на местных новостях, бытовых вопросах и проблемах, актуальных для данной локальной группы. В локальных группах в социальных сетях и мессенджерах обсуждаются вопросы своего двора или населенного пункта/города — от коммунальных проблем (качество дорог, благоустройство, ЖКХ) до мероприятий и происшествий. Тематика обычно носит «соседский»

¹ *Соседский чат*: по каким правилам живут и умирают локальные сетевые сообщества // Милосердие.ru. URL: <https://shorturl.at/WVXJw> (дата обращения: 04.04.2025).

характер, но может включать и элементы гражданской коммуникации — обсуждение действий местных властей, общественных инициатив и др. Так, А. В. Павлов заключает [33], что локальные городские онлайн-сообщества балансируют между форматами «соседского» общения и гражданского участия, выступая то как площадки для дружеского обмена бытовой информацией, то как медиа-ресурс для распространения информации о местных проблемах.

Процессы происхождения политических смыслов в подобных сообществах носят двойственный характер: с одной стороны, выражение конфликтных позиций осуществляется преимущественно через критику местных властей и социальной ситуации в целом, с другой — возможна активизация интеграционных практик, связанных с поддержкой общественных инициатив и формированием коллективной идентичности.

Локальные сообщества играют все более заметную роль в процессе формирования политического дискурса на местном уровне. Посредством цифровых платформ граждане участвуют в создании, трансляции и преобразовании политических смыслов — от обсуждения локальных проблем до влияния на более широкий общественный нарратив. Это происходит прежде всего благодаря свободному обмену информацией, поскольку сообщества становятся тем самым пространством, где рождаются новые интерпретации общественно-политических событий.

Заключение

Анализ интернет-коммуникаций локальных сообществ предоставляет возможность выявить устойчивые паттерны политического поведения, а также характерные формы выражения гражданской позиции в ответ на ключевые управленческие инициативы. Такие коммуникации отражают не только региональную специфику и локальную повестку, но и глубинный культурный код, ментальные представления о власти, коллективной ответственности и допустимых формах протеста. Цифровое взаимодействие все чаще выполняет функции «сетевой витрины» гражданской субъектности, в которой артикулируются требования, сомнения, возмущения, а порой и альтернативные проекты будущего. Поэтому политический дискурс, возникающий внутри сетевых сообществ, следует рассматривать как полноценную форму гражданской репрезентации. Коммуникативные практики не ограничиваются выражением мнения, поскольку они могут трансформироваться в политическое действие: от сбора подписей до прямого участия в публичных слушаниях или гражданских инициативах. Тем самым цифровой дискурс перестает быть вторичной реакцией на действия власти и приобретает проактивный характер, формируя контуры альтернативной легитимности.

Таким образом, интернет-коммуникации локальных сообществ представляют собой сложную систему политического дискурса, в которой

переплетаются ценностные установки, эмоциональные реакции и прагматические действия. Анализ дискурса позволяет выявить реальные настроения граждан, механизмы формирования общественного мнения и перспективы развития локальных гражданских обществ в условиях цифровой среды.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда и Кубанского научного фонда в рамках проекта №24-18-20079 «Городские и сельские сообщества в политике развития Краснодарского края: практики солидарности и конфликтности» (<https://rscf.ru/project/24-18-20079/>).

Список литературы

121

1. Ван Дейк Т. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М., 2013.
2. Золян С.Т. Дискурс, язык, языковая деятельность // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин : сб. науч. тр. 2020. Вып. 10. С. 212 – 242.
3. Wodak R. The Discourse of Politics in Action: Politics as Usual. Basingstoke, 2020.
4. Chomsky N. Language and Other Cognitive Systems. What Is Special About Language? // Language Learning and Development. 2011. Vol. 7. P. 263 – 278.
5. Бурдые П. Социология политики. М., 1993.
6. Фуко М. Дискурс и истина // Логос. 2008. №2. С. 159 – 262.
7. Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности. М., 2022.
8. Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. М., 1995.
9. Reisigl M., Wodak R. The Discourse-Historical Approach (DHA) // Methods of Critical Discourse Analysis. L., 2009. P. 87 – 121.
10. Van Leeuwen T. Discourse and Practice: New Tools for Critical Discourse Analysis. Oxford, 2008.
11. Barthes R. Mythologies. N.Y., 2009.
12. Eco U. A Theory of Semiotics. Bloomington, 1976.
13. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2000.
14. Шейгал Е.И. Семантика политического дискурса. М., 2004.
15. Кастельс М. Власть коммуникации. М., 2011.
16. Hoffmann M., Liu J., Neumayer C., Trenz H.J. Social media and political contention – challenges and opportunities for comparative research // Journal of Information Technology & Politics. 2024. Vol. 21 (3). P. 209 – 217.
17. Lilleker D. Political Communication and Cognition. L., 2014.
18. Луман Н. Реальность массмедиа. М., 2005.
19. Бокмельдер Д.А. Стратегии убеждения в политике: анализ дискурса на материале современного английского языка : дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2000.
20. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия. М., Наука, 2006.
21. Прохоров Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс. М., 2004.
22. Фуко М. Археология знания. СПб., 2004.
23. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2001.
24. Chilton P. Language, space and mind: The conceptual geometry of linguistic meaning. Cambridge, 2014.
25. Fairclough N. Language and power. L., 1989.

26. Fairclough N. *Discourse and Social Change*. Cambridge, 1992.
27. Wodak R., Meyer M. *Critical Discourse Analysis: History, Agenda, Theory, and Methodology* // R. Wodak, & M. Meyer (eds.). *Methods for Critical Discourse Analysis*. L., 2009. P. 1–33.
28. Bandelow N. C., Schubert K. *Lehrbuch der Politikfeldanalyse*. München, 2014.
29. Engesser S. Populism and social media: how politicians spread a fragmented ideology, *Information / Communication & Society*. 2017. Vol. 20 (8). P. 1109–1126.
30. Aïmeur E. Fake news, disinformation and misinformation in social media: a review // *Social Network Analysis and Mining*. 2023. Vol. 13 (30). P. 1–36.
31. Савельева И. В. Непрофессиональный политический дискурс: лингво-прагматический и лингвоперсонологический аспекты. СПб., 2021.
32. Островский А. Н., Мамедов А. Э., Островская М. А., Ширяев В. Ю. Локальные группы в социальных сетях: новые местные сообщества, социальные медиа или плацдарм цифрового активизма // *Социальная политика и социология*. 2021. Т. 20, №1 (138). С. 160–168. doi: 10.17922/2071-3665-2021-20-1-160-168.
33. Павлов А. В. Локальные городские сообщества в социальных сетях: между «соседской» и «гражданской» коммуникацией // *Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований*. 2016. № 5. С. 46–57.

Об авторах

Алексей Иванович Кольба — д-р полит. наук, доц., проф. кафедры государственной политики и публичного управления, Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия.

E-mail: alivka2000@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7663-8890

Алина Дмитриевна Лалетина — аспирант, Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия.

E-mail: laletina209@gmail.com

ORCID: 0009-0005-8719-100X

A. I. Kolba, A. D. Laletina

POLITICAL DISCOURSE IN INTERNET COMMUNICATIONS OF LOCAL COMMUNITIES: THEORETICAL BACKGROUND

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Received 17 June 2025

Accepted 15 July 2025

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-3-9

To cite this article: Kolba A. I., Laletina A. D., 2025, Political discourse in Internet communications of local communities: theoretical background, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №3. P. 109–123. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-3-9.

The article examines the main approaches to defining and studying political discourse. It identifies the conceptual components of its analysis in the context of political relations, where discourse is regarded not only as a process of transmitting and discussing information but also as a form of power communication. Changes in the characteristics and meaning of politi-

cal discourse are outlined in connection with the digitalization of interactions among political actors, including the expansion of internet communications through the participation of “non-professional” subjects. These may include local communities formed on the basis of territorial commonality, identity, and symbolic space. By using digital platforms and channels of interaction, such communities become full-fledged participants in political processes at the local and regional levels. Their participation is characterized by the ability to shift rapidly between modes of “neighborly” communication and civic initiatives, including those of a political nature. Such communications provide a foundation for strengthening civic solidarity but may also include conflictual elements linked to the civic representation of communities.

Keywords: political discourse, local communities, digital networking, communication, civil solidarity, conflict

The authors

Prof. Alexey I. Kolba, Associate Prof., Prof. of the Department of Public Policy and Public Administration, Kuban State University, Krasnodar, Russia.

E-mail: alivka2000@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7663-8890

Alina D. Laletina, PhD Student, Kuban State University, Krasnodar, Russia.

E-mail: laletina209@gmail.com

ORCID: 0009-0005-8719-100X

ТРЕБОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ВЕСТНИКЕ БФУ им. И. КАНТА

Серия: Гуманитарные и общественные науки

Правила публикации статей в журнале

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.

2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично без согласия редакции.

3. Рекомендованный объем статьи — не менее 20 тыс. знаков с пробелами.

4. Все присланные в редакцию работы проходят двойное «слепое» рецензирование, а также проверку системой «Антиплагиат», по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал. Рецензентами выступают как члены редакционной коллегии журнала, так и внешние эксперты.

5. Статьи на рассмотрение принимаются в режиме онлайн. Для этого авторам нужно зарегистрироваться на портале Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта <https://journals.kantiana.ru/submit/> и следовать подсказкам в разделе «Подать статью онлайн».

6. Решение о публикации (или отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

7. Автор имеет право публиковаться в одном выпуске журнала один раз; второй раз — в соавторстве (в исключительном случае и только по решению редакционной коллегии).

8. Плата за публикацию рукописей не взимается.

Комплектность и форма представления авторских материалов

1. Статья должна содержать следующие элементы:

а) индекс УДК — должен достаточно подробно отражать тематику статьи (основные правила индексирования по УДК см.: <http://www.naukapro.ru/metod.htm>);

б) название статьи строчными буквами на русском и английском языках (до 12 слов);

в) аннотацию на русском и английском языках (150 – 250 слов, то есть 500 печатных знаков). Располагается перед ключевыми словами после заглавия;

г) ключевые слова на русском и английском языках (4 – 8 слов). Располагаются перед текстом после аннотации;

д) список литературы, оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. Должен включать от 15 до 30 источников, не менее 50 % которых должны представлять современные (не старше 10 лет) публикации в изданиях, рецензируемых ВАК, и (или) в международных изданиях. Оптимальный уровень самоцитирования автора — не выше 10 % от списка использованных источников;

е) сведения об авторах на русском и английском языках (ФИО полностью, ученые степени, звания, должность, место работы (организация, город, страна), e-mail, ORCID);

ж) сведения о языке текста, с которого переведен публикуемый материал.

2. Ссылки на литературу в тексте статей даются только в квадратных скобках с указанием номера источника из списка литературы, приведенного в конце статьи: первая цифра — номер источника, вторая — номер страницы (например: [12, с. 4]).

3. Рукописи, не отвечающие требованиям, изложенным в пункте 1, в печать не принимаются, не редактируются и не рецензируются.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены *в электронной форме* в формате листа А4 (210 × 297 мм).

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате *doc* и *docx* (Microsoft Office).

Подробная *информация о правилах оформления текста*, в том числе *таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы*, размещена на сайте Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта: <https://journals.kantiana.ru/vestnik/society/rules/>

Порядок рецензирования рукописей статей

1. Редакционная коллегия журнала «Вестник БФУ им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки» осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих ее тематике, с целью их экспертной оценки. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в издательстве и в редакции издания в течение 5 лет.

2. Ответственный редактор журнала определяет соответствие статьи профилю журнала, требованиям к оформлению и направляет ее на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему наиболее близкую к теме статьи научную специализацию.

3. Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются ответственным редактором с учетом создания условий для максимально оперативной публикации статьи.

4. В рецензии освещаются следующие вопросы:

- а) степень интереса тематики для читателей журнала;
- б) степень оригинальности статьи;
- в) точность и адекватность представленной информации;
- г) знание существующего состояния дел по данной проблематике;
- д) стиль и манера изложения;
- е) логичность построения статьи.

5. Рецензирование проводится конфиденциально. Автор рецензируемой статьи может ознакомиться с текстом рецензии. Нарушение конфиденциальности допускается только в случае заявления рецензента о недостоверности или фальсификации материалов, изложенных в статье.

6. Если в рецензии содержатся рекомендации по исправлению и доработке статьи, ответственный редактор направляет автору текст рецензии с предложением учесть их при подготовке нового варианта статьи или аргументированно (частично или полностью) их опровергнуть. Доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование.

7. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается. Текст отрицательной рецензии направляется автору по электронной почте.

8. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редколлегией журнала.

9. После принятия редколлегией журнала решения о допуске статьи к публикации ответственный редактор информирует об этом автора и указывает сроки публикации.

10. Текст рецензии направляется автору по электронной почте.

11. Редакция журнала «Вестник БФУ им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки» направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса.

Научное издание

ВЕСТНИК
БАЛТИЙСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. И. КАНТА

Серия
Гуманитарные и общественные науки
2025

№ 3

Редактор *Е. Т. Иванова*
Компьютерная верстка *Г. И. Винокуровой*

Подписано в печать 29.09.2025 г.
Формат 70×108 1/16. Усл. печ. л. 11,0
Тираж 40 экз. Цена свободная. Заказ 96

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14